

характер абстрактной подлости, заметно лишь прогрессивное движение от общерусской шутки: насрать соседу в карман - к злодейству чисто советскому: чтобы душу вывернуло не от вони, а от боли.

Квалифицированный донос отличается от простого тем, что рассчитан не только на вред другому лицу, но и на получение благодарности за услугу. Накатав на соседа, обычный стукач не постоит внизу своей подписи и будет ночами тихо выглядывать в окошко - не приехали ли за Петром. Такие упражнения, показывает практика тридцатых, свойственны самым бдительным представителям советского пролетариата и колхозного крестьянства. Стукач партийный обязательно себя обозначит, дабы труд и душевный износ возмещён был.

Для проверки степени греховности по каждой категории (классово-враждебные, шкурники и т.д.) на места разослали специальные вопросы. Централизованно закрыли идеологию, остальные вопросы следовало сформулировать самостоятельно.³⁶ На собрания по чистке обязали приходить всех, чтобы втянуть беспартийных в склоку и взаимодоносительство, называемое в среде кадровых большевиков принципиальностью. В редком трудовом коллективе чистка не превращалась в дикую склоку, в результате которой нормальные отношения заменялись многолетним обозлением.

По всем девяти категориям поганцев на Урале вычистили четверть коммунистов. Большая часть исключённых попала под классово-враждебные, пассивно пребывающие, нарушители железной дисциплины, перерожденцы, морально разложившиеся и, помимо стандарта, политически тёмные. В теории деревенские кадры были настолько слабы, что не умели визуально отличить отзовиста от, скажем, ветеринара.

В ячейках интеллектуальных, наоборот, ум вроде есть, но светлым его никак не назовёшь. Два студента пединститута (Свердловск) ушибли партследователя встречным вопросом - зачем делать колхозников зажиточными, они уже кулаками раз были? В вопросе

уловили провокацию, одного выперли из партии и института, другую заставили газетно каяться. Студентка мединститута (Пермь) Силина на вопрос: "Кто такой Гитлер?" - брякнула: "Председатель Уральского облисполкома!"

Партследователь упал со стула и отметил в отчёте, что по идейному разложению лекфак института опережает даже вульгарное клиническое отделение. Там вычищенных тоже 20%, но коммунистов в поштучном измерении много меньше.³⁷ К сему добавлю, что медицина была самым, пожалуй, идеологически сорным полем советской жизни. Булгаковский профессор Преображенский знал цену своей заносчивости. Медицина несла идеологическую заразу, но лечила от хвори физической. Всё, что способствовало личному благополучию партийной номенклатуры, стояло выше словесной чепухи.

Вычищенные по классово-враждебной категории в основном страдали за ущербность родителей и ошибки молодости. "С 1910 по 1921 год была женой белого офицера..." "Воспитывался в беленьких буржуазных пелёночках, а потому в партии не может быть..." Иногда контрреволюционное нутро вскрывалось прямо на чистке. "Чем отличается февральская революция от Октябрьской?" - В февральскую скинули государя, царствие ему небесное..." За царствие небесное ненавистному царю и залетел вроде нищий коммунары артели "Беднота" Бродоколмакского района. "Что делал у белых?" - "Возил раненых". "Почему не добивал?" - добил партследователь другого колхозника "Бедноты".³⁸

Часто антисоветчина внешне простодырого колхозника выявлялась благодаря профессиональным качествам партследователя и тонкой процедуре предварительного дознания. "Интимную связь с сыном попа имела?" У Богатенковой Анисьи из колхоза имени Голубчикова (Шумиха) всё опустилось - "и как узнали!?" Потом душа вспыхнула негодованием - "все они мужики такие!" - и она раскололась. "Да, имела". "При вступлении в партию, - сухо констатирует протокол чистки, - она скрыла социальное происхождение"

ние, отец её был спекулянт 21 года, был церковным старостой. Кроме того, она первый раз выходила замуж за кулака, который сейчас разоблачён...³⁹

“С какими семечками твоя мать ездила на рынок? - Со своими. - Пахал огороды кулакам на советских лошадях? - Пахал. - Корову в посевную запрягал? - Запрягал. - Колхознице Голубчиковой справку за литр водки давал? - Нет. - Где потерял печать сельсовета? - На посевной. - Как на счёт выпивки? - Три раза выпил. - В долг не выпивал? - Да, бывало. - Кто такие отзовисты? - Не знаю”. У вычищенца Кондратьева Пантелея, бывшего председателя сельсовета, познания в истории ВКП(б) были куцыми, а соседи - бдительными.

Сюжеты по выявлению нарушителей железной дисциплины мелкопредметны и серы. В промышленности - да! Там нарушения технологии в стремлении обмануть законы физики сплошь да рядом приводили к авариям, часто с человеческими жертвами. И опоздания на работу хорошо засечь. А в деревне проще. “Дан выговор за неиспользование коровы на севе”; “Вспашка производилась вопреки постановлениям правительства фигурно”; “Вывел на боронование и вспашку стельных коров, отчего у тех получились сплошные выкидыши”; “Допустил большой падеж скота, 17 голов молодняка расклевали сороки”.

В колхозе трудовой дисциплины нет вообще. Есть работник пьяный или пока с похмелья. Это не моё. Так ещё в восемьдесят первом сказал мой приятель Иван Додук, пилорамщик колхоза “Маяк” Половинского района. По большому счёту он прав.

“Где был в 1918 году? - Болел дома. - Как провёл праздник Октября? - 7-8-го был субботник, 9-го выпил. - Кто всесоюзный староста? - Не знаю. - Кто такой Молотов? - Два дня болит голова, забыл”. Свидетели показали, что большевик-бригадир Полев Егор в бригаде не показывался всё лето, но как только привезут муку, он первый. В Октябрьскую два дня пил беспробудно, а на третий гонялся с ружьём за колхозниками.⁴¹

Хочется помянуть добрым словом прошедших чистилище удачно. Кому была дорога должность, следовало вести себя искусно. Если ты не дурак дураком, неплохо бы начать так: “Образование нижнее, происхождение пролетарское, в оппозиции не состоял, во фракциях тоже, за границей не был и не собираюсь!” Сразу видно - наш в доску! По первости такие заявления партследователей очень умиляли, потом по протоколам обнаружилось, что многие говорят одинаково и исповедуются, видимо, не от души, а по шпаргалке. Членов комиссий призвали к бдительности.

Были и чистые в натуре. “Социальное положение - батрачка, вышла замуж за батрака, муж погиб в Красной Армии, работает она ничего, в партии может быть...” Окончательно убедил в том последний ответ голодающей вдовы Шаламовой Агнии. “Что дала женщине Октябрьская революция? - Освободила её”.⁴²

Гораздо содержательнее дела, связанные с перерожденцами и разложившимися. Спектр тех, кто вначале был вроде бы ничего, а потом круто скурвился, чрезвычайно разнообразен. Зав. Бишкильским Райзо Акатьев, к примеру, допустил буржуазное протипоставление интересов государства местным интересам, допустил перерасход масла при выполнении маслозаготовок, штамповал втирательские сводки по урожаю, допустил засорение аппарата дутовцами и анненковцами. Чиновника вычистили как чистого перерожденца.

Уполномоченный по заготовкам Аникин страдал пороком иным. Он, судя по протоколу, сплошь и рядом использовал в половом отношении арестованных антисоветских женщин. Действовал, якобы, по принципу: гребь всех, бог увидит - пошлёт большевичку. Из партии его ушли чистым разложившимся.⁴³

Вот секретаря Б.-Карасинской партиячейки Томашева вычистили сразу по двум статьям - шкурник и злостный сожитель с классовым врагом. В момент раскулачивания он присвоил некоторые кулацкие вещи. Мало того, до самой чистки имел хроническую половую связь с кулачкой.

Тема антисоветского секса, кинься хоть на крайний север Урала, превуалирует в обвинениях большевиков, имеющих право помыкать чужими бабами. Исчерпывающее объяснение порока мне слышится от Соловьёва Архипа, утверждавшего, по словам свидетелей, что от Советской власти надо взять если не едой, то п...ой.

“Соловьёв Архип, - читаем материалы чистки одной из партячеек ВИШЛАГа, - являясь старшиной Вижаихинского взвода и пользуясь своим служебным положением, изнасиловал заключённую Дубровину, ...предлагал половое сожителство заключённой Филимоновой, за отказ произвёл у неё незаконный обыск, при обыске угрожал оружием и расстрелом, занимался незаконными арестами, незаконно лишал зачёта рабочих дней заключённых. Безо всяких оснований называл заключённых женщин прэститутками, присваивал деньги заключённых...” Ну и там кое-что по мелочи - открывал стрельбу, терроризировал заключённых, сажил их вместо гауптвахты в дезокамеру, пьянствовал...⁴⁴

Не брезговали этим делом и зоркоглазые стражи пролетарского государства. “Елькин Василий, - возмём на вскидку Чердынское райГПУ, - являясь сотрудником на обслуживании спецпереселенцев, использовал своё служебное положение, принуждал к половому сожителству спецпереселенков, при этом обещал улучшить продовольственное снабжение”.⁴⁵

Разложенец разложенец рознь. Сотрудник райГПУ Мальков Иван, смеётся над чужой глупостью председатель комиссии, женился на дочери офицера и как дуру притащил её на Север. Перед чисткой зять белогвардейский напился и давай объяснять секретарю ячейки, что вынужден выбрать не партию, а жену, потому что жить без неё не может. Вычистили с удовольствием.

Женострадалцев у нас не любят. Микрюкова Василия выперли из той же ячейки, но с пониманием. Он с женой развёлся давно, однако в блядстве замечен не был. Тут другой наклон. Он похитил две бутылки спирта из фондов райотдела ГПУ и пролетел на мя-

кине, распил их с заключёнными по статье пятьдесят восьмой. А с ними даже взятое на свои деньги пить нельзя.⁴⁶

Головы ответственных партийных товарищей пойдут оптом в тридцать седьмом. Показательные расправы над секретарями сельскохозяйственных райкомов в 1932-1936 годах познавательны интересны в том плане, что внутрипартийная убогость отражена в них более реалистично, чем в инспирируемых следствием показаниях тридцать последних.

Начнём с конкретного. “В результате изучения можно сделать совершенно бесспорный вывод, что предыдущее партийно-советское руководство района срослось с классово чуждым элементом (кулаками, белогвардейцами), что породило кулацкую политику, извращая и искажая директивы вышестоящих советско-партийных инстанций”.

Так было доложено начальнику челябинского оперсектора ОГПУ про состояние Нагайбакского района. Персонально маразм выглядел так. Зарипов Сафа - секретарь райкома ВКП(б) - зять бывшего управляющего золотыми приисками, занимался в районе развратничеством. Бургучёв - председатель РИКа - сын атамана-кулака, занимался антипартийными поступками. Пулатов - директор зерносовхоза - поджигатель (на подозрении ОГПУ). Танаев - зав. канцелярией РИКа - белобандит, бежавший из Китая. Манзин - зав. агитпропом - сын церковного старосты, сорвал всю работу по политпросвещению. Зав. районо - нагайбак, кулак и белобандит. Зав. райфо - нагайбак, племянник белого генерала... И так далее. Не Советская власть, а какой-то шабаш.

Лобовой атакой обвинения был скотомор. Действительно, ну ни в какие ворота. За два года основные продуктивные твари вымерли в районе на две трети, а свиньи, как мамонты, - начисто. Многостраничное описание касается всех сторон жизни, включая бытие интеллектуальное. “Делалось всё, чтобы оставить население неграмотным. Из 30 курсантов-комбайнеров, пропущенных через мандатную комиссию, 90 % не могли ответить на вопрос, кто такой Сталин.”⁴⁷

Показательно для всего Урала район прочистили. Кому дали срок, кого выгнали без уголовных последствий. Материалы чистки пошли методическим пособием. Драму, разыгравшуюся в медвежьем углу, венчает документ, достойный большой истории. Даю его в небольшом сокращении.

“Отчёт-заявление бывшего секретаря Нагайбакского райкома ВКП(б) Зарипова Сафы. Как мы очищались от чуждых.

1. Минеев М. - член войскового круга, атаман, организатор национальной травли, бухгалтер РИКа - несколько раз сажали по линии РУП ОГПУ, не могли судить, выгнали.

2. Красильников - бухгалтер РПО, кулак - неоднократно решением не могли судить, выгнали как больного.

3. Корсаков - бухгалтер РПС, офицер - выгнали, после этого выгнал ещё одного кулака - фамилию забыл.

4. Фадеев - бухгалтер Заготзерно, сын попа - судили, оправдали и выгнали.

5-6. Дюскины - в РКСЖ - выселены как сыновья офицеров.

7. Долгих - инструктор и 8. Долгих - счетовод с Заготзерно - выгнаны как кулаки.

9. Ишменев - счетовод РКСЖ - выгнан как поп.

10. Ишимов - инструктор Заготзерно - осуждён как кулак.

11. Тихонов - инструктор по заготовкам РПС - выгнан как вахмистр.

12. Корсакова - сберкасса, выгнана как дочь офицера.

13. Фадеева - выгнана из района как дочь попа и из зерносовхоза.

14. Фадеев - инспектор бюро ИТР - выгнали как недавно вернувшегося из Китая.

15. Байгулин - завуч ШКМ, выгнали как сына купца.

16. Семёнов - зав. почтой, выгнан как сын дворянина....

Всех не упомяну...

Я до 1930 года работал пропагандистом, замешал РУП ОГПУ, так как у нас их не было. Когда я вступил секретарём РК..., исправились многие, сделали честью тех, кто под влиянием кулачества и прежнего руководства стал разлагаться...

Алексеев Яков - сейчас ответственный секретарь райСО, а в 1929 году с ружьём в руках охотился за уполномоченным в Париже. (У нас на Урале два своих Парижа - Большой и Малый - А.Б.) Соболев Илья был выдвинут в здравотдел РИКа, но заболел и в 1931 году умер. Соболев Константин начал было обрастать до кулака, выдвинут ветфельдшером. Егоров Владимир был выдвинут в Заготснаб, не мог себя удержать (постоянная пьянка), весной по его просьбе послали в село...

С точки зрения массового вредительства, классическим следует считать год тридцать четвёртый. Сила - единственный аргумент диктатуры в отношении с собственным народом. Властями выход из голодухи виделся в жесточайшем контроле за сельскохозяйственным производством. Пристальное внимание к натуре колхозника обнаруживает букет антигосударственных наклонностей, которого вполне хватит для убедительного обвинения во вредительстве. И с позиций высокой политики дело шло к совершенству. Грабительский экспромт утонул в прошлом. Каждая уборочная теперь разворачивалась во всесоюзную карательную операцию с хорошо осмысленной режиссурой.

В тридцать втором показательно разгромили Северный Кавказ, в тридцать третьем - Украину. Новая методика полагала фронтальное наступление по всем направлениям. С этой целью особым постановлением ЦК ВКП(б) в основные аграрные районы были направлены эмиссары с абсолютными полномочиями. Молотов курировал Западную Сибирь, Киров - Казахстан, Ворошилов - Белоруссию, Микоян - Курскую и Воронежскую области, Чубарь - Средне-Волжский край, Жданов - Сталинградский край. В Челябинской области шмон поручили наркомку земледелия Чернову. В только что образованную область вошла большая

часть сельскохозяйственных районов Большого Урала. Бить такую не грешно хотя бы в назидание.

Самое главное в ту кампанию было сказано сверху. На места поступили полиграфически безупречно выполненные материалы, которые назывались письмом Сталина. Пухлый буклет, к тому же очень секретный, назывался "О саботаже на Украине" и адресовался всем членам и кандидатам ЦК и ЦКК, секретарям обкомов, крайкомов, райкомов и предрикам. Основная тема письма улавливалась с преамбулы - враг с партбилетом должен быть наказан строже, чем враг без партбилета! Технологию перековки упрямого и самостоятельного мужика в трусливого колхозника вождь считал почти законченной. Надлежало перековать выдвигенца в палача.

Наглядно-методическим приложением к сталинскому письму стали материалы уголовной драмы, имевшей место в Днепропетровской и Харьковской областях, подпадающей под признаки эталонного вредительства. "Вам необходимо обеспечить себя полностью - оставить все фонды, как под посев, страхфонд и ряд других... Надо установить урожайность, не дающую в обиду колхозы".

Такую крамолу, якобы имеющую широкое хождение среди местного начальства, председатель ГПУ Украины Реденс своевременно пресёк. По двум областям под суд подвели сотни кадровых работников. Материалы операции Реденс передал в ЦК КП(б) Украины Косиору. Тот переслал их вождю народов. По этой же схеме (ГПУ - ЦК КП(б) У - Сталин - весь Союз) прошли материалы крамолы харьковской.

Днепропетровск и Харьков влетели в конфликт по обстоятельствам фатальным. Их вина не в особой концентрации саботажников на квадратный километр. Нет, просто они расположены на юге страны, где уборка начинается раньше и обобщённый опыт расправ может быть полезен областям России, приступаящим к страде позднее. Отчасти и не повезло. Рядом же есть Полтавщина, Черниговщина, Житомир, наконец.

Самое ценное в сталинском письме - приложения. В них дана полная раскладка дел по номенклатурному вредительству - образцы инспирирования обвинения, пристрастного следствия, незаметных подлогов, а главное - приговоров. Чтобы привыкали кадровые люди к настоящему социализму.

Письмо вождя тщательно обсудили на всех уровнях и с надеждой, что бог пронесёт, приняли к неукоснительному исполнению. В доверок к жанру эпистолярному Москва спустила постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), приказывающее "принять необходимые меры воздействия по отношению к партийному и советскому руководящему составу в тех районах, где плохо поставлена работа по уборке, обмолоту и хлебозаготовкам...

Принять все предусмотренные законами меры воздействия на сдатчиков хлеба: штрафы и досрочное взыскание невыполненной части всего годового плана хлебосдачи, по отношению к неисправимым колхозам и единоличникам - штрафы до пятикратного размера с привлечением к судебной ответственности по статье 61 УК... Направить на места две трети членов бюро обкомов, крайкомов и членов президиума крайоблесполкомов на весь сентябрь месяц".⁴⁹

Одновременно с этим всем областям подбросили планы и... "Учитывая крайне напряжённое состояние с государственными хлебными ресурсами, - эта директива вышла в октябре, - ЦК и СНК вынуждены пойти на снижение размера отчислений от закупаемого хлеба для областей и районов в сравнении с прошлым годом". Впредь области оставляли 5%, а районам 3% от заготовленного хлеба. Для системы Центросоюза ввели правило - часть стоимости всех продаваемых на деревне товаров оплачивать хлебом.

Технологию выявления вредителя с партбилетом начнём изучать, не отходя далеко от наркома земледелия. Чернов появился на Южном Урале в начале сентября 1934-го. Сперва в холодный пот бросило провинциальное чиновничество. Было замечено, что нарком, прибывая в какой-либо район, по-большевистски выгонял на деревню конторский штат. Маши-

нистки, счетоводы, почтари, привыкшие мало от родины требовать и получать, испуганно смывались с глаз. Действия наркома вписывались в среднюю ступень управленческого профессионализма, когда руководитель внутренне осознаёт своё ничтожество, а внешне маскирует его загадочными поступками.

6 сентября в "Правде" появилась разгромная статья "Почему молчит Челябинский обком?" Газета призывала сломить антигосударственные тенденции, возобладавшие, якобы, в Курганском, Лебяжьевском, Ялано-Катайском и других районах области. Вряд ли кто помимо наркома понимал, что "Правда" лает по расписанию и статья предусмотрена программой репрессивной кампании. Каждый из перечисленных выше обер-уполномоченных, будь он на Волге или в Сибири, получил в поддержку по подобной статье.

Большевики-аборигены засуетились. На следующий же день состоялось пожарное заседание Челябинского ВКП(б) с резолюцией - снять, снять, снять... В областной газете "Челябинский рабочий" появилась броская рубрика, в которой главный прокурор Леонидов из номера в номер давал списки арестованных руководителей. Районная печать выбирала из реестров знакомые имена, чего вкуче с сообщениями ТАСС и к радости журналистов хватало, чтобы забить полосы. К тому же этот дубина Каганович (со слов секретаря Челябинского обкома) заставил перепечатывать в местных газетах и правдинскую статью, и постановление ЦК ВКП(б) по Челябинской области.

Да, такое постановление было. 30 сентября оно поступило за подписью Молотова и Кагановича. "Челябинская область, - говорилось в нём, - не только не даёт повышения темпов хлебосдачи, но и снижает их... Предупредить челябинский обком партии и оргкомитет Советов, что если они не добьются решительного подъёма темпов хлебосдачи, обеспечивающих выполнение плана, к ним будут применены строгие меры взыскания, а секретарь обкома Рындин, председатель оргкомитета Советов Советников будут сняты с постов как несправившиеся с работой..."

За срыв плана сдачи хлеба и уборки снять с работы и исключить из партии секретаря Упоровского райкома ВКП(б) Павлова, предисполкома Азанова, начальника политотдела Бродоколмакской МТС Теплякова...

За противодействие хлебосдаче снять с работы, исключить из партии и отдать под суд директора Бродоколмакской МТС Власова, уполномоченного Комзак СНК по Ишимскому району Седова. За полную бездеятельность и потворствование срывщикам хлебосдачи снять с работы и предать суду с немедленным арестом директора челябинского зернотреста Баландина., снять с работы и предать суду с немедленным арестом директора Комсомольского совхоза Баженова...

В трёхдневный срок направить в Челябинскую область не менее 100 опытных машинистов молотилок в качестве инструкторов по организации молотьбы... Командировать в Челябинскую область 30 руководящих работников из Москвы и 20 начальников политотделов передовых МТС".⁵⁰

Народный комиссар земледелия начал закручивать гайки со скрежетом. К действию подстёгивал душевный дискомфорт, вызванный кремлёвским инструктажем и постоянными запросами. Из экспромтного вояжа по районам он вернулся не в духе и спешил найти крайних. Областным лидерам с побелевшими от страха губами было приказано срочно созвать партийно-хозяйственный актив для проработки ситуации. Секретарей райкомов, предриков, начальников райуправлений НКВД, составляющих вкуче с судебно-прокурорским аппаратом гвардейский корпус хлебозаготовок, выдернули, игнорируя личные обстоятельства, в Челябинск.

Третьего октября провинциальные заготовители собрались в зале обкома партии. Над кворумом повисла тяжёлая предгрозовая тишина. Им, поднаторевшим в местной, вдали от общеуральской столицы, репрессивно-поборной суете, разгромная статья в "Правде" и цеховское постановление показали эхом далёкой московской политики. Нервозная перетрусь област-

ных аппаратчиков дала, однако, понять, что московский гость будет похлеще Кабаковых и Рындиных, что грядут большие осложнения. Что саботажников могут найти и в этом зале. "Уже сидят!" - шёпотом ползло по аудитории сообщение о судьбе упомянутых в московской директиве.

Не желая утомлять читателя внешней стороной дела, приступаю к почти стенографическому изложению материала, но оставляю за собой право на вымысел лишь в декоративных мелочах.

Когда местная номенклатура расселась по местам и у дверей встали доверенные ребята, слово предоставили нарком. Встречных аплодисментов не зафиксировано. Михаил Александрович был человеком прямым и сразу взял публику на испуг.

- Присмотревшись к тому, что творится на месте, я прихожу к выводу очень серьёзному - секретари райкомов, начальники политотделов МТС, не говоря уже о директорах МТС, совершенно отошли от руководства уборкой. Вот впечатление, основанное на тех районах, в которых я был. Того, что я видел на Северном Кавказе, когда мы там были с тов. Кагановичем, на Украине и т.д., где начальники политотделов командовали колхозами, у вас тут и духу нет.

Нарком не рисовался, отнюдь. Читатель помнит, что творила шайка Кагановичей, Микоянов, Черновых на Кубани осенью тридцать второго. Нетрудно экстраполировать классическое партийное остервенение во времени, чтобы представить их деяния в тридцать четвёртом. Правда, массовые выселения инструкцией от 8 мая 1933 года были закрыты, но оставался богатый выбор форм уголовного преследования в розницу.

В затянувшейся преамбуле нарком поплыл было в лёгкую сентиментальность - вспомнил романтические эпизоды выселения целых станиц, перековку станичников из упрямых в шёлковых и многое другое, делая особое тоническое ударение на коротких дружеских связях с секретарём ЦК ВКП(б) Кагановичем.

Про секретаря Михаил Александрович явно врал. Не за что ему было любить Кагановича. Шилом в заднице качалась секретная телеграмма из Москвы, в ко-

торой Лазарь Моисеевич обещал в случае срыва областных хлебозаготовок воздать "другу" то, чем тот стращал уральских аборигенов. Когда публика обмякла, полагая, что перебрала с испугом, нарком вернул всех к исходному состоянию партийно-заготовительным кредо.

- Надо не удовлетворяться тем, что колхозам в качестве бумажки спускать пятидневные задания. Надо от председателя колхоза отобрать письменное обязательство о том, что он обязуется в такую-то пятидневку вывезти столько-то хлеба и в такой-то день столько-то. Начальники политотделов должны это проделать в течение двух-трёх дней; отобрать решительно от каждого колхоза обязательство и предупредить, что с теми, кто будет срывать обязательства, мы чваниться не будем, а будем жестоко судить за срыв хлебозаготовок.

- Надо будет телеграфно предложить, чтобы в каждом районе выбрать два-три колхоза и оштрафовать их на основании закона. Но оштрафовать так, чтобы в течение трёх дней штрафные деньги были взысканы и чтобы об этом было опубликовано в районной и областной газете.

Колхозных председателей, тем более колхозников, на столь авторитетном собрании не было, наркомовский тезис прошёл под аплодисменты. Оценили не тривиальную суть, шершавое обращение с колхозами присутствующие освоили давно, а сам факт высокого цеховского признания номенклатурного подвижничества.

- Надо в каждом районе, - раскачивал идею нарком земледелия, - выбрать сельский совет, где буквально разорить дотла трёх или пять единоличников и выбрать для этого таких, которые имеют лошадей. А такие ещё есть. Оштрафовать их в пятикратном размере рыночной стоимости несданной части хлеба и привлечь по статье 161 УК. В течение двух-трёх дней, или сколько там полагается по прокурорским законам, привести эти судебные приговоры в исполнение. И опубликовать в районной и областной газете.

И этот тезис вызвал одобрительный гул. Особое впечатление произвела облеченная в высокую художественную форму мысль о расправе над единоличниками. В обрастающей пухом номенклатуре просыпался живой интерес к свежей фразе и позе. Ещё далеко не каждый секретарь райкома прятал в штате составителя или, на худой конец, редактора докладов. Конечно, власть давала почти полное удовлетворение. Но хотелось и выглядеть умным. Впредь все местные директивы безбоязненно и со вкусом тиражировали наркомовское "разорить дотла".

Зал эмоционально сдох, когда Михаил Александрович предложил устроить учебно-показательные расправы над эмтээсовскими и совхозными механиками, для чего считал нужным повсеместно дать открытые судебные процессы над предварительно подобранными экземплярами. Только не по технарям томились кадровые душешки. Кого гребёт чужое горе? Все понял восходящую по ступеням наркомовскую логику, не допускающую сомнений относительно того, что скоро и сидящих в зале возьмут за вымя. И дождались...

- Что касается наших руководящих товарищей, я лично считаю, что сегодня одного из секретарей райкомов надо снять с работы и исключить...

Нарком, нехорошо улыбаясь, пробежался по аудитории взглядом, но ответного не встретил ни одного. Все прятали глаза, как от Вия. Передние с демонстративным усердием что-то записывали в блокнот, задние, съёжившись, старались вписаться в габариты впереди сидящих. Утробистым это не удавалось и они ныряли за чужие затылки головой.

Взгляды членов президиума тоже явили глубокую внутреннюю сосредоточенность и повисли в пыльной бесконечности. Сидеть не хотел никто. Хотя все понимали, что тем, которые сейчас попадутся на глаза, саботажников пришьют на полную катушку - для отчёта перед Москвой. Могильную тишину нарушал уловимый только обострённым ухом топот осенних мух по оконному стеклу.

В этот почти мистический момент откуда-то сверху и спасительно прозвучала фамилия первого секретаря Бишкильского райкома партии. "Крупин", - свистящим шёпотом полетело по залу. Тут же выяснился криминальный факт. Или потому, что хвост ему накрутили по месту жительства - вояж московского гостя прошёл по его району, или потому, что всё уже понял, но на собрание поименованный секретарь не явился.

Действительно, при проверке Крупин не выказал должной угодливости, и теперь нарком решительно поддержал его кандидатуру для публичной экзекуции. Уловив, что на этот раз пронесло, секретарская часть публики вскипела пролетарским гневом. "Судить его, подлеца, позорящего высокое звание коммуниста!" Из президиуса слышались варианты расправы один смелее другого.

- По сложившемуся в партии положению, - играя под Сталина, продолжил нарком, - неудобно исключать товарищей, не спросивши их. Но это нужно сделать так - сегодня же вызвать его сюда, спросить и принять решение. Если его не спросить, это будет одним из оснований для апелляции.

После секретаря дошла очередь до директоров совхозов и начальников политотделов. Нарком предложил исключить из партии, снять с работы и отдать под суд по одному экземпляру от каждой категории. Возникающие при этом процессуальные тонкости: директора, парторги и главные специалисты совхозов входили в номенклатуру ЦК ВКП(б) и без соответствующего разрешения не могли быть отстранены от работы, а тем более - привлечены к уголовной ответственности - Михаил Александрович обещал уладить. Дело в том, что работа чрезвычайных уполномоченных оценивалась не только реальным сдвигом в хозяйственных кампаниях, но и кадровым шорохом на местах. Реестр жертв свидетельствовал об уровне полезной делу революционной беспощадности.

- Предупредить уполномоченных обкома партии, - добрался нарком до самых ответственных, - что по претъей пятидневке будут судить о их работе. Десять

дней на исправление упущений вполне достаточно. Если в третьей пятидневке октября сохранится отставание от планов, по отношению к одному из них будут приняты самые жёсткие меры...

Далее чрезвычайный уполномоченный пояснил, что слушать причины невыполнения вообще не намерен и считает единственно приемлемой информацией с мест рапорты о выполнении годовых планов хлебозаготовок. Озадаченных уполномоченных как крылом смело. Каждый кинулся к месту своего хлебного промысла, готовый на крайнюю подлость, чтобы к пятнадцатому числу не оказаться крайним.

Посетовал нарком земледелия и на недостаточную оперативность репрессивных органов. Но отношение к ним, особенно к НКВД, нашло характер родственно-дружеских советов.

- Я лично считаю, что районные уполномоченные НКВД ещё не делают того, что делали и как помогали нам уполномоченные ГПУ во всей нашей заготовительной работе...

Вспомним и мы о преступной роли ОГПУ во всех принудительных кампаниях, начиная с изъятия денежного оброка до массовых выселений.

- У нас получается так, - перешёл нарком к практическим рекомендациям, - то трактор стоит, то комбайн стоит. А почему бы уполномоченному ГПУ не вызвать комбайнера и тракториста и не допросить их? Не обязательно их арестовывать, можно только допросить. Или председатель колхоза хлеб не вывозит - почему не допросить? Или в бригаде у какого-нибудь бригадира не порядок. Почему бы не взять бригадира за шиворот? Если молотилка задание не вымолачивает, мы знаем, что это всецело зависит от подавальщика. Почему не вызвать его и не допросить?

- Когда вы этот нажим проявите, каждый случай вызова не останется бесследным. Вызова для переговоров с ГПУ мужик боится и поэтому, если узнает, что его соседа уже в ГПУ вызывали, он постарается, чтобы его не вызывали. И ваша работа в деле помощи хлебозаготовкам должна быть построена на этой основе...⁵¹

Тонкий знаток мужицкой психики развернул программу действий для всех и вся, заложив в каждый практический совет долю персонально дозированного страха.

О событиях, развернувшихся на уральской деревне после наркомовского инструктажа, поговорим с документами в руках. Первый - письмо одного из председателей Кочкарского района, которое он решил направить секретарю Челябинского ВКП(б) Рындины, секретарю ЦК ВКП(б) Кагановичу и в Партконтроль. Скажу сразу - писал мужик зря. Да и то сказать, где она - правда-то, хоть пока пишешь, душа остынет.

"7 октября 1934 года, - сообщает друзьям по партии наш истец, - приезжает в колхоз уполномоченный от НКВД и РК Захваткин и начальник милиции Насонов. Сразу же заявили о необходимости сдачи хлеба. Им было отвечено, что колхозники авансированы хлебом давно и излишков у них нет. Контрольная цифра заготовок была уже выполнена. На что было отвечено, что не выполнили план заготовок по сельсовету".

Материалы разборки упоминают, что при вызове председателя артели и колхозников к уполномоченным последние в воспитательных целях развесили по стенам наганы и иной милицейский такелаж. Да и вели себя подчёркнуто нарывисто. На требование председателя колхоза отоварить продаваемое сверх плана зерно уполномоченные заявили, что сейчас разговор не о том. Упрямство председателя всех развеселило, и ему в последний раз было сказано, что мы создаём колхозы большевистские, а не частнокапиталистические. В том смысле, что если Советская Родина очень хочет жрать, интересы колхозника не имеют никакого значения. "Будет тебе товар, жмот!" - отмазался обещанием начальника милиции.

Срочно, с 11 вечера до 4 утра, с помощью "актива" прошли обыском всю деревню. С рассветом первые 49 центнеров частного и колхозного хлеба вывезли в сельпо. В колхозные бригады отправили нарочных со срочным указанием - за ночь обмолотить

и к 10 утра вывезти весь хлеб. Молотили под первый мокрый снег, и утром было вывезено ещё 96 центнеров. В колхозе не осталось и горсти хлеба.

Председатель вдогонку получил нагоняй за то, что для вывозки хлеба снял с пахоты 72 колхозные лошади. Читатель уже нашёл единственно правильное решение. Да, тягло надлежало забрать у единоличников. Действия уполномоченных признали верными, так как райкому партии надо было к 12 часам отчитаться по хлебу и репрессиям.⁵²

Вскоре на Урал прилетел сам Каганович. Именно к его приезду деревне выворачивали карманы, чтобы дать повышение темпов хлебосдачи. Наш наивный председатель из деревни Минки плохо знал тех людей, которым надумал жаловаться. Кузьма Рындин очень хотел остаться вождём Челябинской области, Михаилу Чернову нравилось быть наркомом, да и Лазарю Моисеевичу было приятно сознавать, сколь уважительно его боятся. Последний прибыл на Южный Урал с двумя вариантами будущего. Либо отмерить местным вождям по сроку, либо выдавить план.

Об этом он и сказал на заседании бюро Челябинского ВКП(б), аврально созданное 9 октября. В ответ секретарь ЦК услышал благодарность за отеческую заботу. Потом ему с приятным искательством во взглядах сообщили, что хлеб, слава богу, пошёл. В обоснование благой вести показали сводки о поступлении зерна на пункты Заготзерно и документы отгрузочные. Лазарь Моисеевич требовал с уральских большевиков обещание выполнить годовой план в октябре и где-то тут же расправиться со своими вредителями.

Партсекретарь, прибывший в родную вотчину после встречи с третьим-четвёртым вождём Союза, пытал естественным подозрением. Предоставленная возможность самостоятельно отыскать и поставить к стене вредителя одновременно и окрыляла, и придавала собственной персоне вес. Делала, прямо сказать, настоящим, пусть пока районным, но всё-таки вождём. Найти бы такого вредителя, мечталось каждому, что-бы в Москве изумились!

Чаяния местного вождя проследим через поступки секретаря Каргапольского райкома партии Павла Потатуева, который ровно через три года пойдёт под расстрел в одной струе с вождями общеуральскими. "Типичная провинциальная сволочь", - так сказал о нём старший товарищ по партии Кузьма Рындин.

"Почти во всех колхозах, - телеграфировал он тому же Рындину, - мы встречаемся с таким обстоятельством, что первый обмолот идёт на покрытие продовольственных потребностей колхозников. Несмотря на ряд указаний, которые были даны мною, этот саботаж до сих пор не сломлен... Хуже обстоит с единоличниками. Благодаря отсутствию должного контроля со стороны сельсоветов, мы столкнулись с таким фактом, что они сжали почти всю рожь, сушат в банях, мелют на ручных мельницах и едят, и ни одного килограмма не сдали государству... По этому делу принято специальное решение".⁵³

Вредительские настроения, заметил секретарь, проскальзывают у некоторых партийных руководителей, вполне, мол, допустимо, так как колхозники не имеют хлеба и надо в первую очередь накормить тех, кто хлеб убирает. "По этим вредным настроениям я крепко ударил".

На языке деревенских большевиков "крепко ударить" означало принудительное изъятие всякого хлеба и сопутствующие тому кары. Остановимся на кружевах, украшающих наш простенький менталитет. В те годы модным было изъятие у населения ручных мельниц. Рушалками зовут их на Урале и в Сибири. Конфискация ветряных мельниц многое изменила в быте уральских земляков. За размол на теперь государственных мельницах следовало платить гарнцевый сбор, равный десятой доле привезённого.

Платили таковой и раньше. Подножка судьбы заключалась в другом, обращаясь на мельницу, колхозник или единоличник дешифровали себя. Давали понять, что хлеб у них ещё есть. Заготовитель подкарауливал крестьян на мельнице. Хлеб могли просто изъять. После подворного шмона наличие хлеба давало основание для уголовного преследования. Откуда у

тебя хлеб, если при проверке выгребли всё под веник? Значит, прятал или украл.

На мельницы хлеб возить не стали. Через них пропускали только колхозный продукт, предназначенный для общепита, то, что утаить невозможно. Практически деревня тридцатых жила тайным помолом, за который власть жестоко преследовала. Факт скрытого помола считался откровенным вредительством, так как сопровождался сокрытием от государства гарницевого сбора.

В горных районах Урала переработка зерна велась обычно на рушалках с каменными жерновами. После недолгого притирания такая снасть при двойном пропуске даёт вполне приличную муку. Каменные жернова изготовить трудно, а разбить легко. Вскоре Урал перешёл на жернова деревянные, которые характерны для равнинного Зауралья.

Сделать их просто. В жёрнов, выпиленный из узловатого берёзового комля, набиваются осколки чугунка. Сначала всё крутится туго и искрит, но потом постепенно притирается. Круглыми ночами деревня довоенная и послевоенная вредительски крутила это самодельное орудие.

Потому ночами, что боязно было. Карательные органы бдили, памятуя о директиве областной прокуратуры на сей случай. Возмущённая тайным помолом на ручных мельницах и ступах, она приказывала: "лиц, производящих разمول на ручных мельницах, привлекайте к уголовной ответственности, применяя закон от 7-8-1932 об охране социалистической собственности, статьи 58-7, 105 УК... Немедленно изымайте мельницы у их владельцев как средства преступления..."⁵⁴

Удовлетворённые тем, что деревне хватает тямю выжить при любом строе, погоняемся за вредителями по знакомому Каргапольскому району. "За период уборочной кампании, - объявил на совещании Павел Потатуев, - мы в нашем районе имеем около 12 случаев террористических актов". Секретарь райкома был молодым, зубастым и славянином. Грассировать

изящно, по-ленинско-еврейски, он не умел, поэтому копировал Кагановича в манерах.

"Эти акты, - продолжил он, - связываются с избиением комсомольца, избиением руководителя пионеротряда, избиением учителя, убийством бригадиров, убийством бригадира-женщины, избиением члена сельсовета в Игнатове, нападением на замначполитотдела тов. Дерябина, нападением на моего заместителя и начполитотдела Буквина, убийством в колхозе "Огонёк"... Большинство этих дел ещё не вскрыто".⁵⁵

Если бы всё было так, как изложил зело бдительный большевик, район бы впору огородить колючкой по периметру. Хотелось, чтобы там, где-то на большой пересылке, каргапольский этап вредителей был самым впечатляющим. Большевики-аборигены, Потатуева направляли в район накануне уборки, ужаснулись вяло и больше сомневались.

Среди тех, ктоотреагировал на ужас неадекватно, оказался молодой начальник райНКВД Кошкарёв. С него потребовали объяснений. "Может быть, я молодой чекист, - сказал он, робко откашливаясь и стараясь не встречаться взглядом с человеком, видевшим живого Кагановича, - может быть, я потерял классовое чутьё... Покушение на начальника политотдела и зам.секретаря РК, как бы я ни был политически близоруким, но все же придал бы делу серьёзное значение... Мы выехали и убедились, что в этом факте никакого покушения не было..."

Райкомовская версия событий была похожа на сценарий революционного детектива - два часа нашим плохо, но потом всё равно победят. Идёт начальник политотдела Буквин и зам.секретаря РК по деревне Житниково. Навстречу бандитская группа в пять человек. Кого-то бандиты якобы схватили и давай трясти. Один из нападавших выхватил револьвер и закричал: "Ни с места, стоять!" Наши чудом спаслись.

"Оказывается, - искорёжил версию чекист, - они шли, идёт напротив них пьяный человек, председатель колхоза выдвинулся вперёд. Дескать, чего ты шумишь? У этих товарищей (так он про бандитов - А.Б.)

кроме балалайки ничего не было. Все они находятся у нас под арестом незаконно.

Следующий факт - убийство бригадира в деревне Журавлёво. Выезжаем туда все. Узнаём, женщина-бригадир МТФ, ей 33 года, мужу 60 лет. Она мужа бросила, сошлась с 40-летним. Здесь муж говорит соседу, что я не выдержу, я её убью. Потом действительно подождал её возвращения со скотного двора, подошёл и стукнул железом. Пока мы приехали, он ушёл в другую деревню и заявил в милицию, что убил жену за то, что она не стала с ним жить.

Далее возьмём нападение на Дерябина - заместителя начальника политотдела. У нас есть заявление Дерябина, что нападения на него не было. Пришёл пьяный человек на собрание, начал кричать. Его вывели, он пришёл во второй раз. Потом кто-то говорит, что у него бердан. Захватили - никакого бердана не было. Сейчас этот человек осуждён за это дело, но говорить о нападении не могу. Нет никаких таких фактов...⁵⁶

Зелёный от злости секретарь райкома потребовал поддержки от начальника политотдела Каргапольской МТС - у тебя под носом такое творится! Тот долго юлил между правдой и должностью и оставил от факта одну кожуру. "Был случай, пришёл пьяный мужик, в прошлом исключённый за хулиганство, и поднял скандал. Узнав об этом, я поехал и привлёк его по закону от 7 августа 1932 года..."⁵⁷ Чекисту больше слова не давали. Не тот попался чекист. После совещания ему объявили, что от должности он освобождён, ибо не имеет никаких способностей к самостоятельной оперативной работе.

Многие дела на навозного вредителя сработаны топорно. Сюжеты преступлений в основном завязаны на бытовой пьянке. Драма или трагедия вспыхивают обычно в том состоянии, когда ещё очень хочется, но уже ничего нет. Активный поиск приводит к обострению событий, из которых опытный следователь может высеять контру.

Гораздо чаще компромат лепился во время первого допроса. Пребывая в состоянии похмельной ане-

мии, обвиняемый искренне изумлялся версии вчерашних событий, излагаемой следствием. Возражать он не мог, ибо выпал из рассудка задолго до их кульминации. Если говорить вообще, идеологическую гниль трудно отличить от наших национальных особенностей. Потому, верно, самым ходовым вопросом следствия по контрреволюционным делам был чистый юридический абсурд: "В чём конкретно вы признаёте себя виновным?"

Вредитель-интеллигент, в коем национальные черты потёрты образованием, обходил ловушку, неся какую-нибудь стороннюю чушь. Вредитель от земли выбивал клин клином: "Пиши сам, я же ни хера не помню!" Вот и выходило, что по каждому делу следствие писало целый детектив.

Областные карательные органы работали тоньше и с сиволапым вредителем дел не имели. В центре показательных процессов, которые после визита Кагановича пошли стеной, вертелся деревенский комсостав. Газеты из номера в номер, разворотом, под шапкой "Нет пощады врагам народа!" или что-то в этом роде громили район за районом. Под показуху выводили целыми колхозами, по делам пустили вредительно-бандитские организации. Для солидности. Кто из местных знал, что на район есть разнарядка - три правления под суд со сроком, одно под показуху с расстрелом.

Возьму типичный пример. 16 октября сессия облсуда открыла показательный процесс над бандитской группой из колхоза "Победа" Кочкарского района. Падёж скота, саботаж заготовок, укрывательство хлеба и иная классика вредительства. Преступные деяния доказаны следствием блестяще. Про ужасающую колхозную бесхозяйственность юристы с гневом говорили три дня. Смягчающее вину обстоятельство (такое, мол, творится везде, а через раз и того хуже!) к расстрелу не было принято.

"Считая всех обвиняемых особо социально опасными", областной суд приговорил Дмитрия Соколова - председателя колхоза, Журавлёва Фёдора - счетовода и Лебедева Гордея на основании статьи 58-14 УК

“подвергнуть высшей мере социальной защиты - расстрелять с конфискацией всего имущества”. Ещё двоим подсудимым дали по 10 лет на основании указа “семь восьмых”.⁵⁸

В конце октября месяца Урал выполнил годовой план хлебозаготовок. Рапорт о сем торжественном событии немедленно отправили Сталину, Кагановичу, Молотову и кое-кому из вождей отраслевых. В нервотрясе ждали и через пару дней получили поздравление за подписью Лазаря Моисеевича.

“Пронесло!” - вздохнул хором облаппарат. Вспомнился неприятный весенний прецедент. Тогда тоже отправили рапорт, а через день пришла правительственная телеграмма: “СНК и ЦК ВКП(б) указывают Вам на ошибочность посылки Вами рапорта о выполнении плана сева...” Скажите, приятно ли работать, когда какая-то стерва сидит в аппарате и втихаря стучит обо всём столице? Ведь недосеяли-то, обидно, с гулькин нос.

Раньше тридцать четвёртый был назван годом классического вредительства. И не только на Урале. По всей стране оттремели показательные процессы, в основном по поводу ужасающей бесхозяйственности. Процессы злые до расстрелов, ввергнувшие в гулаговский оборот деревенский комсостав. Нервный получился год, душу выворачивающий. В январе, перед самым 17 съездом ВКП(б), прошла всеуральская партконференция. Ей предшествовали форумы районного масштаба. Полтора месяца большевики ходили в именинниках и купались в тёплой газетной лести. По указанию Уралобкома партии каждая местная газета накануне конференции отвела целый номер для славословия в адрес Кабакова.

Лесть подчинённых в пороки не входит. “Эти победы, - взято из стенограммы конференции, - осуществлены в результате большевистского руководства обкома партии, во главе которого находился у нас лучший, крепкий большевик, лучший ученик товарища Сталина - Иван Дмитриевич Кабаков! Организация была сплочена вокруг ленинского ЦК, вокруг вождя, великого стратега - товарища Сталина!”⁵⁹ Та-

кое сказали и обязаны были сказать все. А цитировался спич секретаря Надеждинского РК ВКП(б), с которым лучший ученик вождя пойдёт под вышку.

Лесть - не порок, но иногда вредит шее. Свежего секретаря Челябинского ВКП(б) в иконах пока не малевали и льстили по-деревенски грубо. “Начиная с нынешней весны, с момента приезда к нам Кузьмы Васильевича Рындина, как будто кто-то подменил колхозников, работать стали гораздо лучше по сравнению с прошлым годом”.⁶⁰ На такого червя брал Рындина парторг-одиночка из колхоза “12-й Октябрь” Щучанского района, осатанев, видимо, от повседневного трудового героизма и надеясь выбиться в люди.

Год, начавшийся вроде бы спокойно, раскочался до ежедневного страха ареста и закончился событием, к которому всё шло. 1 декабря 1934 года в Ленинграде убили Кирова. Злодейски, скажут те, для кого после обвала коммунизма он остался олицетворением государственного ума и честности. Может и те, понимающие, что особое отношение к Кирову вызвано его гибелью до мясорубки тридцать седьмого, разделившей всех на хороших и выживших. Угоди тот же Клим Ворошилов под один из процессов 1937-1938 годов, сейчас ходил бы в святых. “Собаке - собачья смерть!” - говорили вдогонку Кирову, хлебнувшие горя от его Советской власти. И даже рисковали не выходить на обязательные траурные митинги.

Как ни крути, если мировая война неизбежна, кто-то должен стрелять в принца. Для перехода от борьбы с вредителями к борьбе с врагами народа нужен был яркий повод. На роль великомученика Киров подходил больше всех...

Вечером 1 декабря 1934 года секретарь президиума ЦИК Амель Енукидзе подписывает документ, ради которого был реализован трагический сюжет. Потом сотни тысяч подрасстрельных приговоров будут обязательно ссылаться на эту бумажку.

“1. Следственным властям - вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком.

2. Судебным органам - не задерживать исполнение приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению.

3. Органам Наркомвнудела - приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров".⁶¹

Вскоре страну порадовали сообщением Наркомвнудела о вскрытии террористического подпольного ленинградского центра. Расследованием было установлено, что "эта антисоветская группа представляла собой замкнутую группу, потерявшую всякую надежду на поддержку масс, политически обречённую и ставшую, ввиду безнадёжности осуществления своих целей, на путь террора".

Понятно, что замкнутая и безнадёжная. Менее года тому назад, на 17 съезде партии, названном съездом победителей, Сталин сказал, что СССР почти очищен от мерзости и вроде бить-то больше некого. Тем не менее, по партийной линии прошли строгие директивы, обязывающие повсеместно провести собрания и митинги с суровыми резолюциями в адрес обнаруженной НКВД ленинградской контры.

НКВД тем временем демонстрировало необходимую в таких случаях расторопность. Из номера в номер газеты давали сообщения: то об аресте по делу Кирова дополнительных лиц и лиц, подпадающих под административную высылку, то вести о том, что нашлись дополнительные данные об участии в подпольной террористической организации Зиновьева Г., Евдокимова Г., Каменева Л. и других, то текст обвинительного заключения.

В середине января тридцать пятого пошёл приговор по "московскому" центру (по 5-10 лет каждому) и списки на сотни фамилий, приговорённых Особым совещанием при НКВД СССР к ссылке. В тюрьмы Урала прибыла партия солидных заключённых. Как оказалось, в гости. Через полтора года кое-кого из

них срочно вывезут в столицу, чтобы теперь расстрелять по делу "Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра".

Собрания и митинги, инициируемые по поводу убийства Кирова и показательных процессов на рубеже 1934-1935 годов, не были пассивным проявлением скорби или солидарности с действиями НКВД. Каждый митинг, учила партийная директива и "Правда", должен стать школой классовой ненависти и пролетарской бдительности. "Долой позорную нейтральность!" - призывали партийные провокаторы и требовали строгого учёта присутствующих на митингах от трудовых коллективов и домоуправлений. Не явившихся автоматически заносили в списки двурушников или пособников международной и внутренней реакции.

На собраниях началось выталкивание собственных, доморощенных троцкистов и даже зиновьевцев. Однако, прежде чем следить за быстрым окукливанием вредителей во врагов народа, бросим взгляд на эволюцию тайной, в основном деревенской, антисоветчины. О порочных хозяйственных поступках мы кое-что знаем, теперь черёд знакомства с вредительскими движениями мысли.

Советскую власть крестьянство не любило никогда. Но особенно, или мне так кажется, именно в годы великого дурелома. Архивные материалы ОГПУ и НКВД о политических настроениях на Урале свидетельствуют, что деревня погрязла в антисоветчине. В нынешнем парадоксе сплошного её покраснения ни чувств, ни преданности идеям искать не надо.

К колхозу и партии мы привыкли, забыв во что они обошлись нашим прародителям. Если отсохла память о родителях, в душе нет места богу. А с точки зрения желудочного материализма, лучший из колхозов тот, где можно безнаказанно воровать. Поэтому в памяти деревенской розовеют времена расточительно развитого социализма. Может правильно, не могли кормить страну, так хоть сами чуток пожили.

Большевики-классики на сельских тоже смотрели подозрительно, считая деревню рассадником мелко-

буржуазной гнили. Большевиков провинции больше раздражало упрямство мужика. Да, в поступках деревенский хозяин упрям, а в мыслях и вовсе тёмен. С позиций марксистского миропонимания, перед партией стоял примат. Перековка такового в большевика нашла два исторически безупречных направления: умиляющая до сих пор борьба с неграмотностью и статья 58 дробь 10 Уголовного Кодекса. Начну со статьи, ибо ГУЛАГ есть концентрированное выражение советской системы воспитания.

“Пропаганда или агитация, - гласит этот мировоззренческий норматив, - содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58-2 - 58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собою лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев. Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего Кодекса”.⁶²

Не ищите Кодекса. Там, в этой статье, обещается расстрел, объявление врагом народа и лагерь при смягчающих обстоятельствах.

Второе направление борьбы с вредными наклонностями мужицкой головы прямо вытекает из вышеуказанной статьи Уголовного Кодекса и известной проповеди главного вождя - “учиться, учиться и ещё раз учиться!”

Учение - свет. Это истина абстрактная и, стало быть, буржуазная. В пролетарском государстве истина конкретна, поэтому полезный спектр всякого знания очерчен статьёй 58-10. Две трети каждой отрасли научного знания закрашивается ею в контрреволюционный цвет. Должно напомнить, что особенно не повезло экономической теории. Тут морально устарело почти всё, вследствие чего самые броские отечест-

венные умы уже в тридцатом надёжно сидели в судальском изоляторе для учёно-заключённых.

Широко развёрнутая борьба с безграмотностью имела естественные цели - плодить не анархически мыслящих, а головы правильного умосложения. Для деревенского мужика образование полезно в том плане, чтобы вырвать его из лап векового хозяйственного опыта и религиозного по преимуществу восприятия мира. Первое полагалось заменить колхозной организацией, второе - любовью к партии.

Образованность, необходимая для соблюдения колхозного устава, чтения советских газет и творений социалистического реализма, делает ненужным многое из ранее написанного. Кампания ускоренного просвещения сопровождалась чистой книжного фонда: учебников, художественной и научной литературы, изъятием литературы религиозной.

Впредь советский ребёнок должен был учить, что ма-ма мы-ла ра-му, а всё хорошее в этом мире создал дедушка Ленин с большевиками. Собственный дед, поскольку тот жил до революции, памяти не заслуживал. Затем школьнику придётся восхищаться предреволюционными образами, куклами, сшитыми из обрезков творчества Пушкина, Лермонтова, Толстого. Куклы вместе с классиками полетят в поганое ведро, как только волны свободы вынесут на берег коммунистической робинзонады первые тома зарубежной похабщины.

Тема цензуры нашей жизни бесконечна и банальна. Кинем случайный взгляд в её провинциальную историю - и мимо. “В связи с тем, что за последнее время очень много запрещено драматических, вокальных и музыкальных произведений, как антисоветских, малохудожественных и антихудожественных и т. д., поэтому ни одно выступление (спектакль, концерт, выступление самодеятельности) не должно допускаться без разрешения начальника Райлит”.

Воспитательная бумага подписана Уполномоченным Главного Управления по контролю за зрелищами и репертуаром Жмаковым и Инспектором Управления Искусств по народному творчеству Бондаревым

(Челябинский облисполком). В помощь растерявшимся даётся список вокальных произведений, пьес, обронных, революционных, колхозных, комсомольских песен и инструментальных произведений, идейное содержание которых не вызывает опасений.

В тридцать две вещи, тщательно выбранные из мусора мировой культуры, вошли: "Интернационал", "Варшавянка", "Замучен тяжёлой неволей", "Конная Будённого", "Ворошиловский марш", марш ударников и т. п. "Народные песни, - разъясняют УГУ и ИУИ, - можно включать в репертуар, для чего предварительно утвердить у начальника Райлит".⁶³

Идея интеллектуальной перековки соотечественников есть предтеча советского дарвинизма, открытого Лысенко. Суть его столь же гениальна, как и проста. Если человека долго кормить овсом, то он непременно когда-то заржёт. Учение Трофима Денисовича всесильно, потому что мы заржали. Не все и не сразу, чему виной скорее патриархальное, чем интеллектуальное упрямство.

"Вот нас бедноту и вообще всех загоняют в колхоз насильно, можно сказать - через нож, и отбирают у нас последнюю коровёнку и лошадёнку. Газеты пишут, что коллективизировать только добровольно, а на деле что делается? Если кто не входит в колхоз, то на него наваливаются уполномоченный РИКа, избач, сельсовет, бригада и все твердят: если не вступишь, лишат земли, вырежут таковую самого плохого качества, заставят расширить посев. А если не согласишься, отберут семена, отведут покос и выпас где-нибудь на окраине... Только запишись - у тебя отберут корову и лошадь. А разве они мне её наживали?"⁶⁴

Монолог Кунгурцевой Клавдии из Суерского района уполномоченный тюменского окружка записал дословно и направил в Уралобком ВКП(б) как образец распространённого антисоветского вируса. Семидесятилетняя баба Кланы сказала бы круче, но боялась, что не дадут обещанную пенсию. Зря боялась. Государственную пенсию колхозники получают ровно через пятьдесят лет.

Антиколхозная ересь плодилась на каждом шагу столбового пути. В зарю коллективизации власть реагировала на неё только в том случае, когда это вытекало из потребностей заготовительной или хозяйственной кампании. При относительно нормальном ходе работ к творческому словоблудию в адрес колхоза относились сносно. Садить сразу не садили, но и мимо ушей не пропускали. Пока было кого садить и ссылать. Во времена бдительности за антиколхозную частушку могли повесить срок. В серой массе деревенской антисоветчины, забывшей сводки ОГПУ, лишь изредка мелькнёт факт, достойный профессиональной бдительности и истории.

На первых порах все факты словесной антисоветчины невозможно было свести к какому-то общему смыслу, угадывалась лишь тенденция. В каждом углу Урала несли абы что, но всё на родную партию. Сын бывшего екатеринбургского купца Мартынов распространял по городу контрслухи, что все серебряные деньги России вывезли в Палестину, так как в большевиках сплошь ходят евреи.

Еврейское происхождение нашего коммунизма не вызывало сомнений у последнего деревенского красная. Органы бдящие считали подобный наклон мыслей страшно контрреволюционным. "Карл Маркс еврей?" - пытался срезать лектора мой деревенский земляк. Другой бы пропагандист потерял лицо, выползая из-под печального исторического факта. В данном случае нашла коса на камень. "Да, еврей, - было сказано в ответ, - но он у них один такой умный, а у нас весь народ теперь думает правильно!"

Не успели взять купца-provокатора, шум поднял дьякон Ивановской церкви Лушиников, призывавший паству не держать на руках бесовские советские купюры, а менять их на золото. И сам прилюдно занимался валютным обменом. Попа-капиталиста взяли немедленно.

В Юго-Осокинском районе контра обнаглела. Там объявился и пребывал в большом авторитете "отец Иван", который, якобы, учился вместе с Лениным в Казанском университете. Батюшка знал Володьку

Ульянова хорошо, но знал человеком очень херовым, о чём и поведал, не беря греха на душу, прихожанам. Однокашника Ильича выследили и из мира вынули.⁶⁵

Позднее инакомыслие стало вызывать особую тревогу политического сыска. Почти в каждом даже захолустном районе вдруг объявились тайные пророки. Хорошо бы вещали о конце мира, такое на Руси не в диковину. Нет, местные саванароллы либо изустно, либо в подмётных письмах предсказывали конец Советской власти. Чекисты не успевали сдирать с заборов и отправлять в область прокламации, призывающие то сбросить к чёрту Советскую власть, то прогрессивно её реформировать, сохраняя “ленинские принципы”.

Смешно сказать - мы полтора десятка лет с удовольствием первооткрывателей жуём то, что в тридцать первом можно было прочесть на заборе. До подхода, разумеется, геппеушника или визуально определимого стукача. И что сейчас можно найти в архивных информационных сводках ОГПУ. В самом деле, чем отличается от недавних демократических манифестов эта, к примеру, листовка, имеющая хождение зимой тридцать первого в Троицком округе?

“Текущие события в области политической жизни страны, в частности нашего края, дают определённое представление о том, что ждёт в конечном счёте Россию. Гибель её неизбежна, если только русский народ - рабочий и крестьянин теперь же, немедленно не заявит законного права на основное существование.

Если мы заглянем в историю русского государства, во времена самозванщины и другие смутные времена, то увидим, что Россия в целом такого разбоя и насилия не переживала. Недаром заграница заговорила о русской власти, основанной на бандитизме и, кажись, недалеко то время, когда сталинскому правительству будет предъявлен счёт к платежу.

Всякого рода бахвальства о могуществе России - пустые слова. Где, в ком и чём видят коммунисты свою опору? В армии? Нет, пустые надежды! В ней сыны того народа, который теперь несёт разорение.

Каждый боец знает, к чему он вернётся из рядов армии.

Смотрите, какое насилие творится над крестьянином-хлеборобом. Силой его толкают в колхоз, где он должен делиться своим достоянием, кормить ту голытьбу, на которую сделана ваша последняя ставка. Разве случайно явление убийств советских активистов, рабкоров, селькоров и прочей большевистской сволочи. Это гнев народа. Такие акты совершаются не отбросами общества, а людьми прекрасно сознающими, что всё равно, ни сегодня-завтра умирать придётся тем, кои не дождутся помощи извне...

Не пора ли вам, босяцким активистам, бросить сталинскую политику? Пока не поздно. Иначе, в годину расправы, пощады не будет. Пусть здравый рассудок будет вашим руководством”.⁶⁶

Несколько этих листовок содрали с заборов и, тщательно подклеив, направили на экспертизу. Перетрясли всю местную интеллигенцию, но автора, к счастью, не нашли. Так как в других регионах страны прокламация такого содержания не появлялась, нераскрытую контрреволюционную вылазку занесли в пассив уральского ОГПУ.

Зато дело с “Проектом обновления России” удалось закрыть быстро и эффектно. Автор проекта - потомственный дворянин Хопушанский К.П. - вполне легально разослал свои посильные соображения во все партийные инстанции, ожидая в равной степени похвалы и критических замечаний. Содержательная идея явилась предтечей некоторых моментов солженицынской “Как нам обустроить Россию”, сахаровского проекта конституции и горбачёвской перестройки. Сказано это никак не в обиду достойным сынам России и почётному гражданину Берлина, а исключительно в заслугу автору.

Внимательно прочитав проект, адресаты вынесли авторитетный диагноз - обращаться с подобными мыслями в партийные органы может только человек надёжно сумасшедший. ГПУ за таких деньги платят, а тут сам пришёл!

Жизнь зла. Почти каждый гений в житейских поступках больше смахивает на дурака. Дворянина арестовали. Шесть месяцев пребывания в следственном изоляторе выявили у реформатора клинически опасные симптомы прогрессирующего демократического радикализма. С чем и определили его в пермскую психушку.⁶⁷

Лево-либеральные проекты совершенствования социализма носили сугубо местный характер, следствие они волновали в меньшей степени. Писали их преимущественно престарелые ветераны Октября и красные партизаны. Авторы легко высвечивались по корявому почерку, гармонирующему с неандертальской простотой мысли. Будучи доставленными в ГПУ, они покорно принимали курс идеологической стерилизации. Если классовое происхождение не отягчало вины, с подследственных орали подписку, о благонамеренном впредь поведении и выпинывали за дверь.

Расклеенная, например, по деревне Долинской Тобольского округа листовка характеризовала своего создателя истинным революционером с человеческим лицом, глубоко оскорблённым сталинской деспотией. Срочно прискакавшего из райцентра уполномоченного ГПУ событие озадачило двумя взаимоисключающими версиями. Обвинительно-аналитическая часть преступного документа была изысканна в слоге и отпечатана на машинке. В деревне столь подозрительно одарённых не числилось. С другой стороны, в заключающем манифест лозунге, выведенном химическим карандашом, - "вставай, Ленин; вставай, дедка, - за...бла нас пятилетка!" - улавливалось что-то деревенское. "Ленин встал, развёл руками - что поделывать с дураками!" Это удачное продолжение шедевра чекисты стёрли со стены туалета в управлении треста "Востоксталь", что находилось в самом центре Свердловска.

Классика не стареет. С этого же, хотя лексически огранённого призыва, начинал всякий бьющийся на слуху нынешний отечественный политик. Со слёзной ностальгии по забытым ленинским принципам. Сейчас, вырвавшись в пампасы, он идейно святых кроет

матом и уверяет, что начинал революционно-демократическую практику ещё с антисоветских надписей в туалетах ВепеШа.

Кастрированный по НЭП Ильич трепетал на знамёнах перестройки. "Вы человек взрослый, хоть и демократ, - заявила мне в мае девяностого секретарь обкома КПСС, на которую пришлось выходить, чтобы пробить статью в областной газете, - и, как учёный, должны понимать, что так перестраиваться нельзя. Ни марксистской стратегии, ни ленинской тактики". Хозяйка кабинета нервно переключивала с места на место потрёпанную по заинтересованным инстанциям мою рукопись. "А этот, - она кивнула на портрет Михаила Сергеевича и перешла на доверительный полусёпот, - а этот..."

Секретарша сморщила выхоленное в комсомольской номенклатуре личико, мучительно подыскивая вежливый синоним слову "дурак". Поймав мой взгляд, я не успел, видимо, проглотить ядовитых чувств, идеологическая дама окаменела. Через пару часов было сообщено, что антипартийным материалам в областной прессе места нет и не будет. Статья была посвящена печальному юбилею - 60-летию начала крестьянской ссылки.

Зоревая пролетарская антисоветчина, разнообразная по смыслу, сводилась к общему знаменателю разочарования - знать бы, что такое Советская власть, сам бы пошёл воевать против. Со временем контрреволюционное осознание собственной глупости пришло во все сферы уральского общества и обогатило практику классовой борьбы милыми частностями, без которых от истории остаётся лишь арматура исторического материализма.

Естественно, что контра в первую очередь поразила гниль человеческую - интеллигенцию. Начальные пробы на наличие в высших и средних учебных заведениях троцкистско-зиновьевского вируса дали выраженную положительную реакцию. Хорошо бы обнаружили какие-нибудь двурушники или косвенные пособники. Нет, пошёл отборный идеологический негатив!

В январе тридцать пятого НКВД представляет Свердловскому обкому ВКП(б) обширный список вузовских преподавателей, отчасти снятых с работы, отчасти уже посаженных за антисоветчину. Компромат на учёных получен из трёх классических источников - из оперативно-сысской работы, из доносов и проверки студенческих конспектов. К чести экономической науки должен сказать, что большая часть первого уральского этапа учёно-заключённых собрана из преподавателей политической экономии.

При внезапном вскрытии студенческих конспектов одновременно в ряде учебных заведений уральские чекисты чуть не поседели. Пользуясь отсутствием советских учебников, профессора несли на занятия такую махровую контру, за которую, как правильно предложил послушный преподаватель истории ВКП(б), мало расстрелять, надо после того ещё и замуровать.

“Сначала они начали свои действия, - читаем доклад о вскрытии меньшевистско-троцкистской группы в техникуме города Уфалей, - с весьма невинных вопросов - как-то плохого питания в столовой, сколько классов, а в третью ночь пошляк Поляков подвёл к тому, что у нас сейчас диктаторство Сталина, что и через эволюцию можно построить социализм, что Советская власть насильствует. Нет демократии, отсутствует свобода слова и печати, что у нас красный империализм, доказывал, что коллективизация проведена насильно. На возражение одного из них Поляков ответил: “Я е...л вас вместе со Сталиным!” Остальные участники этого собрания не возмутились против наглого выступления врага, а промолчали”.⁶⁸

Промолчали-то все, восстановим истину, но один написал куда надо. Иначе всё утонуло бы во времени обычным ребяческим разговором в общежитии. А тут вытянуло на хорошую контрреволюционную организацию.

“25 ноября 1932 года, - пройдемся по другому следу контры, - в Уральском Институте Северных Прядильных Культур на академических занятиях 2 курса при прохождении предмета “Теория советского

хозяйства” студентом Худорожковым Аркадием Ивановичем было сделано открытое контрреволюционное выступление. “Социалистическая система не может правильно вести хозяйство. Хотя мы отрицаем плановость капиталистической системы, но это неверно, ибо капиталистические организации в виде трестов, синдикатов и картелей могут планировать...”

Примером плановости приводился международный банк в Гааге. “Капитализм имеет большие преимущества перед социалистической системой в расширенном воспроизводстве... Эксплуатация рабочего класса не только присуща капиталистической системе, она имеет место и у нас, ибо рабочий на советском предприятии недополучает часть средств, в результате чего у нас организуются капитальные вложения. Положение рабочего класса у нас хуже, чем у капиталистов”.

Студент Худорожков оказался к тому же ехидным. “Диктатура, - сказал он образно, - это крапивное поле. Только при капитализме рабочий садится на него в штанах, а у нас - без штанов”.⁶⁹

Студента пересадили из аудитории в камеру. Студент другого института Ветошкин, но на том же предмете сделал наивные глаза и правдоподобно заинтересовался - зачем колхозников делать зажиточными, чтобы лет через пять снова раскулачить? За провокационную наивность из института и выперли. В студенческой среде плотность стукачей довели до неприличия. При выявлении контры на места давалось суровое представление о плохом подборе кадров. Набор студентов осуществлялся по рекомендациям советских, партийных и комсомольских органов.

Часто в водоворот контры затягивали и объективные причины. Советское высшее полуобразование испытывало недостаток в учебной литературе, особенно общественной. Профессор - старовер, читать материалы в журналах боязно, авторы статей частенько проходили по показательным процессам. Дабы пресечь отсебятину в столь важных вещах, специальным постановлением ЦК ВКП(б) в 1936 году открыли работы по написанию нормативных учебников. Но до

войны всех потенциальных авторов перестреляли, а вождю народов до пятьдесят второго было некогда.

Ум - самое опасное человеческое приобретение. Больше ума - больше скорби. Простой человек, положительное ощущение жизни в котором замыкается чувством сытости, и как государственная особь более предпочтителен. Инстинкт буйства просыпается в нём только по зову желудка. Если такового нечем кормить, заморить червячка можно либо обещанием светлого будущего, либо дешёвой сивухой. Умственно жадный склонен кривить рожу по соображениям интеллектуальным и язвить по адресу самых святых.

Чего бы, казалось, надо профессору химии университета Маковецкому, которого ГПУ взяло зимой тридцать второго? Паёк? Есть. Ну и гони свою безобидную для дела революции неорганику. Нет, извернулся-таки! Почти каждую свою лекцию он начинал сожалениями, что Советская власть пришла рано. Опоздай она хотя бы лет на десять, резонировал гад, можно было бы дожить до смерти спокойно. Учёную контру отправили на три года в ссылку, чтобы вспомнил, где кончается неорганическая химия.

Нормальный советский студент должен думать сразу правильно. "Мы, студенты 4 курса, выезжая на практику, должны увеличить колхозную бдительность и должны строго следить за вылазками классового врага".⁷⁰ Закавычено обязательство студентов Куртамышского сельхозтехникума, данное по поводу трёх взаимосвязанных событий - выезда на практику, приговора Верховного суда СССР по делу "ленинградского троцкистского центра" и постановления местного райкома партии по классовой бдительности.

Интриговать может лишь последнее событие. "Решение ЦК ВКП(б) обязывало, - даю первородную её редакцию, - и обязывает парторганизации, отделы народного образования - как штабы культурной революции и руководящий состав коммунистов - как основных проводников, взять под непосредственное постановку преподаваемых общественно-политических дисциплин и решительно взяться за перестройку работы нисшей и средней школы.

На основе этого обеспечить учебные программы ведущими дисциплинами (физика, химия, математика, география и др.) решительного перелома в целевыдержанного, коммунистического, марксистско-ленинского воспитания учащихся, количественную общеобразовательную их подготовку и выковку идеологии, организовав на деле борьбу за подготовку кадров для социалистического строительства из людей рабочего класса.

Одновременно усилить борьбу против всяких попыток привить детям советской школы анъти-пролетарской идеологии, легкомысленного методического прожектёрства, как анъти-ленинских действий и также ведущие фактически к разрушению школы. Однако в место решения борьбы за генеральную линию партии в учебной работе за генеральную линию партии в учебной работе техникумов, в место активизации учебных учащихся за неуклонное проведение 6-ти исторических условий тов. Сталина..."⁷¹

Понятно? То-то, марксизм-ленинизм - учение для прогрессивных и шибко дошлых. Для остальных даю примерный перевод партийных идиом - надо улучшить сельхозобразование.

Оппортунизм многолик. В глуши его физиономия деревенски проста - какой-нибудь падёж скота, порча хлеба и т.п. В сфере уральской богемы крамола много изошрённее, порой необходим высокий профессионализм, чтобы отличить вещь художественную от вещи вредительской. "С начала сезона 1931-1932 года, - сообщение о вредительстве духовном, - в Свердловском оперном театре отмечен ряд безобразных явлений, вредно отражающихся на работе. В театре процветает педерастия, возглавляемая балетмейстером Сергеевым. По имеющимся у нас сведениям, из балетного цеха оперы - 70% педерасты".

Сексот-общественник детально излагает факты половой эксплуатации артисток и, это уж ни в какие ворота, использования артистами спецраспределителя для иностранцев. При опере был создан буфет, обслуживающий европейских и американских специалистов.

Криминал оригинального жанра выглядел так. «Артист Коробейченко по квалификации лирический тенор, а исполняет партии драматического тенора (в «Борисе Годунове» - Самозванец, в «Пиковой даме» - Герман). Театральная общественность обратилась к секретарю партячейки театра - на 15-ом году Советской власти подобные явления не могут быть допустимы в нашем театре! Публика Коробейченко хорошо принимает потому, что не разбирается в голосах».⁷²

Хронологический генезис антисоветчины - не лучший метод изложения материала. Как всякий творческий процесс, он более подвластен личности и случаю, нежели законам, вскрытым классиками марксизма. Гений может выпасть недоношенным. Другое дело - борьба с антисоветчиной. Тут количество переходит в качество своевременно. До конца тридцать четвёртого чертогон вредителей в основном осуществлялся самой властью и карательными органами.

В последующие два года охота на контру приняла характер общенародной художественной самодеятельности. Повсеместные и обязательные собрания и митинги, провоцируемые закрытыми письмами ЦК ВКП(б) по поводу смерти Кирова и показательными процессами над троцкистско-зиновьевским блоком, были похожи на ту степень коллективного творческого озлобления, когда хор ещё не в голосе, но провокатор-дирижёр уже профессионал.

Действительно, Кирова большинство населения страны и не знало. Не вгони большевики вслед за ним в могилу сотни тысяч безвинных, умер бы мужик в честном бесславии. Преобладающее мнение что-то слышавших о ленинградском секретаре памяти о нём не свяtilo. «Одним партийным вонять на свете меньше будет», - сказал (дано в протокольном изложении) колхозник из-под Еланской МТС Фалалеев и надёжно сел за это.

Ну убили одного большевика, вслух рассуждал на народе комсомолец Семухин из деревни Макуй Слободо-Туринского района, значит, хлеб на пятак дешевле будет. К бестактному выводу он пришёл на в

принципе верном наставлении отца, что чем меньше коммунистов в России, тем больше хлеба. Отделы ГПУ Еланского и соседних районов доносили, что по рукам ходят контрреволюционные «кругосветные» (прочитай и передай другому) материалы - толстые тетради с антисоветскими частушками и поэмой на смерть Кирова, написанной под известного «Луку Мудищева».

Кадровым партийным работникам в кампаниях осуждения предстояло вогнать широкие трудящиеся массы в состояние пролетарской бдительности. Раскачать народ на взаиморазоблачения. С этой целью на каждое собрание заранее из местного материала подбирались кандидатуры для обвинения в троцкизме и двурушничестве. На них переносилась ненависть после того, как публика разогреется на осуждении вредителей московских.

Лучшим экспериментальным материалом считались партийцы, замаранные в какой-либо прежней фракционной деятельности. Таких выволакивали за милую душу и требовали публичного саморазоблачения. Идейных меньшевиков и троцкистов в городской провинции очень мало, а в деревне про них не знают совсем. Ближайшим суррогатом троцкизма пошёл народ с тёмным прошлым и белыми пятнами на нём. На подозреваемых отделы кадров составили биографии-оперативки с перечнем провокационных вопросов.

Стенгазеты и иная печать обратились напрямую к народным массам с требованием давать письменный, пусть даже анонимный, компромат на местных троцкистов. Доносительство маскировалось благородным порывом - помочь НКВД в разоблачении контрреволюционных гадов. Всё напоминало события годовалой давности. Вычищенцы той чистки, кстати, повсюду проходили потенциальными кандидатами в троцкисты.

Первый показатель пролетарской бдительности - число выявленных и разоблаченных вредителей. Тут, как и везде, нужна была сугубая осторожность, ошибаться в ту или иную сторону было опасно. Много

троцкистов - куда, сволочи, раньше смотрели? Мало вредителя - опять плохо, потеряли классовое чутьё.

Выход подсказал опыт. Вредителей попадалось много, их вычищали, требовали саморазоблачения, а потом дела передавались в НКВД. Таким образом, на-гора шёл вредительский полуфабрикат, решать судьбу которого поручалось органам на то компетентным. Проблем с массой троцкистов не существовало и по той фатальной причине, что неосторожный на язык и злую шутку народ наш для привередливого суда чистый подарок.

Слесарю "Автотранса" Баранову почему-то захотелось выступить. "Отдельные члены партии, - солидно и самокритично начал он, - крепко виноваты в смерти Кирова". "Кто конкретно?" - прервал его вопрос из бдительного президиума. Обвинитель почти услышал, как за его спиной захлопнулась дверь мышеловки. Местные большевики сидели в президиуме, а из московских на памяти болтался один Сталин.

Молчать было страшнее, посадят, ещё вероятнее - шлёпнут за сокрытие и пособничество. Слесарь поплыл умом, понёс что-то про склероз и медленно оседал на ватных ногах. Надо было прыгать через собственную могилу. После собрания он аллегорически разводил, руками, как в том анекдоте про случку двух ежей, холодно потел, потом прослезился и, написав покаяние, приказал жене сушить сухари.

Другой выступающий начал классически. "Товарищ Сталин выдумал правильный лозунг - "Кадры решают всё!" И, смело посмотрев в зал, приготовился критиковать троцкистов. "Выдумывали Пушкин да Лермонтов, - нарывистым тоном произнёс председатель собрания, - а товарищу Сталину, было бы вам известно, ничего выдумывать не надо. Он и так всё знает!" Договорить оратору не дали, а отправили готовиться к завтрашнему саморазоблачению и посоветовали разобраться в различиях между пустой литературой и вечно живым марксизмом.⁷³

При проведении кампаний осуждения обращали пристальное внимание на качество и ассортимент вредителей. Всенародное обсуждение писем ЦК и приго-

воров Верхсуда означало, что троцкизм должно выкорчевать из всех сфер деятельности и предприятий. Одной сиволопой деревенщиной, предупредили сверху, на этот раз не отделаётесь. Элитный троцкист получался из вредителей с партбилетом. Одновременно это была и самая трусливо-податливая часть троцкистского отродья.

Тяжёлым угольным пластом лежат в архивной глубине тома с апелляциями кадровых работников, случаев попавших в зиновьевцы. Со страниц осыпается труха окаменевших лакейских слёз. Читать противно. Редко встретишь порядочное отношение к року. "Разрабатывается вопрос принципиального характера, а для этого нужна какая-то жертва, и более подходящим для этой цели оказался я. Ну что же, если это нужно в интересах партии и в интересах рабочего класса, пускай я буду этой жертвой".⁷⁴ Такое выдал, уходя во вредители, один из руководителей Полевского района. Конечно, тоже корова, но не мычащая, а впавшая в глубокомыслие перед воротами бойни.

Обвинения в контре единоабсурдны, но по разоблачённым троцкистам и двурушникам требовалось разнотравие. Образцом троцкиста-технаря можно взять инженера-исследователя Свердловского пединститута Иванова. Того самого, что прилюдно критиковал Сталина за техническую безграмотность, ударничество на домнах называл авантюризмом, печатался в зарубежных фашистско-научных журналах. После отказа в защите диссертации в родном институте этот гад надумал отправить документы в Академию наук Швеции. В области политической был ещё махровее, ибо говорил студентам, что в Испании воюют не добровольцы, а регулярные советские части.⁷⁵

Не избежал сурового суда своих товарищей и тезка антисоветского инженера - студент химфака Ваня Иванов. Попытка держать себя на особицу от здорового в целом коллектива обошлась ему боком. На обвинительном собрании он молчал как рыба, но показаниями бдительных товарищей его контру доказали полностью. В разговорах химик неоднократно заявлял, что Калинин в правительстве - старушка с

ключкой, которой поручают подписывать самые грязные документы, что свободная продажа хлеба есть хитрая уловка скрыть его недостаток.

Резолюцией факультетского собрания студенту-троцкисту, слышшему весьма одарённой личностью, предложили умно саморазоблачиться через печать. В целях воспитания других. Тогда, добавили устно, можно закончить институт и работать на благо социализма.

Студент и впрямь оказался башковитым, заявив, что на работу особенно спешить не имеет смысла. Сейчас, мол, я получаю сто рублей в месяц, а на работе мне дадут триста, из которых двести заберут в принудительный заём. Куда бежать-то? Вундеркинда перевели на гулаговское довольствие.⁷⁶

На подушке одного из курсантов школы 253-го пехотного полка была найдена записка провокационного содержания: "Приходи на занятия по изучению троцкизма и передай это другим". Контра в Красной Армии! - засуетились краскомы и немедленно бросились в поиск. Не зря, значит, в туалете полковой школы на стене кто-то нацарапал лозунг: "Даёшь Троцкого! Троцкий - человек с большой буквы!" Хозяина койки с пристрастием допросили. Он показал, что на такую дурную выходку способны два его земляка. На очной ставке курсанты то хныкали, то сбивчиво объясняли, что плохо пошутили.

Военным следствием установлено, что разлагающее влияние на курсантов оказала не школа, тут всё в порядке; сразу в юношеские души занёс их бывший преподаватель челябинского педучилища Демидов. Дело передали в НКВД, которое нашло растлителя в индустриальном институте, где он подвизался на должности доцента. Про судьбу курсантов ничего не знаю, а доценту дали соответствующий статье 58-10 срок.⁷⁷

В организации старых большевиков при Ленинском райкоме ВКП(б) города Свердловска числилось семь человек. Почётные большевики тихо паразитировали на партийном стаже, воспоминаниях о подпольной работе и редких приглашениях в какие-нибудь

очистные комиссии. С получением разнарядки на выявление одного пока внутреннего троцкиста ветераны не взроптали и приняли её как намёк на сокращение штатов.

В организации состояло пять мужиков, что по законам внутривластной демократии предопределило исход. То, что из двух старых большевичек в троцкисты попала Уфимцева, надо отнести на волю случая. Причиной, вполне допустимо, мог стать отказ последней выступить с воспоминаниями о борьбе с троцкизмом в годы подполья. Уфимцева пыталась сослаться на хронический склероз. Тогда товарищи по партии помогли ей вспомнить, что её муж тоже ходил в троцкистах. Сожительство с идейно чуждыми в Стране Советов считалось абсолютным грехом. Вспомните указ сорок седьмого о запрете браков с иностранцами.

Отлучение ветерана от большевизма сопроводили шедевром, в котором, как в "Короле Лире", изящный слог гармонирует с высоким трагическим содержанием. "Строительство нового социалистического общества встречает и будет встречать на своём победоносном пути сопротивление умирающих враждебных классов. Попытки, хотя бы и бесплодные, установить неумолимый закон своей неизбежной гибели, не останавливаясь перед самыми гнусными и подлыми методами..." Хорошо, одним словом, проводили старуху.⁷⁸

Деревенские собрания по осуждению троцкистско-зиновьевских отщепенцев проходили вяло. Впервые, на село разнарядок по троцкистам не давали. Тут достаточно сажали по делам уголовно-земным. Вторую фундаментальную причину изложила колхозница Губина из Еланской МТС. "Нас никуда не возили, мы ничего не знаем и не понимаем, нас надо учить, а лучше бы совсем исключить из партии".

"Дура ты! - сказал ей глазами сосед по собранию и вслух добавил, - разве не видишь, что за троцкизм сажат больше счетоводов да механиков, то есть людей с тямом. Выучимся, как ты говоришь, и загремим все в троцкисты". "Так оно, - согласился механик МТС

Демидов, - коммунистам надо учиться, а они беспробудно пьют”.

И последняя причина. В сотворении мира первичным было слово. В производстве кормовых культур с началом несколько иначе. Колхозники неохотно шли на злые собрания, зная, что вслед за осуждением бывших вождей начнут требовать повышенных обязательств и пилить за плохую работу. А тут можно и сорваться. Как, к примеру, председатель сельхозартели “1 Мая” Частинского района.

Митинг был в другое время и по поводу кончины другого вождя, но в конце опять завели про падёж скота. “Орджоникидзе хорошо жилось, - в сердцах ляпнул наш председатель, - да и то умер, а чего вы хотите от наших коров, которых неделями нечем кормить?”

Как бы ни были интересны и трагикомичны сюжеты местного чертогона, надо всё-таки взлетать. Мы ещё вернёмся к изложению уральской экзотики по поводу русского антинародного творчества и года тридцать седьмого, когда выветрятся последние смешные проявления демократии, а за дело выявления врагов народа примутся профессиональные мясники. Пока же...

Лавинообразная масса дел, передаваемых в НКВД с мест коллективного разоблачения, и ужасала, и радовала. Народ озверел до состояния пролетарской бдительности, и это было хорошо. С другой стороны, десятки тысяч индивидуальных дел (только по Уралу) на троцкистов явных и слабоподозреваемых делали следственную работу да и судебную процедуру утомительной до невозможности.

Интенсификация классовой борьбы пошла по двум основным направлениям. Одно из них напрашивалось логикой событий. Надо было отбросить к чёрту всю уголовно-процессуальную сторону расправы. Если блюсти мелочи даже советского процессуального протокола, не хватит ни ума, ни вещественных доказательств, чтобы засадить за колючую проволоку самую изворотливую и опасную контру. К концу пятилетки обещалось построить бесклассовое общест-

во, а тут бумажной работы до пенсии. Поиск дал лучшее изобретение отечественного правосудия - тройку.

Значительная часть антисоветского элемента пошла по хорде советского правосудия, что несомненно короче кривой. Через ОСО прогоняли вредителя элитного, АСЭ штучного качества. На этом пути энкаведюги выполняли подсобную роль палача, а самый справедливый в мире суд не видел этих преступников и в глаза. Свои профессиональные функции прокуратура, суд и милиция вершили над оставшейся серой контрреволюционной массой.

Технологические изменения носили здесь эволюционный характер. Заметно, что с середины тридцать пятого стихию индивидуальных дел по троцкизму постепенно упорядочили в крупную зыбь дел по вредительским группам. К резолюциям собраний и митингов теперь НКВД относилось критически. За троцкистов в розницу с укоризной выговаривали. Вытаскивать на особое совещание какого-нибудь языкастого слесаря - много ему чести, а прогонять через суд народный - много писанины.

Секретным циркуляром от 2 июня 1935 года, который подписали Ягода и Вышинский, процессуальную волокиту утопили в прошлом. Бумага предписывала Тройкам УНКВД все дела по обвинению проживающих вне областного центра рассматривать без вызова обвиняемых. “У-у-х!” - облегчённо вздохнули местные юристы-каратели. Их освободили от психических мук работы с контрматериалом. Заочно вынести приговор много спокойнее.

Из той же экономии судебно-следственных мук вышли на правило - если в низовом коллективе разоблачено более трёх троцкистов или зиновьевцев, выгоднее вязать их в сноп контрреволюционной организации. Болтали, скажем, студенты политехкурсов про дела насущные. Нехорошо про них говорили, с матом, а слушатель Спицин и вовсе положил с верхней полки член на тов. Сталина. Ну чем не контрреволюционная группа? Всем пришлось по статье 58-10, а

Спицину ещё плюс дробь 8, за террористические намерения.

Банду и судить, и разоблачать много приятнее. “В нашем районе, - классический вариант вскрытия банды, - имеется научно-исследовательский Бактериологический институт..., основные кадры которого очень засорены... 1. Кутейщиков В.А. - профессор, директор, выслан по вредительству из Бакинститута, из Москвы, НКВД; 2. Доктор Шаров Василий Георгиевич - зав. эпидотделом с 1933 года, служил у Колчака и сидел в НКВД за вредительство; 3. Блонков Борис Израилевич - ассистент эпидотдела с 1935 года, служил у белых, имеет связь с границей; 4. Грингот Цицилия Львовна - ассистент эпидотдела, была за границей, имеет связь с границей...; 6. Марьяш Цицилия Ефимовна - ассистент бакотдела, муж Марьяш - троцкист, имеет связь с границей”.

Что-то я всё про евреев да про евреев! “8. Морозова - лаборант бакотдела с 17/12-1935 года, муж троцкист, сидит в НКВД; 9. Фёдорова М.Д. - ассистент эпидотдела с 1-1935 года, муж арестован и осуждён по делу железной дороги; 10. Борисова - препаратер, ассистент, муж сидит в НКВД”.⁸⁰

Список с явным намёком на вредительскую группу составил и передал в НКВД секретарь Кагановичского райкома ВКП(б) города Свердловска. Органам понадобилось совсем немного фантазии, чтобы перелицезвать её в подпольную террористическую организацию.

По всему Уралу райкомы партии, а порой и бдительная администрация предприятий, вязали троцкистов в снопы и везли под ригу НКВД. “Довожу до Вашего сведения, что в настоящее время в Куртамышском сельпо работает бухгалтером Колодкин, который является ярым врагом народа, а именно у него имеется ненависть к Советской власти... Вот почему Куртамышское сельпо из квартала в квартал не выполняет плана товарооборота и растут расходы...”

Нужно Нетесова, Панова, Колодкина привлечь к уголовной ответственности, так как они работают в райпотребсоюзе и сельпо не за нас, а против нас...”

“Довожу до Вашего сведения, что мастер пищекомбината Сметанин А.Д. является сыном кулака Усть-Уйского района, зав.внуторга Завьялов является сыном кулака... Старший агроном Маслов, отец которого был министром земледелия при временном правительстве Сибири...”⁸¹

Доносы секретаря Куртамышского РК ВКП(б) в адрес карателей можно издать посмертно толстой книгой. Было бы многотомье, если бы вскоре не взяли самого.

Что ни говори, а наиболее яркой формой антисоветчины всегда было острое слово в адрес любимой партии и вождей. Чем страшнее репрессии, тем образнее и живее на язык становились мои земляки. Шедевры деревенского соцреализма входят обязательной в школьные программы. Лучшая часть контрреволюционного народного творчества тлеет в засекреченных оперативных документах ОГПУ-НКВД.

Диктатура стоит на принципе вождизма. Начально провозглашаемые идеологические лозунги вскоре превращаются в тряпку, из которой кроится парадный мундир диктатора. Любой из тезисов марксизма трепался Сталиным по сезону. Практическое значение лозунгов сводилось к навязанному стереотипу мышления для подданных. Рядовое сомнение в их истинности каралось как контра. Идейная проституция вождя называлась творческим развитием. Сесть можно было за противомыслие партийной власти, но ещё надёжнее - за выпад против вождя.

В первом случае антисоветчина имела отличительную масть: троцкист, уклонист правый и левый, зиновьевец, фракционист и т.д. До тридцать седьмого, когда творческое воображение палачей взлетело до абсурда, ходовые политические клички как-то определяли интеллектуальную аномалию соотечественника. В случае прямой критики вождя (и вождей) или ущемления его святости дерзкими поступками контра выступала в рафинированной абстрактной форме, выделить особые составляющие не представлялось

возможным. Против злоречивника работал весь агрегат статьи пятьдесят восьмой.

Диктатура полагает равенство всех в ничтожности перед вождем. Однако реальное осуществление власти требует сложной вертикали управления, которая персонифицируется в системе мелких вождей. Были вожди отраслевые, вспомним Микояна, Кагановича, Орджоникидзе, но только в крупных отраслях. Руководители мелко-промышленных секторов экономики и сельского хозяйства на вождей не тянули и ходили просто в наркомках.

В вождях административно-территориальных комреником шли секретари соответствующих партийных организаций и пристяжными - председатели исполкомов. До районного уровня. Вождь нашего района - звучит, поверьте, как-то нескромно. Хотя в качестве сильнодействующего средства лести применялось часто.

По советскому протоколу следовало уважать и вождей местных. "Надо принять все меры к тому, - скажу про порядки челябинские, - чтобы создать большой авторитет Рындины. Когда Рындина входит в зал, надо вставать, устраивать овации, кричать "ура" и в начале доклада, и в конце. Если кричат "Да здравствует Сталин!", то потом надо обязательно кричать "Да здравствует вождь челябинских коммунистов и большевиков Рындина!"

После доклада надо обязательно подходить и хвалить доклад, а если он говорит о документах ЦК, то сказать, что прежде не было ясно ничего, а теперь всё ясно. Обязательно посылать из районов поздравительные телеграммы, а все свои выступления заканчивать хвалой Рындины".⁸² Стенограммы слётов и конференций тех лет могут засвидетельствовать, что указанный протокол работал повсеместно.

Был Первой. На землянки Чёрного спецпереселенческого городка, который потом назовут Еманжельинском, с полей тянуло запахами ожившей земли и первой зелени. В такие дни особенно хочется домой, в деревню. В нетерпении выбраться в поле, чтобы хозяином постоять на подсыхающей полосе, почувство-

вать ладонями тёплый ветер степи и наедине попросить бога о помощи. Весной приходят мечты о счастье и осеннем благополучии.

А в спецпосёлке шумел новый советский праздник. Кадровый и комендантский штат суетно собирал режимных на митинг. Единодушия требовали и от спецпереселенцев. После речей стали выступать самодельные плясуны и поэты. Последние не так складно, но громко говорили о светлом социалистическом рае. Ссылные ядовито улыбались в бороды и громко язвили.

Тут Валерий Михайлович и не выдержал. Про себя он с молодости любил складывать слова в ажурные поленины. Но на деревне больше любили частушки про матаню. И вот здесь, назло всему происходящему, заставил себя сказать вслух. Вышел вперёд и продекламировал.

Не видать земли ни пяди,
Ипоганили всю бляди.
С красным знаменем вперёд
Оголтелый прёт народ.
Нет ни совести, ни чести -
Всё с говном смешали вместе.

Дебют получился хреновым. Поэта сразу забрали в комендатуру, а потом увезли в ГПУ. Дознанием установлено, что спецпереселенец Якунин Валерий Михайлович, 60 лет, написал первое стихотворение в своей жизни, в чём искренне раскаивается. При определении меры пресечения раскаяние было отклонено, так как антисоветская агитация имела место на режимной территории и велась лицом подрежимным.

Хорошо жить в демократическом обществе. Вся грязь общественной истины и лжи в средствах массовой информации. На самый дурной и изощрённый вкус. Не нравится - не читай газет, по телевизору смотри только переживательные сериалы и футбол. Тогда и душа от частой стирки не полиняет. В тридцатых любознательные сидели на голодном пайке. В газетах всё про успехи и тех, кого посадили. Использовать газету утилитарно тоже опасно. Вдруг окажется с портретом вождя, а ты её намеревался, прости

господи, ... Даже резать на восьмёрочки для козых ножек надо было с умом.

Нормальная жизнь билась в слухах и сплетнях преимущественно антисоветского характера. "Ходят слухи, что Алилуева покончила жизнь самоубийством, не принимая политики Сталина". "Кирова убили по приказу вождя". "В очередях и на рынке рассказывают контрреволюционные анекдоты про наших вождей". Я привёл образцы самых обычных сообщений, направляемых в адрес обкомов партии и УНКВД.

"Очень много распространяется анекдотов, - доносят из Кишертского района, - и как выяснилось, эти анекдоты распространяются из райкома партии... Анекдоты были занесены в школы. В итоге в одной из школ райцентра дело дошло до того, что учащиеся стреляли из рогатки в портреты вождей и только после этого судили отдельных учащихся, а главные распространители так и не выявлены до сих пор..."⁸⁴

В школах нельзя повесить портреты вождей, жалуются школьное начальство других районов, моментально выкалывают глаза. Студенты рвут портреты вождей - обычная картина по сообщению вузовских стукачей.

Вообще-то низовая массовая антисоветчина оставалась грубой и косноязычной. Поток фактов, во всяком случае до начала 1937-го, мало годится для расцветки исторической ретроспективы, скорее он определяет общую тенденцию. Нарастающий вал доносов, повышение профессионального уровня писанины, когда стук мотивируется не личной неприязнью, а бдительностью, всё говорило о том, что где-то вот-вот количество перейдёт в новое качество. Лишь изредка встречался факт, шутивным или трагикомическим смыслом выступающий из конгломерата серой антисоветчины.

Сажу и пишу. Городские общественные туалеты в эпоху вредительства стали очагами самой оголтелой контры, доставив органам компетентным и администрации предприятий много хлопот. Было замечено, что стены туалетов в учебных заведениях исписаны до безобразия. Однако вандализм здесь был политически

нейтральным и бился вокруг проблем возраста. Разве что в институтах...

В солидных организациях, наоборот, народ там сидит степенный, в смысле секса уже устоявшийся, поэтому на досуге склонный к писанине политически вредного содержания. "Сталин - старый духовный семинарист!" "Сталин - самодержец и кровопийца!" И это в управлении треста "Востокосталь", гордости уральской промышленности.

По факту позорной антисталинщины собрали партбюро. Решили урезать двери туалетов сверху и снизу так, чтобы посетитель мог за ними укрыться, только сложившись в позу, характерную для соответствующего физиологического процесса. Сбросили у кабин внутренние крючки, появилась возможность как бы невзначай и быстро проверить сидящих. Самым доверенным поручили почаще заглядывать в это заведение или, время от времени, пребывать там в засаде.

В "Востокостали" контру только напугали, а в Наркомлесе и ряде других организаций удалось засечь авторов на очке. Отрываться от общественности даже по нужде стало опасно. Зашёл, скажем, в сортир, ну развернулся, сел, а с двери на тебя падает такой вот шедевр.

Полюбила командира
Эскадрона конного,
Он хоть ростиком с Ежова,
Член - как у Будённого!

Шутка на полные десятилетия лагеря. Если судьба мимо них пронесёт, от страха до пенсии будешь количеством мучиться.

Чертогон вредителей заметно ускорил ритм советской жизни. События перешли на рысь. Отстающих и сторонних становилось всё меньше. Пространство и время стали взаимозависимыми до очевидности. Раньше бы три года тихо проспал с марухой на сеновалах да по баням, мира бы не увидел. А теперь! Побывал в выдвиженцах, председателях, дали пять лет, только довели до лагеря - попал под амнистию, сейчас вот опять взяли, но пока не знаю что дадут.

Вся система советского управления перешла на суррогат врио - временно исполняющих обязанности. "Довожу до вашего сведения, - письмо в обком партии, - что в районе плохо обстоит с кадрами. При чистке исключены следующие товарищи: редактор газеты - в данное время его обязанности выполняет заместитель, своему назначению не соответствует совершенно, слаб, другого работника нет; зав. райзо - на его место командирован культпропагандист РК; зав. райфо - его обязанности выполняет малограмотный парень; зав. сберкассой - его обязанности выполняет пропагандист..."⁸⁵

Хорошо быть коммунистом, рассуждал директор совхоза "Уралец" Кизильского района Хлыбов, если работаешь в городском аппарате. Деревенскому большевику из-под нахлобучки, выговора и тюрьмы не вывернуться. Рано или поздно попадёшь во вредители. Директор как в воду глядел - сняли, исключили, обещали посадить.

Думаю, что директор догадывался, кто ему подложил свинью. Я знаю точно. Настучал на него секретарь партийной организации. С которым они почти ежедневно пили, а по субботам ходили в баню.

На поле классовой борьбы шла страда. Однако вредитель, массовый в числе, заметно мельчал и деградировал в качестве. Вырождался как картошка по картошке. Надо было что-то предпринимать...

В преисподней коммунизма

Тридцать седьмым на Урале запахло почти за год до его наступления. Из многих политических и экономических обстоятельств, тому спешествующих, остановимся на двух. Во-первых, внутрипартийная московская грызня. Не моё дело разбираться в сваре бывших большевистских вождей. Тут достаточно много сказано. Одни защищают местных сатрапов-великомучеников, павших от произвола вождя-тирана. Нимбоносные канонизированные правоуклонисты теперь украшают историю того осколка КПСС, представители которого предпочитают европейский костюм и социализм с человекообразным лицом. Сторонники ветхозаветного ленинизма видят в событиях тридцать последних справедливую кару, нашедшую вероотступников. У фундаменталистов всегда в моде китель с португеей, любую власть, кроме своей, они намерены не переизбирать, а расстреливать.

Пока в народном сознании всё так и остаётся. Выяснять исторические нюансы на случайные внебюджетные средства почти глупо. Рыночные соображения в этой сфере просты и фатальны, как приговор. Кому нужна истина, скажет обычный потребитель, когда самим жрать нечего. Творчески производительная особь тоже задумается, безопасно писать, как прикажут. В стране оголтелых самостоятельный путь

к храму может обернуться самой короткой дорогой на погост. Поэтому будем опираться только на хронологическую последовательность фактов, избегая прямых аналогий с современностью.

В феврале тридцать шестого местные органы НКВД получили директиву о ликвидации всех троцкистско-зиновьевских групп и усилении репрессий против исключённых из партии в процессе чистки. В приближении к местности это выглядело так. Обвинённых по чистке в уклоне явно или косвенно, то есть через нарушение плановой и технологической дисциплины, сказанное невпопад, проходящих по категориям классово-чуждых и перерожденцев, следовало репрессировать. Если таковое не сделали раньше. Репрессия распространялась и на вычищенных в кампанию проверки партийных документов. В первую голову приказали брать тех, кто замарал биографию фракционной деятельностью.

Действительно, часть вычищенцев 1933-1934 годов сошла с дистанции на второй ступени конвейерной технологии - "исключить из партии, снять с работы и отдать под суд". Надо было исправить ошибку РСДРПовской юности, устранить всякую возможность выскочить из партии, минуя скамью подсудимых.

"Основной задачей наших органов на сегодня, - говорится в оперативной директиве Ягоды (март 1936-го), - является немедленное выявление и полнейший разгром до конца всех троцкистских сил, их организационных центров и связей, выявление, разоблачение и репрессирование всех троцкистов-двурушников... Следствие по всем ликвидационным троцкистским делам ведите максимально быстро, ставя основной задачей следствия вскрытие и разгром всего троцкистского подполья".¹

В провинциальных органах НКВД директива вызвала некоторую растерянность. Хорошо, думали на местах, вычищенных можно отыскать и арестовать. Можно даже с натягом обозвать троцкистом. Но подобрать факты под сколь-нибудь обоснованное обвинение совершенно невозможно. Многие понимали,

что в большинстве случаев пятьдесят восьмая даётся авансом. Вдогонку тому пугала перспектива ведения индивидуальных следственных дел по многим тысячам потенциальных уклонистов. На Урале 33 тысячи большевиков стали меньшевиками по чистке, да ещё 13 тысяч оказались с липовыми партдокументами. Послушный земляк-каратель нуждался в методической помощи и централизованно поданном практическом примере.

Теоретически столица помогла вскоре. В начале августа 1936 года по местам разослали строго секретное закрытое письмо ЦК ВКП(б) "О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока". Письмо вышло за месяц до показательной расправы с так называемым "антисоветским объединённым троцкистско-зиновьевским центром". 25 августа по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР все 16 обвиняемых по этому делу были приговорены к высшей мере наказания - расстрелу, который, на основании постановления ЦИК от 1 декабря 1934 года, был приведён в исполнение немедленно.

Главными персонажами судебной драмы оказались вынутые из тюрем (некоторые из уральских!) троцкисты первого набора - Зиновьев, Каменев, Евдокимов и другие, осуждённые в тридцать пятом по делу "московского центра".

Чтобы первый блин не вышел комом, а это была опытная кампания по заведению под вышак вчерашних вождей, процесс тщательно готовили. Подследственных методами большевистского дознания заставили признаться в самых абсурдных обвинениях и дать показания на других. Большевики, призывающие к пролетарской стойкости, сами оказались не на высоте. Материалы обвинения и подготовка процесса контролировались Сталиным.

"Всех арестованных НКВД троцкистов, уличённых следствием в причастности к террору, предать суду Военной Коллегии Верховного Суда с применением к ним в соответствии с законом от 1-12-1934 г. расстрела..." Этот приговор ещё не допрошенным

обвиняемым политбюро ЦК ВКП(б) вынесло за полгода до суда.

Для выведения обвиняемых в «юридический» статус мерзавцев, то бишь троцкистов, террористов, диверсантов и прочая, им шилась связь с Троцким. Львом Давидовичем крыли Льва Борисовича. Ильич считал Троцкого Иудушкой, а Иосиф Виссарионович сделал его Сатаной. Данный фрагмент обвинения фактологически остался самым слабым, потому как идеологический оборотень жил далеко за океаном.

Правда, при обсуждении итогов процесса на собраниях выяснялось, что троцкисты наверняка найдутся в любом коллективе. Движимый справедливой ненавистью, народ требовал от НКВД расстрелять Троцкого на пару с папой римским. Некоторые, видя виноватые улыбки чекистов, настоятельно просили отправить их с таким поручением за границу. Плотник одной из куртамышских мастерских соглашался со шпионским заданием упороть пешком даже в Америку, через Чукотку, если в райкоме его научат говорить по-ихнему.

«Объединённый центр троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока своей основной и главной задачей ставил убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева».³ Поверим в это, ибо данный фрагмент закрытого письма ЦК ВКП(б) написан самим Сталиным. Правда, Косиора вождь включил в список зря, не полагал, видимо, что этого через пару лет шлёпнут в НКВД.

В сентябре 1936 года политбюро ЦК ВКП(б) приняло и разослало по крайкомам и обкомам ещё одну директиву - «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». Бумага была тотчас же переведена на язык циркуляров прокуратуры, Наркомюста, НКВД; по сути она просто освобождала следствие от процессуальной волокиты и аргументации обвинения, переводя обвинение в сферу чистой большевистской ненависти. Судите сами.

«А) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политической и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились ещё больше вниз и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

б) В связи с этим необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено..., но и тех, которые были раньше высла- ны».⁴

Коротенько про упоминаемые в директиве последние факты. Летом 1936 года НКВД развернуло очередную кампанию по выявлению так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра». Были арестованы семнадцать предполагаемых руководителей этой организации (Пятаков, Сокольников, Радек, Серебряков, Князев и многие другие). В предыдущем процессе слабо звучала шпионская версия. Троцкист - существо мерзопакостное, но это враг партийный, идеологический. Названный шпионом выгодно смотрится врагом общенациональным. Такого поставить к стенке потребует и сиволопый беспартийный колхозник.

Процесс над «параллельным центром» интересен во многих отношениях и вполне может быть отнесён к классике советского правосудия. А как наглядное пособие для местных карателей просто незаменим. Во-первых, все обвиняемые пошли под расстрел германо-японскими шпионами, что дало свежий след провинциальному следствию. Пусть ваш арестованный станет хоть бразильским, но шпионом. Приговор даже по статье 58-й без дробей 3,4,5,6, карающих за шпионаж, смотрелся паровозом без тендера. Следователи глупинки взяли за географию.

Всех обвиняемых приговор называет террористами, намеревавшимися физически уничтожить высшее советское руководство. К списку планируемых к устранению вождей, данному в закрытом письме ЦК

ВКП(б), в приговоре по блату добавлен Ежов, назначенный в сентябре 1936 года наркомом внутренних дел СССР. Для местных энкаведюг целенаправленно звучит тезис о том, что преступники создали во многих районах страны подпольные террористические группы, готовые покуситься и на вождей местных.

Шпионов тщательно подобрали по широкому спектру отраслевой занятости. Под следствием томились чистые госплановские управленцы, руководители тяжёлой промышленности, химпрома, лесного хозяйства, транспорта, строительства. Не только столичные, на скамье подсудимых была достойно представлена промышленная провинция.

Дело тут такое. Предыдущий процесс был эталонным процессуальным. Как сфабриковать и поставить дело из ничего. Азбука борьбы с врагами народа. Процесс над “параллельным центром” был откровенной провокацией сверху, практической помощью местным партийным и карательным органам. В самом деле, на местах начали было завидовать Москве и Ленинграду. У вас, мол, полно живых троцкистов, можно кое-кого попутать на связях с иностранцами. Наконец у вас под боком жили вредительские классики - тот же Зиновьев, Пятаков, Каменев и иже с ними. Вы попробуйте притянуть к троцкистам Ивана, вслух пославшего Сталина на хер! Скорее у Ивана уши оборвутся.

Землякам-чекистам помогли хорошо. Двое из тринадцати сразу расстрелянных, Князев и Турок, до того работали на Урале. Первый руководил Южно-Уральской железной дорогой, второй был заместителем начальника Свердловской железной дороги. Местным карателям и партаппарату оставалось взять след, подсказанный бдительной Москвой.

Основные события по борьбе с врагами народа на Урале развернутся уже после нового 1937 года. А пока остановимся на втором важном обстоятельстве - внутреннем, определившем восходящий вектор государственной жестокости. 1936-й опять выпал годом крайне неурожайным. Голодуха стала просматривать-

ся с середины лета. Осенью не помогли самые крутые хлебозаготовки.

После объявления год назад об окончательном преодолении голода и переходе на свободную хлебную торговлю возвращаться к карточной системе было нецелесообразно по политическим мотивам. Престиж государственных деклараций выше условий жизни граждан. Хлебная торговля осталась “свободной”, хотя информация о хлебных ресурсах и потоках страшно засекретили. С тем расчётом, чтобы при осложнении голода можно было скинуть вину на местное руководство. Государственный лимит засекречен, а сомнения по поводу коварства главных вождей сурово пресекались.

Кремлёвские вожди понимали, что год двадцатилетия Октября будет годом страшных очередей и массового недовольства, которое, вполне вероятно, может вылиться в организованные выступления. Однако набор обычных мер пресечения антисоветских настроений был давно исчерпан. Кулак ушёл в небытие. Через массовые аресты, потом для некоторых амнистии, прогнали активную массу трудоспособных и руководителей нижнего звена. Да и у населения уже выработался определённый иммунитет к уголовному страху. Колхоз и колхозная система остались прежними. Я убеждён в том, что выпад тридцать шестой урожайным или хотя бы просто благоприятным, ранее развёрнутая кампания борьбы с мифическим троцкизмом осела бы только суетой московской и политической. Всё смёл бы вал самодовольства и хвастовства успехами.

Природа тут, увы, подвела. Отечественный социализм, всегда агрессивно-атеистический, лучшие свои годы прожил благодаря божьей благодати. Несметные богатства России да покорный мужик - о чём бы ещё мечтать политическому прохвосту. Тогда бог нечаянно отвернулся. Стопудовый урожай опоздал ровно на год и пришёл об ту пору, когда маховик мясного конвейера работал на предельных оборотах. В оправдание голода, вторично за десятилетие посетившего Страну Советов, нужен был свежий враг. Враг крупный, зри-

мый до ошупи. Колхозным бригадиром и месяц работающим председателем здесь не отделаешься.

В перекрестье двух процессов - голода и политических провокаций вождя народов к вождям местным, по признаниям следствию, - впервые пришло предчувствие трагического исхода своей судьбы. Сознательно творящего зло разум невольно подвигает к мысли об ответственности перед народом и богом. Простолюдинов можно держать в покорности. До страшного суда далеко, да и много нас там будет. Если местный парткадр накануне тридцать седьмого, не веря ни на грамм обвинением в адрес бывших идейных кумиров, находил в действиях НКВД какую-то большевистскую целесообразность, то вождям региональным оставалось занимать очередь на погост. Конец пришёл раньше и не по зову бога.

Дурной год рано настаёт. Год грядущий будет очень мясным - предупредила "Правда" редакционной статьёй (4 января) о пролетарской бдительности. Мало сказать, что подозрительность и шпиономания возвышались до национального умопомрачительства. Бдительно жить, выживать, стуча на опережение, лучшие люди того времени научились с лёта.

"Раздавить гадов! Нет им места на родной земле!" - хором скандировали вслед за "Правдой" все советские газеты, имея в виду разоблачённых врагов и тех, кого таковыми вскоре назовут. Отсутствием большевистской бдительности объяснялись провалы хозяйственной жизни. Но самым ядовитым жалом кам-пании было требование удесятерить бдительность по отношению к хозяйственным руководителям и местным вождям. Отныне тем уже не купаться в волнах тёплой мыльной лести, их тела и души будут студить бдительные взгляды завистливых подчинённых.

На обязательную кампанию по обсуждению правдинской передовицы и раздуванию пролетарской бдительности ушло где-то три недели. Часть директив по усилению бдительности прошла централизованно либо по отраслевым каналам. В основном дело касалось ужесточения пропускного режима, трудовой и технологической дисциплины, проверки на вшивость ра-

ботников. Собрания в коллективах проводились на манер практических учений, то есть с привлечением местного материала, как то - засекречивание производственной информации и результатов работы, выявление гадов, марающих стены антисоветскими лозунгами, нарушителей трудовой дисциплины и уклоняющихся от общественной работы.

Прорехами буржуазной расхлябанности, выяснилось, зияло каждое предприятие. Не исключая органы зоркоглазые. При проверке уголовных дел в прокуратуре, к примеру, вскрылись возмутительные факты беспечности и разгильдяйства... Судят парнишку водовоза. На кобыле он развозил воду по бригадам. Было замечено, что дуралей по пути мочится в бочки. Следователь пустил дело по хулиганству.

Местный вышинский нашёл злоумысел в действиях следствия и нарсуда и блеснул логикой социалистической законности. Преступник возил воду колхозникам. Правильно? В бригадах было по два котла, в чёрном варили похлёбку рядовым коммунарам, а в красном - ударникам. Неударным сойдёт вода из ближнего болота, передовик заслуживает привозной колодезной.

Варварство водовоза, заключил цепь фактов прокурор, следует квалифицировать как умышленное противодействие стахановскому движению. Дело вернули в суд с категорическим намёком на статью пятьдесят восьмую. Отчёты о борьбе с вредительством накануне большого террора свидетельствуют о массовых арестах людей по статье 58-14 за подрыв стахановского движения. Стаханов и ему подобные, констатирует расхожую контру документ Свердловского обкома, являются косвенными виновниками гибели многих тысяч людей.

В конце января месяца в полный разворот всех без исключения газет пошли материалы процесса над "параллельным центром". Дело вызрело как огурчик. Сначала дали обвинительное заключение, потом ход судебных заседаний, потом приговор. Остальную часть информационного космоса забили откликами советской общественности.

Измочаленные как вехти обвиняемые были готовы на всё. Пятаков, например, во спасение живота умолял Ежова “разрешить ему лично расстрелять всех приговорённых по процессу, в том числе и свою бывшую жену”. Его соседи по скамье подсудимых про то и многое другое знали, поэтому взаимных симпатий не выказывали. Многочисленные факты личного маразма подсудимых оживляли процесс и работали на государственное обвинение.

Ситуация развивалась по сценарию. Во всяком случае так виделось по газетам. “Мы требуем от нашего пролетарского суда беспощадной расправы, мы требуем уничтожения презренных выродков!” Так на страницах “Правды” негодовали президент Академии наук Комаров В. и академики Архангельский А., Вавилов Н., Губкин И., Кржижановский Г. и другие. Может, негодовали искренне, может, помня злой абзац из полугодовой давности закрытого письма ЦК ВКП(б). Вот этот абзац.

“Только отсутствием большевистской бдительности можно объяснить тот факт, что троцкисты и зиновьевцы свили себе прочное гнездо в ряде научно-исследовательских институтах, в Академии наук и некоторых других учреждениях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске”. На сей раз учёные проявили если не большевистскую бдительность, то лакейскую расторопность, которую НКВД всё же не сумело оценить.

Беспощадной расправы с вероотступниками требовали профессора и доценты, аспиранты и соискатели. Да что там наука, педагоги со школьниками и те прониклись. “Учитель прорабатывал с нами процессы над контрреволюционными бандами, - старательно плели каракулями письмо Кабакову и заведующему облоно Перелю шестиклассники Бродской неполной средней школы, - изучал наших лучших вождей - Ленина и Сталина, призывал ответить контрреволюционерам отличной дисциплиной и отличной учёбой. Так мы, учащиеся, включились в социалистическое соревнование...”

Школьникам тоже хотелось, чтобы нехороших дядей обязательно расстреляли. В двенадцать лет человек умеет отличить хорошее от плохого визуально. Шестиклассникам троцкисты и зиновьевцы снились клубком отвратительных тварей, ядовито шипящих змей, которых на ходком в те времена плакате намертво давила пролетарская рука в “ежовых” рукавицах.

Хочется верить, что зелёные авторы успешно завершили учебный год. Закончив школу, они как раз угадали под войну. За письмо их никто не похвалил. К тому времени, когда они сдавали экзамены за шестой класс, и секретарь обкома ВКП(б), и Перель уже надёжно сидели в камерах свердловской Лубянки.

“Военной коллегии Верховного суда СССР. т. Ульриху”. Цитирую письмо председателей колхозов Свердловской области, съехавшихся на курсы переподготовки. “Не видеть фашистским гадам нашего колхозного хлеба, мяса и масла! Не воскресить никакими силами кулака! Осиновый кол забит навечно! От имени 700 тысяч колхозников требуем расстрела.. Требуем судить уличённых в измене Родине Бухарина, Рыкова, Угланова!”

Выдвиженцы знали, что делать, и работали на опережение. Опять обычная практика большевистских провокаторов - вещать от имени широких народных масс. Каждый из подписавших бумагу председателей присвоил себе право говорить за тысячу земляков, хотя дома не умел организовать работу трёх десятков баб и был крыт ими матом с ног до головы.

Больше всех, разумеется, старались партаппаратчики, у которых с началом московских процессов захолодело меж лопаток. Когда летят головы бывших вождей, сверлила рассудок нудная мысль, много ли надо, чтобы прихлопнуть областную или районную партмуху? В безудержной лести и безграничной ненависти искал выход трясомонад часующей души. Областные вожди в самом начале года дали про-граммные статьи, кои начинались с плевка в адрес троцкистов, затем приглашали в сталинский поход за урожай и заканчивались признанием собственной ничтожности перед вождём народов. То есть лестью.

“Да здравствует неутомимый борец за дело трудового народа, наш друг, наш вождь, наш заботливый отец - товарищ Сталин!” Так говорил Кузьма Рындин, секретарь Челябинского ВКП(б), за десять, точка в точку, месяцев до ареста. Председатель облисполкома Михаил Советников, выступая на чрезвычайном всероссийском съезде Советов, от имени жителей области, от стариков до юношей и детей, успел в последний раз выразить чувство великой благодарности и безграничной любви творцу конституции, гению человечества - родному Сталину. Этому соловью до расстрела оставалось семь месяцев, его возмут сразу же по возвращении из районов детского голодомора. Одним из первых среди высокой партийной и советской номенклатуры Урала.

Ничтожество вождей районных положено принципом демократического централизма, потому в цветастых аргументах не нуждается. Здесь требуется лишь конкретно-историческая преданность. В январе тридцать седьмого расторопные штамповали такие вот свидетельства единодушия. “По обсуждению обвинительного заключения Прокурора СССР тов. Вышинского и хода процесса над “параллельным центром” рабочие, колхозники, служащие, студенты и интеллигенция нашего района требуют от Верховного пролетарского суда Советского Союза этих гадин, германо-японских агентов, фашистов высшей меры наказания - расстрел”.⁸ Автора данной декларации тоже расстреляли. И даже очень скоро, будто не расстрел он выпрашивал Пятакову, а представление к ордену Ленина.

Если смотреть в газетные страницы через лупу, пропадает ощущение истории, зато картинка оживает сценами деревенского соцреализма. “До чего дошли палачи колхозов, - якобы с жаром говорил престарелый пышминский колхозник Иван Соболев, - видимо, не по душе троцкистам сталинские колхозы. Распустить их собирались. Просчитались ироды. Меня вот никогда из колхоза не выгонишь. Пусть только сунутся фашисты - узнают нашу силу!”⁹

Паршева Афанасия из колхоза имени Тухачевского Куртамышского района, прослушав пересказ материалов суда райкомовским пропагандистом, тоже, якобы, вознегодовала и молвила буквально так: “На вылазку врагов народа беру на себя обязательство - собрать золы два центнера и куриного помёта два центнера. Пусть помнят враги, что у них ничего не выйдет!”¹⁰

Жизнь исковеркала навозную социалистическую идиллию. Через три месяца сам Тухачевский попал во враги народа и трижды шпионы. Артель переименовали, но на колхозников стали смотреть как на нежных пособников выродка. Да и с двух тощих фаниных кур, что любили по весне купаться в пыли оттаявшей завалянки, по центнеру помёта не собрать и в пятилетку.

Правды ради надо сказать, что большинство сюжетов низовой поддержки придуманы наспех, и с художественной стороны, и содержательно они не идут ни в какое сравнение с живой и действительно массовой антисоветчиной. Порой, однако, находишь и бриллианты, отличающиеся от подделок чистотой народной глупости. Вам судить.

“Этих презренных гадов, - по трезвому уму сказал колхозник из Сосновского района Завьялов, - изменников Родины надо расстрелять, а особенно Троцкого-подлеца. Как бы достать и расстрелять! Смести с лица земли, чтобы больше не мучил. Куда это годно, чтобы товарища Сталина убить. Этого мы не позволим. Шпионов германского и японского фашизма расстрелять!” “Ах как бы достать Троцкого, - мечтал о том же коммунар из соседнего колхоза, - и разорвать на мелкие дребезги, чтобы не коптил цветущую жизнь нашей Родины!”

“В результате обсуждений на Усть-Катавском вагоностроительном заводе имени Кагановича раскрыта вредительская работа по обточке скатов, от чего происходили крушения поездов на железной дороге имени Кагановича”.

Рабочий дизельного цеха ЧТЗ Куприянов на митинге тоже хотел сказать что-то мерзкое, а получилось хуже. “Наши троцкисты...” - выпало нечаянно из зу-

бов. Когда он вернулся - не скажу. За "наших троцкистов" меньше червонца не давали."

Тринадцать троцкистов-параллельщиков расстреляли, а остальным дали по достойному обстоятельству срок, который они не успели почувствовать по причине безвременной кончины. Накануне вынесения приговора случилось два знаменательных события. Постановлением ЦИК СССР наркому внутренних дел Ежову присвоили звание генерального комиссара государственной безопасности. Такую бумагу, само собой разумеется, мог подписать только Калинин. Прежнего шефа НКВД Ягоду отправили в запас, уволенный сразу и правильно понял, что скоро расстреляют.

Второе событие носило экспериментальный характер, но оправдало себя и даже понравилось. По всему Союзу на митинги выгнали миллионы соотечественников. К демонстрациям хорошо подготовились. Выводили предприятия и организации под поимённый контроль. Трудовым коллективам были занаряжены определённого содержания транспаранты, перед выходом сверили написанное с утверждённым. Во имя святого разогнали хлебные очереди.

Угрюмые серые толпы производили впечатление железной поступи пролетариата. Тонко подобранные выступающие впечатление усиливали. И как мы не додумались до этого раньше - светло удивлялись вожди. В Свердловске удалось прогнать по улицам семьдесят тысяч человек, в Челябинске несколько меньше. Для первого раза, согласитесь, результат отличный.

Опыт второй превзошёл самые дерзкие ожидания. Случай подвернулся вскоре. Неожиданно умер нарком тяжёлой промышленности Орджоникидзе. Причины смерти, нехорошо сказать - своевременной, и подозрения на этот счёт долго мучили перестроечных историков партии. Подозревали вождя в умышленном убийстве непорочного Серго. Может, попытаться по-человечески понять наркома, заместителя которого намеренно расстреляли. Речь о троцкисте Пятакове. Маховик провокации только разогнался, и шансов пасть на скамью подсудимых следующего процесса у

наркома было больше, чем у многих из окружения Сталина. Заслуживающие внимания НКВД показания на него товарищей по партии уже были, требовалась лишь воля вождя, которой закон не писан.

На траурный митинг в Свердловске выдернули более двухсот тысяч человек. Почти всё способное ходить в колонне население. Помимо обычных средств принуждения давили святостью мероприятия. Как-никак вождь умер. Однако на митингах в основном говорилось не о покойном. Краткие соболезнования по поводу безвременной кончины тонули в сожалениях, что по советской земле долго и вредительно топчутся враги народа - Николай Бухарин, Алексей Рыков и другие. НКВД педалировало основную провокацию тридцать седьмого - дело "анти-советского право-троцкистского блока". Из ствола этого баобаба выветвилось подавляющее число региональных и московских карательных кампаний, объединяемых в понятие большой террор.

О голоде мы говорили. Теперь оторвёмся на миг от скорби и скуки политической, чтобы насладиться духовной обстановкой времён инквизиции. Прогрессивное человечество и его большевистский авангард не забыли, что на февраль тридцать седьмого приходится столетие со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина. Митингов по сему поводу решили не устраивать, но создали всесоюзный пушкинский комитет по проведению юбилейных мероприятий. В комитет вошли: нарком Ворошилов, нарком Бубнов, просто Жданов, нарком Будённый... Нет, кажется ошибаюсь, Будённый руководил всесоюзным фуражным фондом.

Газеты повеселели, перемежая обвинительные заключения изумительными пушкинскими вещами. И критическими статьями, утверждающими, что Александр Сергеевич где-то по крупному счёту революционер, может, даже предтеча большевика, что правых он не любил никогда, и, будь он жив, сейчас был бы первым помощником партии и генерального комиссара госбезопасности Ежова.

В это можно было поверить, потому как классик будущий Лион Фейхтвангер, побывавший на торжест-

вах, уже со ступени вагона сказал следующее: "Покидая Советский Союз, полон счастливой уверенности, что нет на свете такой силы, которая смогла бы уничтожить осуществлённый в вашей стране социализм".¹² Если классики ошибаются, то искренне. Автор "Изгнания" и "Братьев Лаутензак" эмигрировал из страны фашистского социализма, социализм большевистский загнал бы его в лагерь, останься он у нас до кампании разоблачения инконтингента.

В столице Урала с успехом шли концерты хора консерватории, руководимого преподавателем Бендицким. Профессионально исполненная классика отвлекала от голодухи и троцкистской оскомины. Публика глупо аплодировала и вызывала артистов на "бис". Только органам компетентным да отделу культуры обкома было известно, что хор этот очень сомнительный, набран исключительно из непролетарских элементов, а бригадир хора даже церковный регент. Что маэстро получил квартиру по блату и в Свердловск попал по рекомендации профессора Московской консерватории Нейгауза, фамилия которого наводит на большие подозрения.

Более того, будучи вызванным на треугольник (партком - профком - директор), Бендицкий вёл себя вызывающе, после продолжал набирать студентов только одарённых, игнорируя социальное происхождение, переманивать способных у других, проводить занятия на дому, исключая, таким образом, контроль за их идейным содержанием... В насаждении принципов буржуазной педагогики постоянно пользовался покровительством того же Нейгауза.

Подпольную жизнь консерватории живописал в доносе другой её преподаватель, а потом и заслуженно директор. С фамилией не наследственно музыкальной, но не вызывающей сомнений в славянском происхождении стукача. "Мне необходима немедленная, серьёзная помощь, - заканчивал он свой этюд, - как музыканту и педагогу, и прежде всего, - помощь от моей партии. Об этой помощи я вас прошу".¹³

Троцкист он и в музыке шпион. Помощь пришла с соседней улицы Вайнера, где располагалось управ-

ление НКВД. Консерватории помогли "делом". Не скажу, сидел ли Генрих Густавович Нейгауз (учитель С.Рихтера и Э.Гиллельса, кстати), но уральских музыкантов на идеологический слух проверили.

Челябинск слывёт городом чисто пролетарским, значит, духовное далеко не отлетает от материального. Из событий, освежающих февральское глухозимье тридцать седьмого, отмечу лишь постановление обл-исполкома, коим разрешалась свободная продажа частной картошки на рынках области.

К весне заглодало. На февральском пленуме ЦК ВКП(б) добились, сдав в НКВД, Бухарина и Рыкова. А Жданов сделал программный доклад о демократизации партийной работы, призывающий открыть огонь критики по местным вождям. Приказано - бей! Газета "Правда", раньше подозрительная, как большевичка на пенсии, открыла свои площади для критики снизу.

"Попирают права коммунистов!" - как бы искренне тотчас же возопил на её страницах секретарь Сталинского райкома города Челябинска и накатывал бочку на горком ВКП(б). Аппаратный люд понимал, что мужик орёт не со своего ума. Так рисковать шкуркой никто не станет, явно есть московские покровители. Автору завидовали, после публикации в "Правде" - это железная гарантия, месяца три не посадят.

Грусть ночных ожиданий пришла одновременно с рядом других событий. 3 марта на пленуме ЦК ВКП(б) Сталин толкнул историю под дых докладом "О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников". "Смерть троцкистским диверсантам! Стереть с лица земли троцкистскую гадину!" - перевели на доступный язык речь вождя советские газеты.

Сразу после пленума началась радикальная перетряска провинциальных парторганизаций. Уполномоченные ЦК выехали на места со строгим наказом - провоцировать самую дерзкую критику в адрес местных вождей, собирать и консервировать для НКВД компромат. Чтобы исключить боязнь ответной расправы, были назначены сквозные перевыборы. Эмиссарам ЦК следовало взять под опеку критикующих.

В мартовских газетах Урала, невысказанное дело, стеной пошла критика секретаря Свердловского обкома ВКП(б) Кабакова. "Ближайшего друга, соратника и способнейшего ученика великого Сталина" жарили как карася. Досталось и руководителям рангом ниже. То, что в Перми секретаря горкома Голышева отправили в троцкисты, можно было пока назвать казусом. В Челябинске тоже сбросили секретаря горкома, но обстановка пошла хитрыми петлями. Должность отдали на совместительство секретарю обкома Рындину, дабы "решительно устранить все крупные недостатки и обеспечить подлинно образцовую постановку партийной работы в организациях областного центра".¹⁴

В программе большого террора Челябинская область (может, по алфавиту?) стояла позади Свердловской. По этому или по воле рока, но все карательные операции на Южном Урале шли со сдвигом по фазе примерно в полгода, что давало прекрасную возможность и расстрелять, и принять кару осмысленно. В Свердловске, увидим, всё это делалось суетно и не солидно. Жаль, что человек есть существо, живущее надеждой. Там и там большинство грело себя таковой до последнего прижизненного звука - выстрела в затылок.

С середины марта тень топора зависла над головами уральских вождей. В Москве начали колотьясь подследственные по делу "антисоветского правотроцкистского блока". Колотьясь с треском, подмахивая в пытках самые абсурдные обвинения, давая показания на других. С методами дознания мы познакомимся на примере героических будней уральских чекистов. Во всех регионах стали внимательно прислушиваться к сообщениям московского радио о разоблачениях. Молились, если среди свежих врагов народа не было своих выдвиженцев. Леденели душой, когда слышали фамилии бывших и, казалось бы, удачно сделавших карьеру сослуживцев. Оставалось надеяться на их короткую память.

Плохие вести пришли на Урал. В марте по делу московских правых арестовали некоторых наших. 14 марта взяли Чудновского. После ареста он был до-

прошен дважды, 4-5 и 10 мая 1937 года. На первом же допросе он признался, что является членом организации правых, в которую завербован восемь лет назад Зубаревым.

Короткая справка. Чудновский Самуил Гдальевич, 1889 года рождения, город Бердичев, еврей. До двадцати лет подмастерье в кожевенной мастерской, не умевший ни написать, ни сказать единого слова по-русски. Затем озарение и активная революционная деятельность. Нигде не учился. В 1918 году с броневым отрядом направлен в Иркутск. После захвата города красными назначен председателем Чрезвычайной следственной комиссии и наркомом юстиции.

Ночью 7 февраля 1920 года, извините за эпический клин, вместе с военным комендантом Иркутска Барсуковым вошли в камеру арестованного адмирала Колчака и зачитали ему приговор ревкома о немедленной смертной казни. После чего ознакомили с таким же приговором первого министра Сибирского правительства Пепелявина. Под конвоем арестованных вывели на берег Ангары. Было четыре часа утра, под тридцать градусов холода и совершенное полнолуние. Александру Ивановичу Колчаку перед расстрелом предложили завязать глаза, отказался. По команде неграмотного залётного инородца шестеро славянских оковалков дали залп... Трупы утопили в проруби.

В 1927 году "почётный чекист" назначается председателем Уральского областного суда. С этим фрагментом его биографии мы немного знакомы. За подлинно революционную жестокость в 1935 году Чудновского назначают председателем Ленинградского областного суда, власть пребывала в полной уверенности, что такой сатрап очистит область от троцкистской и зиновьевской мрази.

14 марта 1937 года чекист сам оказался клиентом НКВД. Большевистской стойкости он не проявил и на допросах лёг сразу. Реестр названных им "сообщников" не уложится в эту книжную страницу. По приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР

Чудновский приговорён к расстрелу, который приведён в исполнение 13 августа 1937 года.¹⁵

Ровно через двадцать лет той же Военной Коллегией Верховного Суда СССР Чудновский реабилитирован ввиду отсутствия состава преступления. А затем и восстановлен (посмертно) в партии.

На первом допросе “почётный чекист” признался, что завербовал в организацию правых областного прокурора Пальгова. Тоже знакомый нам по многочисленным антикрестьянским кампаниям облпрокурор не стал испытывать судьбу и уповать на случай. Опережая арест, он застрелился в городе Ленинграде, куда был переведён с повышением.

Зубарева взяли 15 марта 1937 года. Зубарев Проконий Тимофеевич, 1986 года рождения, деревня Зубари Вятской губернии, русский, в момент ареста - заместитель наркома земледелия СССР, ранее второй секретарь Свердловского обкома ВКП(б). В паре с Зубаревым арестовали наркома земледелия СССР Михаила Чернова, хорошо знакомого нам по хлебозаготовкам 1934 года. Зам. наркома стоял перед следствием более месяца, отбиваясь от обвинений. 20 апреля на допросе стал давать показания на себя и других...¹⁶

В ту же пору НКВД взяло Головина, ранее работавшего секретарём Курганского окружкома ВКП(б), а затем председателем Свердловского облисполкома. После всех этих арестов ничего хорошего ждать не приходилось. “В марте 1937 года, - цитирую показания Альмы Костиной, секретарши Кабакова, - после разоблачения Головина Кабаков ночью собрал весь свой секретариат, в том числе и меня. Этот приход его в обком ВКП(б) ночью был вызван тем, что Кабаков был сильно встревожен неожиданным разоблачением Головина...”

Кабаков в срочном порядке редактировал заметку в “Правду” по вопросу о Головине, стараясь представить себя как инициатора разоблачения Головина. При этом он говорил - надо написать как можно резче о Головине, чтобы не навлечь на нас никаких подоз-

рений... Особенно сильное беспокойство вызвал арест Зубарева и Чудновского”.¹⁷

Не в характере большевика ждать у моря погоды. Такой расклад дел обещал скорую встречу с НКВД. По факту зловещих событий пожарно собрали пленум Свердловского обкома партии, который, естественно, вылился в недельную перепалку и единодушное осуждение уже арестованных. Солировал на пленуме не Кабаков, фамилия секретаря обкома начисто исчезла с газетных полос примерно месяц назад, с момента его критики на партконференции. Было ясно - вожди областной печати держит московская рука. Затравную речь держал новый начальник УНКВД по области Дмитриев. О нём и причинах его появления несколько позднее.

Стенограмма пленума похожа на запротоколированный шорох пауков в банке. Остановимся лишь на фрагментах архивного тома. “Чудновскому удалось быстро объединить вокруг себя значительный круг лиц, стоявших на контрреволюционных позициях правых. На квартире Чудновского систематически проходили сборища, носившие характер консолидации сил правых на Урале...”¹⁸

Взято из показаний известного на Урале чиновника, проходящего по тому же делу “правых” и расстрелянного уже в конце июля. Его показаний, кроме следователя в тридцать седьмом и меня, никто, пожалуй, не читал. Но для высокой свердловской партсоветской номенклатуры сие не было тайной. Известно ведь, если на работе пить нельзя, а дома гудит жена, - иди со своим к другу-еврею.

Расклад сил определился принципом - кто бывал у Чудновского на квартире, а кто нет. Кто дружил с разоблачёнными, а кто строил им козни. “Если бы я был информирован, - сокрушался Кабаков, - что там вырабатываются решения правых, то я бы давно вас оттуда как галок растаскал. Я просто считал, что вы там выпиваете”. Незапятанные члены обкома, будущи в меньшинстве, вели себя агрессивно, требовали вспомнить и назвать всех участников троцкистских

сборищ, чтобы протокольно засвидетельствовать им своё недоверие.

Бывшие в гостях у председателя суда хорошей памятью не отличились, всем запомнился областной прокурор Пальгов, успевший, к сожалению, застрелиться, да те сослуживцы, которые уже сидели в НКВД. Из 77 членов обкома на тот час сидело 10 человек. Когда все навалились на начальника облземуправления Иконникова, слывшего личным другом облсудьи и даже бывавшего у него накануне ареста в Ленинграде, подозреваемый признался, что выпивки у Самуила Гдальевича были, но антипартийных разговоров никогда.¹⁹

Скоро бывший секретарь обкома ВКП(б), слушая перепалку, возмущённо качал головой и, глядя в сторону начальника УНКВД, сокрушался: "Они там решали и нам подбрасывали". Дмитриев держался независимо и записывал не детали, а только фамилии.

Самым опасным симптомом приближающейся грозы было появление новых лиц в структуре УНКВД. Успокаивать себя тем, что обновление местного карательного аппарата связано с назначением Ежова наркомом внутренних дел, мог только слепой. В самом деле, пока московские чекисты ломали хребты и иные кости высокоименным троцкистам, доводя их до кондиции очевидного мерзавца, провинциальные каратели паразитировали на ловле блох.

В конце 1936 и начале 1937 годов, мельчили сводки Свердловского УНКВД, вскрыты контрреволюционные организации в Госуниверситете, медицинском институте, на географическом факультете пединститута...²⁰ В убогом Шумихинском районе, прямо таки издевается над революционной бдительностью сводка УНКВД по Челябинской области, выявлена и осуждена контрреволюционная организация, называющая себя РСДРП. Под святое на сей раз замаскировались не женевские интеллигенты, а мужики сиволапые. Но цель-то какова - снова перевертывание власти вооружённым путём.²¹

Тут, можно сказать, ночами не спишь, возмутились московские чекисты, мир пытаешься ошарашить,

а вы... Глупо, товарищи! Глупо и преступно, обвиняемые! Начальника УНКВД Свердловской области Решетова вызвали в Москву и арестовали. Остальных, кого надо, взяли по месту жительства. Волну массовых арестов прежнего состава НКВД партийная история оплакивает как трагедию, унёсшую лучшие кадры ЧК, воспитанные самим Феликсом Эдмундовичем.

Утрите слёзы крокодилу. Дело складывалось чуть-чуть не так. Палачи-мясники заменили палачей-изуверов. Нимбы последних коптят костры массовых репрессий хотя бы крестьянской истории тридцатых.

Нового начальника Свердловского УНКВД звали Дмитрием Матвеевичем Дмитриевым. Чтобы снять некоторое удивление членов обкома партии, он при знакомстве коротко рассказал о себе. Родился в 1901 году, еврей, в 1919 году состоял членом организации Поалей-Цион, вместе с Красной Армией участвовал в гражданской войне, в органах ЧК с 1920 года беспрепятственно. Отец до революции был торговцем галантереи, после революции мастер завода в Днепропетровске. С отцом связь порвал в 1917 году. Фамилия отца Плоткин. Фамилию сменил в связи с вопросами работы в НКВД.²²

С такой биографией, грустно думалось славянским партийным кадрам, мы бы ему не доверили Заготскот, а тут будет судьбами большевиков играть. Но юркого чекистика направил в область сам народный комиссар госбезопасности, поэтому язвительных вопросов не последовало. Все чувства, включая и большевистскую бдительность, выдавила из тел трусость.

С приходом новой команды УНКВД жизнь в Свердловской области словно подморозило. Внешне всё было нормально, шла посевная, по районам гулял обычный весенний голод. Только было тихо, как в зимнем лесу, не слышалось идеологического звона да исчезли со страниц газет имена местных вождей. Тому были основания.

Дмитриев приехал на Урал не для того, чтобы отрубать хвосты вскрытой в Москве контры. Такое могла сделать команда Решетова. Прежние чекисты не

могли сделать одного - повязать в общем фальшивом процессе всех местных вождей, они же сами жили и творили в этом обществе.

Не рубить хвосты приехал посланец Ежова, а рубить головы провинциальному руководству. Урал вполне заслуживает, решили в главном НКВД, иметь собственную приличную правотроцкистскую организацию. Назовём её, ну скажем так, подпольная организация правых на Урале. Хорошо вроде бы звучит. Разумеется, что террористическая организация, шпионская и прочая нехорошая.

Пока НКВД разрабатывало план разоблачения подпольной организации, партийное руководство моталось по районам посевной. Кто-то надеялся, что пронесёт и на этот раз, кто, потеряв надежду, бросался в бега или сводил счёты с жизнью. В апреле покончил с собой заместитель председателя облисполкома Гольдич, 1 апреля расстреляли начальника строительства Уралвагонзавода Марьясина, рикошетом проходящего по делу Пятакова. Но события не вылезли из общего трагического фона и никого не шокировали.

Отношения между местной властью и УНКВД совершенно изменились. "Решетову: разобраться. Кабаков", "Решетову: для исполнения. Головин". Такие резолюции на документах, направляемых в компетентные органы, свидетельствовали о руководящей роли партии в карательном процессе. Теперь руководящие резолюции исчезли, даже доносы, поступающие в партийные органы, немедленно переправлялись в УНКВД. Потеряли контроль над чекистами и органы юстиции.

Раньше власть карательных органов ограничивалась постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 июня 1935 года "О порядке производства арестов". "Разрешение на арест членов и кандидатов ВКП(б), - читаем данный документ, - даётся по согласованию с секретарями районных, краевых, областных комитетов ВКП(б), в отношении коммунистов, занимающих руководящие должности, - в Наркоматах Союза и приравненных к ним центральных учреждениях по полу-

чении на то согласия председателя комиссии партийного контроля".²³

Во времена чертогона на вредителей указанная норма соблюдалась формально, разрешение на арест уже сидящих в НКВД подписывалось задним числом. Теперь никаких бумажных процедур не требовалось. Вышестоящий партайгеноссе узнавал об аресте своих подчинённых в газетах, а то и встречал их с тихой радостью в камере.

По образу московских процессов лепилась внешняя сторона обвинения. НКВД не могло ошибаться. Арест одновременно был и приговором. Арестованный сразу становился врагом народа, на него обрушивались лакеи прессы, вся следственная волокита сводилась к бумажному оформлению непреложного криминала.

22 мая 1937 года арестовали секретаря Свердловского обкома ВКП(б) Ивана Кабакова. Началась карательная операция по разоблачению подпольной организации правых на Урале. Вал большого террора катился через борта номенклатурного ковчега. О трагическом конце уже не большевика, а обычного смертного советского гражданина Кабакова мы поговорим позднее. До первых заявлений следствию ему жить целую неделю, несомненно самую страшную неделю в жизни. Тенью будущего проскользнём утром того же дня в здание областного комитета ВКП(б), чтобы взглянуть на стриптиз ума, чести и совести нашей эпохи. Пусть в исполнении провинциальных большевиков.

Экстренный пленум Свердловского обкома не для всех был неожиданным. Лишь некоторые пучили удивлением глаза при сообщении об аресте Кабакова. Да и те играли. На самом деле все похоронили вождя давно. Как только перестают лстить, обычная протокольная норма партаппарата, жди увольнения, обвинения и, возможно, тюрьмы. Президиум украшала фигура непотопляемого секретаря ЦК ВКП(б) Андрея Андреевича Андреева. Тут же сидел, любопытно оглядывая зал, прибывший для исполнения обязанностей областного вождя Яков Абрамович Столяр, а

также многие из тех, с которыми мы скоро познакомимся на допросах.

Хуже всего пришлось второму секретарю обкома Пшеницыну. Надо было выпукло демонстрировать неожиданность произошедшего, расторопность, изворотливость... Надо было перешагнуть через себя. "Вот наглядный пример и урок большевистской, Сталинской бдительности, - начал он на правах хозяина, - именно этой бдительности у нас здесь и не было, вследствие чего 9-10 лет работал величайший, я бы хотел сказать двурушник, предатель, враг народа, контрреволюционер - Кабаков. И только именно эта Сталинская бдительность, только эта работа органов НКВД, которая развернулась под руководством товарища Ежова, дала возможность вскрыть это гнездо". Далее секретарь стал ругать уже арестованных - Головина, Зубарева, Гольшева.²⁴

Остальным выступать стало проще. Ориентировку дал новый секретарь обкома Столяр, обозвавший Кабакова "величайшим двурушником, предателем, врагом народа и руководителем подпольной организации правых на Урале". Кстати, к тому времени следствию не поступило никаких саморазоблачительных заявлений от арестованного, он ещё "стоял".

На краю общей могилы началась перепалка. Каждый, во-первых, старался отмазаться от Кабакова, хвалясь тем, что когда-то возразил вождю или был им ругаем. Те, у кого за плечами положительные примеры не было, кидались на откровенных фаворитов Кабакова. Секретарь одного из провинциальных райкомов вслух обвинил Павловского (Березники) в поддержке его Кабаковым. Другому, мол, за такие дела голову бы снесли, а этому хоть бы хны. Вслед за этим накатил бочку на редактора областной газеты Жуховицкого, безо всякой меры хвалившего такую троцкистскую акулку.

"У вас-то правые есть?" - перебил негодовавшего секретарь ЦК ВКП(б) Андреев. "Был один, - моментально и в темп ответил секретарь местный, - теперь сидит в апартаментах Дмитриева!" В президиуме шутку-быль сумели оценить. Зал, наоборот, завистливо

хмурился. Этот, стервец языкастый, вывернется из-под троцкистов, сердито шевелили извилинами обкомовцы, которым бог не подарил ни быстрого ума, ни острого языка. Видел я его дело, зря мужики завидовали.

Только что назначенный секретарь Тагильского райкома Богачёв был пока вне подозрений, потому кинул опасную петлю, призвав "каждого секретаря райкома и горкома посмотреть под призмой того, что случилось". Далее он намекнул на то, что значительная часть врагов привезена Кабаковым из Тулы и ко всем тулякам надо серьёзно присмотреться. Надо отрубить тульский хвост. Сидящему в президиуме начальнику УНКВД мысль про призму и тульский хвост очень понравилась.²⁵

Второй день пленума опять начался с казуса. Яков Абрамович, теперь на правах хозяина, встал и объявил, что вчера из Москвы пришёл вызов для Пшеницына - второго секретаря Свердловского обкома. Однако тот сегодня не выехал, потому что утром застрелился. Секретарь ЦК ВКП(б) Андреев вывел обстановку из шока, заявив, что вчера этот враг распинался о преданности товарищу Сталину, а сегодня трусливо сбежал на тот свет. Враг так враг, согласились аппаратчики, отрешённо-тупо упершись в фундаментальную мысль, что скоро все там будем.

После бессонной ночи публика стала спокойнее, ругать стали больше скурвившегося вождя. Потому как все дули в одну сторону, выступления часто обрывали, до конца слушали тех, кто мог сказать смачно или самокритично. "Этого секретаря-provokатора, - крыл партлидер Верещагинского райкома, - который буквально двух слов не мог связать, мычал только, врага этого встречали по двадцать минут аплодисментами. Стоя встречали, стоя и провожали!"²⁶

Тут сидят люди, подбросил кто-то, вчера ещё бегавшие с подписными листами о награждении Кабакова. Стали выяснять. Действительно, арестованный бог страдал известным пороком. Был город Кабаковск, совхоз имени Кабакова, пединститут, завод, на предпоследнем пленуме вождь надоедал предложением на-

звать своим именем пару колхозов. Нашли и людей, иницилирующих это дело. Да, бегали, согласились те, но по поручению. Все следы истины, как назло, обрывались на безвременно почивших или арестованных.

В деле разоблачения подпольной организации правых на Урале открывались первые страницы, и новому партийному лидеру Свердловской области Столяру оставалось ругать предшественника. "Этот мерзавец Кабаков приказал поджечь Надеждинский завод, был подожжён паросилового цех. Организаторами этого поджога был руководитель Надеждинска - секретарь ГК Смирнов, директор завода Щербина и парторг Аверин. Вот эти три выродка, достойные Кабакова, и подпалили завод. Это сделано через диверсантов, японских шпионов и других..."

С 1930 года уже почти полностью в аппарате обкома хозяйничали враги. 5 секретарей сидят, все кроме Мирзояна входили в организацию (Кабаков, Зубарев, Головин, Киселёв, Самойлов). Из членов бюро обкома сейчас врагов оказалось 18 человек. Остались из членов бюро - Дмитриев, недавно приехавший в организацию и работающий над разоблачением врагов, остался Богачёв, работавший в Тагиле, которого секретарём тагильская организация не выбирала, остался Асрибеков, избранный секретарём Перми, и кандидатов осталось два. Вот и всё".²⁷

Так что все наиболее героические партийные кадры Урала, загнавшие земляков в нищету, ссылку, голод и холодные котлованы гигантов бесхозяйственности, оказались врагами народа. Не за преступление перед соотечественниками. Что посеешь, то и пожнёшь. Сеяли ненависть и чужую идеологическую наркоту. Теперь, попав в жертвы политического сатанизма, им бы впору раскаиваться в содеянном. Кто скажет, что они думали наедине с собой в камерах НКВД. Откровения души следователи не протоколировали, в делах остались лишь показания, выбитые ими из арестованных. Как, к примеру, это.

"Народному комиссару Внутренних дел СССР Н.И. Ежову

Заявление

Я хочу сообщить вам, что чувствую себя виноватым перед партией и Советской властью. Коммунистическая партия оказала мне большое доверие, создала мне все условия для большой и руководящей, а я её позорно обманул.

Теперь я арестован и разоблачён. Мне остаётся только эту маску которую я носил в течение ряда лет начиная с 1929 года.

Я действительно являлся участником подпольной организации правых, директивы которой выполнял до дня своего ареста.

Я прошу Вас, если возможно, поверить в мою искренность.

Я не прошу пощады, так как знаю, что за свою измену достоин суровой кары. Обещаю Вам честно и до конца правдиво рассказать всё то, что мне известно о подпольной контрреволюционной деятельности правых".²⁸

Этим документом, если не принимать во внимание ордера на арест и описи изъятого имущества, открывается следственное дело № 10 581 по обвинению Кабакова И.Д. Заявление на имя Ежова написано 28 мая 1937 года собственноручно бывшим секретарём Уралобкома и Свердловского обкома ВКП(б) Иваном Кабаковым, им и подписано. Почерк, стиль, пропуск слов, непростительные для довольно образованного человека грамматические ошибки косвенно свидетельствуют о том, что написано заявление лицом, находящимся в состоянии маразма. Недели хватило мясникам НКВД, чтобы из "несгибаемого революционера и верного соратника тов. Сталина" сотворить человеческое тряпье.

У нормального человека не поднимется язык хулить подследственных тридцать страшных за самооговор и даже показания на других. Добровольный донос и сказанное под пытками суть вещи разные. Стукач движим чувством благоприобретённой подлости. Наоборот, подследственные не сами выбрали кривую дорогу к собственной смерти. Уверен, что самые отпетые из них в камере НКВД по-своему искали дорогу

к богу. Иван Дмитриевич Кабаков был обычным человеком, как и репрессированные по его директивам тысячи деревенских мужиков. Естественно допустить, на Лубянке он думал о матери, отце, семье, сожалел о том времени, когда стал грешен большевизмом. В приступе стенокардии, сжимающем будущее в минуты, ценность политики равна нулю.

Столь же естественно предположить, что человеческие страдания следствие совсем не интересовали. Заказано сделать махрового руководителя подпольной организации. Следствие добилось того, ибо большинство показаний бывшего уральского вождя получено самым эффективным средством дознания в советском правосудии - превышением меры зла над физической терпимостью человека. Отношу данное обстоятельство ко всем изученным мною следственным делам.

Беззаконие и в отношении явных преступников предосудительно. Хочется врезать, да нельзя! Сподлать из-за забора закона можно. Оскорбительными для памяти этой части репрессированных соотечественников кажутся мне попытки перестроечной истории КПСС оставить реабилитированных посмертно в скорлупе коммуниста, собачьи преданные идеям социализма. Умирили, мол, со словами преданности партии и Сталину. Были такие и у нас. Можно простить им и эту, последнюю надежду купить себе право на жизнь. Жить в ещё большей подлости, но жить! Неужели не ясно другое, если на краю могилы человек искренне вопиет о благодарности карателю, значит, умирает полный идиот. Перед которым даже стреляющий в затылок выглядит человекообразнее, потому как кормит с оклада семью.

Первый запроотоколированный и подшитый таким в следственное дело допрос Кабакова, датированный 3 июня 1937 года, вёл помощник начальника 4 отдела ГУГБ (Главного управления госбезопасности) майор ГБ Стромин. Понятно, что предшествующее заявление бывшего уральского вождя, тождественное самоприговору, явилось итогом многодневной физической и психической обработки. В практике таких процессов промежуточные допросы не протоко-

лировались, потому, что обвиняемый либо вообще куражился, либо выбивался из предложенной ему версии. В отношении высокоономенклатурных врагов народа допрос документально оформлялся только в том случае, когда арестованный хорошо держал борозду.

Гладкая, сбалансированная версия нужна была для показательных процессов. Излишняя детализация поступков могла опрокинуть систему доказательств. Для обычных на Урале закрытых судилищ, проходящих через Военную Коллегию, требовался внешний упорядочивающий принцип. Первоначально следователи садились в лужу, когда выбивали из арестованных встречные взаимоисключающие показания. Примерно так. Арестованный Иванов показывает, к радости следователя Сидорова, что завербовал в троцкисты Петрова. Петров, в свою очередь, подписывает заготовленную следователем рыбу, что он завербовал Иванова. Да хрен бы с ними, с этими противоречиями, если подследственные были рядовыми троцкистами. Самых - к стенке, следственные дела бросить в могилу засекреченных архивов. Враги солидные будут просить очные ставки. Крутись тогда с ними.

Гебистское правило упростило следствие и звучало так. По материалам следствия партийно-советский и хозяйственный руководитель должен вербовать подчинённых, но сам вербуем только вышестоящим работником. Принцип придал всесоюзной карательной кампании ньютоновскую стройность, следствие и обвинения обрушивались сверху вниз. Норма работала исходя из служебной иерархии, сложившейся к моменту ареста.

В нашем деле Зубарев, как зам. наркома земледелия, обязан был вербовать секретаря Свердловского обкома ВКП(б) Кабакова. Хотя в момент свершения этого криминального действия, якобы в 1929 году, Кабаков был рангом выше будущего земнаркома. Если копаться в служебных дебрях, решили в НКВД, то голова пойдёт кругом. Правда, у Зубарева биография была более подручной для обвинения в троцкизме,

как-никак член партии с 1904 года, участник лондонского съезда РСДРП.

Факт вербовки Кабаков подтвердил, почти с этого начинается протокол допроса. Предварительно следователь потребовал у арестованного повторить фразу - "сбросить ту маску, которую я в течение многих лет носил". Видимо, следствию сверху дали нагоняй за безграмотно написанное заявление Кабакова Ежову. Надо было закрыть стилистическую дыру в столь важном документе.

Согласился подследственный и с тем, что назначение его секретарём Уралобкома ВКП(б) в 1929 году было дворцовым переворотом на Урале, захватом власти правыми. Шверника, мол, скинули сообща. Будто сделать такое можно без санкции ЦК ВКП(б) или Шверник отбыл не в Москву с повышением, а на Север.

На первом допросе в качестве активных членов подпольной организации было названо более тридцати человек. В основном это была партийно-советская номенклатурная элита Урала, включая некоторых руководителей Челябинской области. Свидетельство в ущерб другому каждому подследственному давалось с моральными муками. За самооговор рассчитываешься собственной шкурой и судьбой семьи. Даже правдивые показания в сторону других неприличны. А лжесвидетельства - явное преступление. Поэтому наш исторический персонаж и другие подследственные старались называть уже арестованных или расстрелянных "сообщников". Однако следователи упрямо выводили их на заинтересованные лица и требовали однозначного ответа.

Факт лжесвидетельств бывшего секретаря Уралобкома ВКП(б) в ущерб жизни подчинённых зафиксирован историей документально. Однако я не имею морального права цитировать эти части протокола допроса, открывать имена бывших руководителей, названных Кабаковым членами организации правых и вскоре, естественно, арестованных. Сдавали партийных товарищей почти все арестованные большевики.

"Если я не назвал кого-то из участников организации правых, то только в силу ослабления памяти". Так красиво пытался было выйти из допроса арестованный Сулимов. Тоже мужик уральский, в момент ареста председатель СНК РСФСР. Следствие быстро научилось выбивать у подследственных склеротические симптомы. Правда и то, что некоторые из подчинённых были арестованы раньше уральского вождя. Следствие по делу Кабакова и допросы велись в Москве, свердловское УНКВД вело аресты на опережение.

У меня совершенно нет намерений защищать коммуниста Кабакова. Его действия в качестве руководителя уральских большевиков, то есть до начала 1937 года, преступны. Он, во-первых, представитель преступной государственности и преступной организации. Иницилируемые им директивы и действия (особенно по карательным операциям на Урале), во-вторых, определяют его как физическое преступное лицо. Он преступен и как исполнитель, и деятельно. С мая 1937 года Кабаков - жертва режима, за который он стоял горой и дырой. И в качестве жертвы он ничуть не отличается от какого-нибудь мужика, забитого на сырьевой лесосеке.

С арестом и допросами вновь вскрытых членов подпольной организации следствие формирует систему взаимодобывающих свидетельств. Из нижестоящих врагов народа выбивались показания о конкретных фактах идейного предательства, диверсионной деятельности, шпионажа. Но каждое следственное дело должно было и адресовало инициативу преступных действий вверх. Мифическая организация правых начала давать тень.

"Посмотри, что делается в твоём Коми-Пермяцком округе, - приводит на допросе слова, сказанные, якобы, Кабаковым, один из районных врагов народа, - сколько так называемых кулаков, являющихся в действительности основными тружениками деревни, выслано из центральных районов СССР в Коми-Пермяцкий округ и в каком положении они находятся. Может ли быть правильной такая политика,

которая связана с издевательствами над людьми, с полным попранием человеческой личности?

Колхозы неминуемо придут к упадку и развалятся, однако можем ли мы сегодня сказать, что мы против колхозов. Конечно нет, это было бы равносильно собственной гибели. Поэтому мы должны делать так, чтобы для видимости осуществлять линию партии и произносить приветственные речи по адресу ЦК, тем не менее, строить своё поведение так, чтобы возрастали всякого рода недовольства. Мы должны иметь два лица. Одно лицо - это лицо человека, который поддерживает генеральную линию ВКП(б), и второе лицо человека, который имеет свои убеждения и претворяет их в жизнь".²⁹

История сейчас не вспомнит - катил ли туфту на врага-вождя враг районный или антисоветчина имела место бытъ. Всё мелкое забылось. Остался окаменевший факт - при социализме правда есть подпольная форма мышления. Человек, желающий воспринимать мир естественно, в меру данных богом чувств и ума, вообще потенциальная контра. Кого тогда можно было удивить антисоветчиной? Лучшие контрреволюционные анекдоты рождались в партийных кабинетах. Однозначно верно и то, что в тесном кругу личных знакомств руководители Урала трезво оценивали обстановку. Другое дело - плохо выбирали себе друзей.

Не для пятьдесят восьмой дробь десять раскручивалась мощная карательная операция. С летних допросов и пыток полетели показания поувесистее. "Я за то, - сказал единожды Кабаков, по показаниям одного из его любимцев, - чтобы наша организация устранила Сталина путём физического уничтожения его, я за террор против всех сталинцев... Мы очень резко повернём крен в политике, капитализм будет шагом вперёд в сравнении с существующим положением вещей и мы за капитализм".³⁰

"Меня завербовал в организацию в 1933 году Кабаков, он сообщил мне, что существует широкая организация правых, во главе которой стоят Рыков, Бухарин, Томский, Угланов. Цель организации - изменение политического строя и приход к власти пра-

вых сил., непосредственное уничтожение Сталина и членов политбюро ЦК ВКП(б): Молотова, Кагановича, Ворошилова". Далее секретарь Ворошиловского райкома показал, что Кабаков руководит организацией правых на Урале, что предложению сотрудничать предшествовала длительная политическая обработка в духе контрреволюционных установок правых. "Беседы со мной вёл Шахгильдян, бывший секретарь Верх-Камского окружка, который был доверенным лицом Кабакова".³¹

Десятки арестованных из личного и служебного окружения бывшего уральского вождя давали против него убойные показания. Так как следствие настаивало на конкретизации свидетельств, единожды предавшие, спасаясь от пыток, резали правду-матку о положении дел в той или иной сфере. Без идеологических нарядов советская действительность как голая старуха, она вызывает сложную помесь чувств, где невольная жалость заглушает неприязнь. Если правда звучала слабообвинительно, подследственные вынуждены были напрягать память, криминализировать мелкие поступки прошлого, а то и просто лгать.

"Все деньги, отпущенные на развитие торговли по области, расходовались на строительство шикарных магазинов в Свердловске... Можно было наблюдать, как огромное количество рабочих и служащих из промышленных районов области потоками двигались в Свердловск для покупок товаров и продуктов... По личному поручению Кабакова Ошвинцеву (председатель Уралсовета) была отведена роль по обработке приезжающих товарищей из центра, устройству попок и выдачи продуктов. Ошвинцевым был разбазарен большой фонд импортных вещей, получаемых из-за границы, в частности заграничные ружья, материал и часы..."³²

Ну кого таким удивишь? Следствие, ведущее дело руководителей областного внутриорга, недосыпало почти вхолостую. Нет, их подследственных расстреляли, включая начальника Облвнутриорга, вот на генеральном направлении они остались незамеченными. Показания к следственным делам Кабакова и Ошвин-

цева приобщили, но по первому делу в обвинительное заключение не взяли ни строчки.

“Особо крупное вредительство было произведено нашей организацией по линии рабочей силы. Известно, что для строительства Магнитогорского металлургического комбината не хватало рабочей силы. Решением директивных органов нам была направлена огромная партия спецпереселенцев. Вместо того, чтобы эту прибывшую рабочую силу использовать на все 100%, как это было указано мне лично Сталиным, мы сознательно не создали необходимых материальных и бытовых условий для спецпереселенцев и этим самым физически уничтожили до 40% прибывших людей. Физическое уничтожение спецпереселенцев ещё в большем количестве было допущено на лесных разработках. Здесь погибло до 50% завезённой рабочей силы”³³

Цитировались показания начальника треста “Востокосталь”, направленного на Урал лично Сталиным. Свидетельства такого рода, весьма правдоподобные или совершенно правдивые, с удовольствием приобщались к делу. Варварское отношение к родному советскому народу, пусть даже ссыльному, украсит любое обвинение. Здесь следствие становилось дотошным, ибо выполняло свою основную функцию - перебросить истинную вину людомора с Сатаны на чертей-исполнителей. Лицемерием сквозят многочисленные обвинения местных руководителей в организации лютого голода. Но об этом позднее, при изучении дел сельхозтроцкистов.

К месту упомянуть об интересной процессуальной манере следствия. Как только обвиняемый пытался в оправдание сослаться на директиву, с неукоснительным выполнением которой связаны его преступные действия, чекисты прерывали показания примерно так: “В заявлении о признании своей вины вы обязались давать правдивые показания о своей преступной деятельности. Об этом и говорите, а заниматься анализом государственных и партийных мероприятий ни вы, ни даже следствие не уполномочены. Так в чём конкретно вы признаёте себя виновным?”

Чтобы не терять темп дознания, наиболее яркие свидетельства преступной деятельности правых, выбитые уральскими чекистами, направлялись в Москву, где с ними выборочно знакомили Кабакова. В мифической надежде выслужиться и вывернуться бывшие соратники толкали его к могиле. К осени Иван Дмитриевич вышел на последнюю прямую. Протокол допроса от 14 сентября 1937 года не оставял в том никаких сомнений. “В 1935 году, - “признанся” подследственный, - во время встречи с Рыковым последний дал мне директиву о создании в Свердловске областного повстанческого штаба...”³⁴

Повстанческая организация да ещё штаб - из-под такого комплекта живым никто не уходил. Членами штаба были названы известные нам по предшествующему изложению кадровые лица. Одиозно смотрелся в штабе митрополит Холмогорцев, попавший в активные повстанцы по показаниям другого уральского большевика. Какой же крестовый поход против Советской власти без попа? Тут следствию во вкусе не откажешь, всё придумано в тон. Оторопь берёт от пёстрой безвкусицы дней нынешних, когда слуги Христовы благословляют красноречивые шабашки. Протяни с небес длань свою, господи, и возьми слуг бесовых за бороды!

Повстанческий штаб Урала, фиксирует протокол допроса, держал связь с центром через Тухачевского, Якира, Гамарника и Фельдмана. Всё, дальше некуда! Тухачевский, по милой случайности арестованный в один день с Кабаковым, Якир и Фельдман были расстреляны ровно три месяца назад и за четыре месяца до расстрела нашего подследственного как участники “антисоветской троцкистской военной организации”. Гамарник успел застрелиться сам.

Прежде чем войти в зал заседаний Военной Коллегии Верховного Суда СССР, остановимся ещё на некоторых процедурных тонкостях, высвечивающих технику изготовления фальшивых обвинений. Конечно, на Кабакове свет клином не сошёлся, по набитой им дороге прогнали тысячи репрессированных земля-

ков, но в их делах искусство фальшивотворения уже уступило место ремеслу.

Враг народа обязан быть совершенно плохим. Какой ты к чёрту троцкист, если нельзя через дефис обозвать диверсантом и шпионом? Следствие старалось оправдать мнение прессы и широкой советской общественности, сразу, с посадкой в воронок, покрывающих арестованного густым политическим матом. Перелицевать троцкиста в диверсанта хлопотно, но можно. Сплошной поток аварий на наспех сляпанных промышленных предприятиях по причине строительного брака, нарушения технологических режимов работы оборудования и самого производства, низкого качества рабочей силы давал обильный обвинительный сырец. В деревне немного иначе. Под каждую корову мину не заложишь, дорого обойдётся. И всё же колхозный и совхозный скотомор принимал порой масштабы, наводящие на подозрение в бактериологической диверсии международного империализма.

Дальнейшее выглядело где-то так. После аварии брали сменного мастера или инженера и шили им умышленное вредительство с видом на тот свет. Если предприятие было крупным и обслуживалось иностранными специалистами, автоматически добавлялся шпионаж. Привожу отрывок из классики. "В феврале 1936 года по заданию немцев был организован взрыв вентилятора в азотно-кислотном цехе второй очереди... Вследствие этого значительная часть азотно-кислотных цехов вышла на продолжительное время из строя... Диверсионный акт был организован сменным инженером Лютым, который является агентом германской разведки..."³⁵

Раньше бы диверсант ушёл под вышак в компании ближайших сослуживцев. С приходом нового руководства УНКВД и свежей технологии следствия арестом производственного персонала дело только разгонялось. В случае "чистосердечного" признания, то есть признания аварии умышленной диверсией по заданию подпольной организации правых, технарям, как простым исполнителям и лицам, содействующим следствию в разоблачении крупных вредителей, клят-

венно обещалось вывести их из-под расстрела. Ложь была взаимовыгодной и работала почти безотказно.

Технари выводили чекистов на руководителей заводов. Тут обман работал слабее, но холёный номенклатурный управленец смертно боялся пыток и физического воздействия вообще. Кроме того, их можно было прищучить через связь с отраслевыми наркомками, оптом обвиняемыми в троцкизме. Так или иначе директорский корпус пристёгивался к подпольной организации правых. В нашем случае основные аварии на заводах Урала прямо повесили в обвинительные заключения руководителей промышленности и косвенно в дела партийных лидеров. Следственное дело Кабакова украшает факт прямого участия в диверсионной деятельности.

"14 мая Кабаков получил телеграмму ЦК ВКП(б) с предложением немедленно выехать в Москву. Эта телеграмма его сильно обеспокоила. Виноградова (его жена - А.Б.) говорила - Кабакова вызывают, наверное, в последний раз..." Так оно и случилось, в Москве его арестовали. "В день отъезда, - продолжу показания его секретарши, - Кабаков попросил передать записку директору Надеждинского завода: "Если я не вернусь, подпалите завод в Каб..." Тогда Надеждинск назывался Кабаковском."³⁶

Далее события развивались так. Кабакова взяли. Пожар на самом деле был. Записки в следственном деле, разумеется, нет. Костину Альму Ивановну, секретаршу Кабакова, допрашивали двойной тягой сам Дмитриев, начальник УНКВД, комиссар ГБ 3 ранга и зам. начальника УНКВД капитан ГБ Чистов. Авторитетный состав допрашиваемых в лице двух оберпалачей Урала наводит на мысль о крупной провокации.

С женщиной еле справились. По показаниям Файнберга (секретаря ЦК ВЛКСМ) во времена реабилитации, осуждённого в 1938 году и до того прошедшего полный курс дознания, Костину пытали. На стене своей камеры он видел её сообщение о пытке и подпись. Свидетельство о диверсионной деятельности бывшего вождя ушло в Москву, новый секретарь об-

кома Столяр фехтовал им на каждом публичном выступлении. 13 августа 1937 года на суде Костина от всех своих показаний отказалась и виновной себя не признала. В последнем слове она добавила, что лже-свидетельства из неё выбили следователи. А Кабаков пусть остаётся врагом народа, если он признался сам. С тем и была расстреляна сразу после заседания Военной Коллегии.³⁷

Перед мужеством простой сотрудницы головы никто не склонил, реабилитировали её оптом уже во времена горбачёвские. В тридцать седьмом следствие как ни в чём не бывало использовало потерявшие силу показания Костиной в дальнейших обвинениях. Вообще я обязан сказать, что представительницы слабого пола в мясорубке большого террора вели себя много достойнее мужской большевистской аристократии. Чувственный ли склад натуры, подавляющий преступные выверты боязливости, или инстинктивная осторожность перед мужским нахрапом, но на крючки подлости они садились реже. Выразительным примером может быть поведение жены Кабакова - Виноградовой Валентины.

Арестовали её 24 мая 1937 года. Арест санкционировал уже известный нам областной прокурор Лейман, которому оставалось ходить на свободе совсем немного. За несколько месяцев, проведённых в камере УНКВД, на допрос её вызывали дважды - 24 мая и 27 сентября. На первом допросе она себя вела даже вызывающе: "По существу предъявленного мне обвинения виновной себя не признаю, участницей контрреволюционной организации правых я никогда не была". На втором допросе назвала кучу показаний против неё сотрудников "Уральского рабочего" клеветническими, добавив при этом, что считает невероятным авторство некоторых из них.

На суде Виноградова осталась собой, сказав буквально следующее: "Считаю своим преступлением перед партией, что, зная Кабакова двенадцать лет и являясь его женой с 1928 года, я не увидела в нём врага народа и партии и до последних дней считала его преданным партии и Сталинскому ЦК человеком. О

подпольной контрреволюционной работе Кабакова я не знала и не имела никакого повода когда-либо подозревать его в этом..." За идеологическую слепоту Виноградову Валентину присудили к расстрелу.³⁸

Не минули бывшие уральские вожди и помоев обыденщины. Косвенной задачей следствия являлась моральная дискредитация арестованных. Перевод из святых в подлых плохо воспринимается, если не подать троцкиста очевидным мерзавцем. Я говорю не только о фактах, сопровождавших обвинение Кабакова. Речь о принципе подачи любых обвинительных материалов населению. Секретная кухня многих фальшивых свидетельств простолюдину не знакома. Вспомним первые московские процессы, враги народа созрели для показухи в тот момент, когда стали творить поступки, не соотносимые с элементарной порядочностью.

Летом тридцать седьмого во все райкомы Свердловской области поступила бумага, подготовленная следствием для сведения партработников и ознакомления народа. В ней давались отрывки из показаний сотрудницы облпартаппарата на секретаря обкома ВКП(б). "Тут я увидела настоящее его лицо, которое он скрывал от партии..." Большевик представлен как до крайности разложившийся человек, насквозь прогнивший, дошедший до крайних пределов разврата и пошлости. "Он пытался меня использовать в самой пошлой до крайности извращённой форме, признаваясь в том, что удовлетворяет свои половые прихоти только как педераст... Он занимался педерастикой в служебном кабинете обкома со стенографисткой... и у себя на даче с экономкой... Его жена лесбиянка втянула меня на путь сожительства с ней..."³⁹

По многим соображениям я не могу шире цитировать эти показания. Местных, пока не арестованных, аппаратчиков от прочтения бумаги хватил столбняк. А как донести сие до широких народных масс? В УНКВД, по показаниям (уже в пятидесятых) бывшего сотрудника органов Торопова, все удивлялись - как это Павлу Чистову удалось добыть такие циничные

показания. Тем более от сотрудницы, слывшей интеллигентной и порядочной женщиной.

За свирепое усердие и, может, за несомненную удачу в разоблачении троцкиста-педераста Павла Чистова повысили в звании и назначили начальником УНКВД Челябинской области, где он в полной мере развернул свои сатанинские способности. Сотрудница аппарата, давшая ценные показания, на суде, за четыре часа до расстрела, от таковых отказалась, пояснив, что оговор совершила под пыткой.

Обвинительное заключение по делу Кабакова И.Д. составлено в Москве 2 октября 1937 года оперуполномоченным ГУГБ старшим лейтенантом ГБ Иоселевичем. Подготовительное заседание Военной Коллегии Верхсуда СССР состоялось в тот же день под председательством армвоенюриста Ульриха. Члены Коллегии: диввоенюрист Голяков, бригадвоенюрист Стельмахович, секретарь - военный юрист 2 ранга Кудрявцев. В работе высокого органа принял участие заместитель прокурора СССР Рогинский.

Было определено: "дело принять к производству Военной Коллегии Верховного Суда СССР, предать суду Кабакова И.Д. по статье 58-8 и 58-11 УК РСФСР. Дело заслушать в закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты, без вызова свидетелей, в порядке закона от 1 декабря 1934 года".

На следующий день Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Кабакова И.Д. к высшей мере наказания - расстрелу с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. "Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года приводится в исполнение немедленно".

В деле имеется стандартная справка о приведении приговора в исполнение. Правда, и это совсем не существенно для истории, она датирует смерть 30 октября 1937 года.⁴⁰

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 17 марта 1956 года за № 44-03375 приговор в отношении Кабакова по вновь открывшимся обстоятельствам отменили и дело прекратили за от-

сутствием состава преступления.⁴¹ Перед партией его оправдали. А за преступления перед народом его никто не судил.

Судьбы других уральских вождей и подвождей лежат где-то рядом. Уловимые различия с приведённым выше эталоном расправы состояли в том, что процедурная сторона дел была ещё похабнее, а приговоры выносила уже выездная бригада Военной Коллегии Верхсуда, уставшие от непрерывных командировок члены которой никакого интереса к обвиняемым не проявляли.

Хуже того, некоторые достойные хотя бы выездной военной коллегии были пропущены как обычные смертные через тройку. Прежде чем вернуться в родную стихию и говорить о вредителях сельского хозяйства, приведу короткие сюжеты о судьбе первых лиц большевистского Урала, только тех, что упоминались в данной книге.

Секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Кузьму Рындина арестовали 12 октября 1937 года. Полгода пламя карательной операции в Свердловской области закрывало северный горизонт, обжигая разум и душу. Рикошетом доставалось и челябинцам. Председателя облисполкома Михаила Советникова взяли в начале мая, а в августе уже расстреляли. Тонкой струйкой надежды для Кузьмы Рындина оставался краткий срок пребывания в должности вождя. Челябинская область практически выделилась из Большого Урала к концу тридцати четвёртого. За два года в следственное дело многого не намолотишь.

Не мог Рындин, как казалось, влететь в учредители подпольной организации правых. По делам свердловских врагов народа создание таковой относилось на 1929-1932 годы. Здесь у секретаря было полное алиби, в указанный период он пребывал в Москве и даже состоял членом городского комитета ВКП(б). Логика хороша для самооправдания. С августа месяца в УНКВД пришёл начальником Павел Чистов, чекист очень способный и готовый абсолютно на всё.

Дмитриеву хорошо было работать в Свердловске. Он туда приехал сразу с чрезвычайными полномочия-

ми. Поэтому на одном из первых, после приезда, пленумов обкома заявил о себе значительно. Перед назначением к вам, объяснил он суть большевикам-аборигенам, я прошёл 12-суточный интенсивный и квалифицированный курс учёбы по ленинизму, где 4-5 дней специально обсуждался вопрос о правых. Так что о правых я знаю всё и различаю их с подхода. Знаю и то, что на Урале есть подпольная организация правых.⁴²

Чистов прибыл в Челябинскую область без права сразу обломать рога Рындины. Смешнее того, первый месяц из обкома ВКП(б) директивные материалы в адрес местного УНКВД шли с резолюциями, исключаящими двоевластие. Документально так: "Чистову. Прошу разобраться и доложить. Рындин. 15-7-1937". Какое было читать подобное чекисту, неделю с небольшим назад бившему по сопатке вождем покруче Рындины. Здешнего вождя думалось обложить следственными делами его районных соратников, после чего ставить естественный вопрос о руководителе областной подпольной организации. Как она лепится на допросах, этому начальника УНКВД учить не надо было.

4 августа взяли Петра Ессяка, затем Потатуева, Реутова... Первый был одно время секретарём Уралобкома ВЛКСМ, потом вождём Златоустовского района, со вторым мы встречались осенью тридцать четвёртого в Каргапольском районе, третий был секретарём Курганского райкома ВКП(б). Одновременно начались показательные процессы над врагами народа районного масштаба. Каждое следственное дело упиралось в небосвод областной партийной и советской власти. С конца августа месяца местные газеты подозрительно забыли про вождя, а уже в октябре...

"Область явилась притягательным местом для агентов иностранных разведок, троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов. Это показали в последнее время процессы контрреволюционных, вредительских, право-троцкистских групп..."

Об этом же свидетельствует разоблачение в последнее время нашей славной советской разведкой шайки рыковско-бухаринских бандитов, которые в союзе с троцкистами и германскими шпионами, пользуясь притуплением бдительности со стороны партийных организаций, захватили в свои руки почти все руководящие посты в партийном и советском аппарате Челябинской области и на протяжении ряда лет проводила подрывную вредительскую работу".⁴³

То был реквием вождям челябинским. По приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР Кузьма Рындин как руководитель (вот вам и алиби!) подпольной террористической организации правых в Челябинской области был расстрелян 8 февраля 1938 года.⁴⁴

Жизненный путь вице-вождей Урала завершился несколько скромнее. Второй секретарь Свердловского обкома Пшеницын, вспомните, застрелился через сутки после ареста Кабакова. Ближайший соратник Рындины Хитаров после ареста шефа должности вождя не успел почувствовать, так как сам ушёл под следствие. Его моментально заменил Огурцов, присланный ЦК ВКП(б) "в помощь челябинским коммунистам, чтобы возглавить борьбу с остатками вражеской погони".

Декоративные вожди от Советской власти ушли под вышку раньше старших партийных товарищей. Бывший председатель Уралсовета Ошвинцев был переброшен ещё в 1933 году в Москву, став членом ЦИК. Там его и взяли 21 июня 1937 года. В течение двух лет предварительного заключения его четыре раза вызывали на допрос. На Ошвинцева, как человека уже далёкого, подследственные уральские партсобутельники валили самые пошлые показания. Барин, мол, вельможа, кутила и бабник.

Кто знает - каким он был в личных отношениях? Протоколы допросов, однако, делают ему честь. На допросах бывший голова категорически отрицал своё участие в контрреволюционной организации, а показания других называл клеветническими. На допросах требовал очной ставки с Кабаковым, Зубаревым и другими руководителями Урала. После того, как выслу-

шал приговор, сделал заявление, что следователь Морозов, ведущий его дело, есть уголовный преступник. Такое поведение даже у палачей следствия, привыкших к трусости подследственных, вызывало что-то вроде уважения или азарта погони.⁴⁵

Если арестованного переводили в Москву, расставлял силки следователь, значит, для подпольной работы там и для связи с Центром. Потом выяснилось, что на Урале никак не хотели отпускать Ошвинцева в Москву. Значит, вредитель очень опытный, заключил следователь, нужен был уральской троцкистской банде.

Действующего председателя Свердловского облисполкома Головина арестовали в марте тридцать седьмого и по приговору Военколлегии Верховного Суда расстреляли. Его заместитель Гольдич покончил с собой в апреле месяце, сменивший его Иосиф Хорш поработал совсем немного, был арестован и уже 4 июля был расстрелян.

Председателя Челябинского облисполкома Советникова арестовали 12 мая. Судьба его была решена тем обстоятельством, что дело правых на Урале только-только запускалось, нужен был срочный компромат на первых партийных лиц. Допрашивали Советникова дуэтом Дмитриев и Чистов. Показания были получены и, чтобы подследственный не надумал раскаиваться, его дело круто провернули через Военколлегию со смертным приговором, который приведен в исполнение 3 августа 1937 года.

Из реестра большевистских лидеров Урала, преждевременно и по воле партии ушедших из жизни в те суровые годы, хочу остановиться на судьбе ещё одного персонажа, сколь-нибудь связанного с событиями, изложенными в третьей главе. Заглянем в следственное дело по обвинению Перель Иделя Абрамовича по ст. 58-8 и 58-7-11, работавшего заведующим областным отделом народного образования сначала Уральской, а затем Свердловской области.

Просвещенца арестовали 24 мая 1937 года. Наш теперь подследственный родился в 1891 году в местечке Вилены (Польша), что служило достаточным

основанием для обвинений в шпионаже. Еврей, семья: жена - Дора Мировна и двое сыновей - Марк и Владимир, 17 и 8 лет.

Всякое "дело" должно начинаться с признательного заявления. Если такового нет, значит подследственный ещё упирается. На этот раз заявление написано сразу после ареста и адресовано следователю.

"...О своей контрреволюционной деятельности в органах народного образования я считаю своей обязанностью дать откровенные показания. Прошу поверить мне, так как я буду ещё полезным для дальнейшего строительства социализма".⁴⁶ Не знаю, били ли Иделя Абрамовича, или хватило чекистского нахрапа, но безграмотность исполнения текста свидетельствует о нервном потрясении автора. Чтобы загладить ситуацию, следователь расставил запятые, кое-где лишние.

Биографию уральский просвещенец начал не совсем удачно, с 1905 по 1920 год состоял в Бунде, а в 1921 году избран членом ЦК теперь уже Коммунистического Бунда. Первой статьёй обвинения стоит вредительская засорённость штата образования троцкистскими и иными презренными кадрами. Выяснилось указанное сразу. Как только Идель Абрамович оказался за решёткой, вдогонку ему и в помощь следствию хлынул поток отягчающих вину писем-доносов. Известно давно, по скабрзности личных отношений, лицемерию, искусству взаимоподсигивания педагогические коллективы уступают только партаппаратной стае. Сначала писали добровольно, а потом выпал случай...

На следующий день после ареста заведующего состоялось закрытое партийное собрание облоно, единодушно осудившее троцкистскую гадину, врага народа и народного образования. "Перель, - гневно говорил один из ведущих специалистов по методике, назовём его Николаем Михайловичем, - есть величайший подхалим, все его движения - движения вьюна. Он создал лучшие условия для детдомов, в которых находились дети врагов народа".⁴⁷

В жилу сказал спец по методике, в самую жилу! Следствие без хлопот сбросило на плечи этого умного, судя по протоколам допросов - даже остроумного, еврея весь культ ответственности за трагедию ссыльной и разнообразной советской детдомовщины. По "факту" вредительства в системе детдомов тотчас же развернули карательную кампанию. Про аресты этих дней вспоминает воспитанница № 883 Ирбитского деткомбината Носкова Наталья Кирилловна. Тогда детей вредителей и кулаков вытряхнули из только что выданных одежд.

"Не стучите, да не судимы будете!" - так бы я перевёл на советский библейскую истину. В кампанию разоблачения педагогов-диверсантов взяли многих, в том числе и заведующего Ирбитским райотделом народного образования. Он, под побоями, показал на нашего областного методиста. Николая Михайловича тоже замели, дав ему червонец. В конце пятидесятых, по материалам реабилитации, он успел ещё поработать на ниве образования - в московской опытно-образцовой школе при Академии педагогических наук.

Кому хотелось выжить больше других, стучали. "Орудовавшие в области бандиты Рындин, Советников и другие, - без мыла лезет в душу вновь назначенному секретарю Челябинска ВКП(б) Огурцову начальник облуправления детдомов, - особо большую резвость проявили в деле затруднения создания нормальных условий жизни для беспризорных детей. Жилой фонд большинства детдомов - обыкновенно крестьянские домишки или бараки... (В паузе конспективное изложение сюжетов, знакомых вам по главе "Сирота Страны Советов"). Вредительство налицо..."⁴⁸

Пока бумага добиралась до обкома, автора-куруху арестовали как врага народа и активного пособника таковым.

Трудно сразу и сказать, в чём тут причина, в многолетнем методическом издевательстве, в биологически нелимитируемой озлобленности женской натуры, что не могло не генерироваться в исключительно феминизированных школьных коллективах, или в

повадливости на яркую идеологическую наживку, но из прогрессивной советской интеллигенции педагогический кадр всегда выделялся активным доношением.

Выделялся массовостью подвижничества. Изысканностью подметного компромата козыряли творческие работники, тут объяснений не надо, и вузовские обществоведы, в отношении которых методичное постукивание на ближнего и подошедшего квалифицировалось высшим проявлением профессионализма.

Закрытое партсоборание облоно решило по каждому вскрытому следствием вредительскому направлению устроить сплошную проверку и, во имя ликвидации последствий подрывной деятельности, всколыхнуть учительские массы на выявление троцкистов в каждой школе. Вот тут-то понесло...

"Мне известно о существовании троцкистско-бухаринской организации в системе учреждений облоно, - сообщает доброволец из научного отдела того же облоно, - в лекционном отделе орудовала шайка буржуазных националистов, прикрывающихся партийными билетами.

Сипачёва - взбесившаяся сионистка. Она доказывает, что интеллектуальные и духовные различия между евреями и русскими настолько велики, что брак между ними недопустим и всегда приносит несчастье евреям. Они культурны, чутки, отзывчивы, а русские представляют в этом отношении противоположность, у них нет культурных потребностей. Она указывает, что Троцкий, Зиновьев и Каменев в известной мере жертвы антисемитизма".⁴⁹

Ежу понятно, сионистку на свободе оставлять нельзя. Стукачу бы пожалеть сотрудницу, впавшую в мужененавистничество по причине предательства супруга-славянина, оказать хотя бы дружеское внимание. Нет, опять напоролась на стержец!

Процесс выявления троцкистского охвостья пошёл. Педагог сажил педагога. Историки обвиняли физиков в безыдейности изложения предмета, те огрызались и выдавали органам бытовые пороки общественников. А тут ещё подследственному предья-

вили обвинение в протаскивании буржуазной теории второгодничества. Советский ребёнок не может плохо учиться, утверждала правильная наука, ибо он представляет исторически передовой класс пролетариата и трудового колхозного крестьянства. Второгодник - брак педагогического труда, а может, даже вредительство.

“Меня забрали 24 мая, - зигзагами уходил от следствия Идель Абрамович, - поэтому я не могу документально подтвердить итоги контрреволюционной работы за весь учебный год, но по результатам третьей четверти - где орудовали контрреволюционеры, процент неуспеваемости выше. По Верх-Исовской неполной средней школе, например, - 45%. 25% всех учеников неполной и средней школы по области получили по одной или несколько плохих оценок... В результате этого многим детям грозит второгодничество”⁵⁰

Подследственный говорил правду. “Страшаем детей даже НКВД, - с болью сообщали из Ординской средней школы, - но и из этого ничего не выходит. Школьники занимаются половой жизнью, а из 138 пионеров ни у одного нет пионерского галстука”⁵¹

Там, где есть живые люди, должен быть и троцкист. Заповедь большевистской бдительности в приложении к народному образованию значила то, что в каждой школе есть скрытая контра. Дело Перель рикошетом ударило по системе соцвоса соседней Челябинской области. “Вследствие беспечности облоно и гороно, - материл просвещенцев ещё не разгромленный обком ВКП(б), - враги народа - троцкистско-бухаринские агенты фашизма, пробравшиеся в органы народного образования, пытались распространить своё влияние на подрастающее поколение, разлагать работу школы. Это нашло выражение в растущем второгодничестве... Облоно и гороно не искоренили педагогические извращения из практики работы школ и не вели решительной борьбы с вредительской теорией неизбежности второгодничества”⁵²

В обвинительную гирю по делу Перель была влита подрывная деятельность в библиотечном хозяйстве и

вредительская практика укрупнения детских садов. Постараемся уловить преступный аспект в таких, казалось бы, окольных делах. После каждого показательного процесса следовало немедленно ревизовать весь книжный и журнальный фонд библиотек. Такую же перетряску надлежало сделать в редакциях газет и журналов. Изъять всё, напоминавшее о разоблачённых врагах народа, вырезать их портреты и статьи, замазать их физиономии на групповых снимках, а также фамилии в текстах.

Библиотечный книгооборот не позволяет сделать таковое мгновенно. Да и процессы пошли частой зыбью, не упомнишь, кто сегодня ещё вождь, а кто уже враг народа. Пролетарски бдительному человеку всегда можно найти криминал. Проверка библиотек области обнаружила повсеместную преступную халатность.

С укрупнением детдомов подвели не низы, а верхи. Сначала идея крупных деткомбинатов считалась прогрессивной, в документах деткомиссии ВЦИК и наркомата образования она подавалась как образцовая форма социалистического воспитания. В лучшие деткомбинаты возили иностранных гостей и собственных соцреалистов, последние затем живописали содержательный быт детдомовских республик. На воспитанниках укрупнённых детских домов проводились стратегические педэксперименты.

Всё шло хорошо до тех пор, пока не завелись враги народа в высших эшелонах системы народного образования. Идея деткомбинатов стала вдруг преступной. Естественно, что её региональных исполнителей зачислили в агентов разложенческой буржуазной педагогики.

Обвинительное заключение по делу написал капитан ГБ Ревин. В педагогике он был не силен, но простительный недостаток с лихвой компенсировался основным профессиональным достоинством - большевистской бдительностью. Что и подтвердил приговор выездной бригады Военной Коллегии от 31 июля 1937 года. Расстрел.⁵³

Следственные дела просвещенцев, всех - областных, районных, деревенских - являют собой эталон фальшивопрания. В делах врагов народа из партийных, советских, хозяйственных структур обвинение хотя бы формально подпирается ужасающей социалистической бесхозяйственностью. Здесь нет и этого. Поэтому все бумаги оформлены наспех, дела в пожарном порядке гнали под судилища, чтобы поскорее спрятать концы в воду.

В 1954 году, в пору первой, партийно-блатной реабилитации, жена осуждённого Дора Мировна обращается в МВД СССР, в Президиум Верховного Совета СССР, в ЦК ВКП(б) с просьбой сказать ей правду о судьбе Идея Абрамовича. "После его ареста в 1937 году, - пишет она Н.С. Хрущёву в декабре месяце, - прокурор Ревинин сообщил мне, что мой муж осуждён на 5 лет и будет отправлен на Дальний Восток с правом переписки. Прошло 17 лет, и я не имею никаких сведений о нём... Единственная моя мечта на старости лет - помочь моим детям снять с себя позорное пятно"⁵⁴

Позорное пятно стёрли. 20 января 1955 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР письмом № НР 0014-55 сообщила начальнику Главного Управления милиции МВД СССР, копией - начальнику 1 спецотдела МВД СССР и Главному Военному Прокурору СССР следующее. "Прошу дать указание соответствующему отделу ЗАГС о выдаче гражданке Перель Д.М. свидетельства о смерти её мужа Перель Идея Абрамовича". Письмом за подписью Председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР генерал-лейтенанта Чепцова Доре Мировне сообщалось, что "Перель И.А., 1891 года рождения, 31 июля 1937 года был осуждён ВК ВС СССР и, отбывая наказание, 29 августа 1938 года умер"⁵⁵

Врал в 1937 году капитан ГБ Ревинин, врал в 1955 году генерал-лейтенант ГБ Чепцов. Перель И.А. был расстрелян через несколько часов после вынесения приговора, то есть 31 июля 1937 года.

Но ложь выглядела правдоподобно, потому что жене даже выдали 304 рубля, изъятые у репрессиро-

ванного при аресте. Потребовав возмещение конфискованного имущества, Дора Мировна окольно вышла на истину. Государство выдало ей 127 рублей. Именно на такую сумму было сдано вражеской домашней утвари в комиссионный магазин. Старые шкафы и требующие ремонта стулья. Редкие художественные вещи, издание "Академии", библиотека русской классики (около 7 тысяч книг), ковры, меховые пальто и шубы, посуда - всё исчезло. Кто и кого судить будет? В раскулачку тянули пелёнки, а у врага народа не экспроприировать доху, простите, идеологически преступно.

Советская деревня - живая физиономия отечественного социализма и его посмертная маска. Как мы видели, деревня тридцать седьмого ни визуально, ни статистически не тянула на прописанный ленинским кооперативным планом идеал. Москва себя в том виновной не считала. Борьба с кадровыми уральскими сельхозвредителями пошла по двум направлениям.

Во-первых, в столицах Урала, Свердловске и Челябинске, была арестована оолыпая часть руководящего персонала областных земельных управлений, совхозтрестов, заготовительных организаций и предприятий переработки. Многие из этой категории аппаратных врагов народа удостоены персональным следственным делом.

Второй фронт борьбы с сельскохозяйственным троцкизмом сформировался из опыта Свердловского УНКВД. После того, как за решёткой оказались областные руководители, в практику ввели карательные выезды в районы. Основной задачей внезапных налётов являлось разоблачение районных троцкистских организаций. И вот что удивительно - куда бы ни забросило бригаду УНКВД, шпионы и диверсанты находились! Здесь дело заводилось сразу на весь преступный коллектив, чтобы вынести его на показательный процесс.

Прямо и сразу скажу главное. Дела по обвинению кадровых сельхозврагов украшают кампанию большого террора. Действительно, обвинения большевистских вождей в политическом предательстве сплошь да

рядом пестрят подлогом, прямой ложью, лжесвидетельствами, показания подследственных добыты самой крайней степенью насилия. В делах врагов народа от промышленности очевидной фальсификации меньше. За обвинениями в подрывной и диверсионной деятельности маячат притянутые за уши факты действительных аварий и срывов производства. Очень липово здесь выглядят обвинения в шпионаже, поскольку лепятся на основе случайных и редких знакомств и смелых предположений следствия, наведённых всё той же пролетарской бдительностью.

Иногда дело доходило до казусов. В одном из отделов Свердловского УНКВД долго мучились с группой лиц кавказской национальности. Кто-то из следователей решил выпендриться и вывел их в шпионы английской разведки, когда принято было лепить всем разведку германо-японскую или, на худой конец, польскую. Дело застопорилось ввиду того, что в обвинительное заключение понадобилось записать полное название совратившего джигитов учреждения. Как называется английское НКВД, никто, убей бог, не знал. Один начитанный вспомнил, что вроде как оно находится в Лондоне на улице имени Скотланда. Умногo сотрудника откомандировали найти в журналах имя секретного заведения.⁵⁶

Обвинения сельскохозяйственных вредителей во лжи не нуждались. Здесь следствие упивалось морем мерзостной истины. Наоборот, самые едкие выпады следователя или лжесвидетельства товарищей смотрелись наивными в сравнении с колхозно-советской действительностью. Показаний, подводящих под вышку, не надо было выбивать. Факты повседневной колхозной принудилки, собранные по всей Стране Советов, в случае возникновения потребности в них, звучали бы не менее убедительно, чем доводы обвинения на Нюрнбергском процессе.

“Вредительская деятельность, возглавляемая ставленником врагов народа, сидевших в обкоме и облисполкоме, Самойловым, привела целый ряд обслуживаемых совхозов к развалу... Все ответственные посты в Совхозтресте возглавляются исключительно

ставленниками Самойлова - Полыгалов, Вершинин, Гутман, Окулович, Шурнель...”⁵⁷ Цитировал директиву Свердловского обкома партии, работавшего в новом составе и отчаянно лебезившего перед УНКВД. Работников совхозтреста и многих директоров немедленно замели.

Помимо подбора вражеских кадров совхозтресту ставилось в преступление создание крупных, плохо управляемых хозяйств, будто не Москва утверждала номенклатуру руководящих работников и не нарком совхозов распинался о преимуществах крупного государственного сельскохозяйственного производства.

Хотя директора совхозов заслуживали самостоятельного следственного дела, обвинения до изжоги трафаретны. Вот их арматура: умышленное распространение заболеваний скота (в 42 совхозах поголовье заражено бруцеллёзом), колоссальный падеж скота, преступно плохая организация уборки и хлебосдачи, отсутствие элементарной агротехники, систематический срыв государственных планов заготовки сельхозпродуктов и т.д. “Чего же здесь преступного? - удивлялись подсудимые и пока бесконвойные члены совхозов, - работаем нормально, как все”.

Больше всего досталось областным земуправленцам, ведающим в основном колхозным производством. Наиболее ярких троцкистов оттуда изъять где-то вместе с вождями. Чистовое протравливание всего их штата пришлось на весну тридцать восьмого. “С 25 мая по 2 июня 1938 года бригадой инструкторов обкома в аппарате облземуправления было выявлено 70 лиц с социально-чуждым происхождением”.⁵⁸ До этого из состава земуправленцев в той и другой области сформировали по гвардейской троцкистской банде и вытащили их на показательные процессы.

“Вредительскую работу, - сообщение Челябинского ВКП(б), - вела банда правых, руководимая бывшим заместителем облземуправления Чучиним. В неё входили: Маринин - начальник Консуправления, Роттермель - начальник плано-финансового управления, Корнелюк - начальник кормового отдела и заведующие отделами животноводства во многих рай-

онах... Обвиняемые признались во вредительской деятельности... Вредители только по пяти районам уничтожили около 115 тысяч голов скота”⁵⁹

Со временем придёт развитой социализм, окружающая нас ложь будет казаться естественной и даже необходимой, ею тщательно заштукатурятся пазы истории. Мы выведем уникальные породы скота, круглогодично выдерживающего колхозную жестокость. Тогда, в тридцать седьмом, всё только начиналось, вину за катаклизм между коровьей природой и большевизмом, сопровождающийся скотомором, списали на робких чиновников. Остаётся сходить на показательный процесс, чтобы иметь глубокое представление о сельхозвредителе в футляре. Спасаясь от декабрьской стужи, сунемся в зал заседаний Челябинского облсуда, где как раз идёт показуха.

“В случайную кампанию 1936 года, - признаётся заведующий отделом животноводства Белозерского райзо Рукавишников, - я провёл большую вредительскую работу. Я сделал так, что из имеющихся в районе 1061 конематки было покрыто только 431 конематка, или 41 %”. “Мы применяли свои вредительские действия для уничтожения скота, - фрагмент признаний заведующего Мскроусовским райзо Бенасика, - путём неправильного составления рациона для молодняка. Этим самым добились падежа приплода в Каменском мясосовхозе до 60%”⁶⁰

Хочу уберечь читателя, воспитанного в духе соцреализма, от умозрительных химер. Земотдельские бюрократы не лазили тайно по коровникам и конюшням, не подсыпали отравы в кормухи, не сталкивали вредительски жеребцов с кобыл. “Так в чём конкретно вы признаёте себя виновным?” - спрашивал, зевая или пристально разглядывая ногти, следователь НКВД. Подследственный аграрий в недоумении круглил глаза, боязливо озираясь на кулаки стоявших сбоку чекистов-подсобников.

Из оцепенения выводил сам следователь. “А вы подумайте!” - и передавал арестованному годовой отчёт нужного отдела. Подследственный, оставшись один на один с отчётом, с удовольствием находил

точные, до десятых долей процента, свидетельства своих преступных деяний.

В течение 1937-1938 годов областные и районные земуправленцы не слазили со скамьи подсудимых. Закончится процесс над бандой правых в животноводстве, созреют вредители-семеноводы, за этими приходит пора садить землеустроителей. Последние по квалификации своей отпетые диверсанты. Хорошо, что уральский землемер Лёня Брежнев успел к тому времени перебраться на активную комсомольскую работу, а то бы не видать нам эпохи зрелого социализма.

Судя по отчётам Свердловской и Челябинской прокуратур, землемеров садили с большим удовольствием. “Вредительские замеры, вредительское распределение, вредительское составление государственных актов, вредительское принуждение к принятию актов...” - так характеризовал челябинский облпрокурор исторический акт дарения земли колхозам большевиками в 1935 году.

Выяснились просто ужасные, оскорбляющие советскую демократию факты. В Частоозерском районе, например, просто отпечатали сто экземпляров стандартных актов на передачу земли и подписали их безо всяких собраний. За вредительскую нарезку земли только в Челябинской области пошло под суд более 50 человек. И никто не вспомнил, что кампания нарезки земель проводилась в пожарном порядке и глухой зимой, когда распределение площадей можно сделать только на бумаге. Летом, по выяснении глупостей, все бумаги уже были подписаны и сданы истории на хранение.

Когда колхозный строй есть, но нечего есть, виноваты исключительно враги народа. Таковые могут обнаружиться где угодно. Одновременно с судами над чистым аграрным чиновничеством УНКВД санировали отрасли и конторы, стоящие по обочине столбового пути. Скот, к примеру, интенсивно дох не только в колхозе. Когда обвинили во вредительстве начальника свердловского управления “Заготскот” Лиходедо-

ва, обнаружилась рваная дыра в мясном конвейере Урала.

На коротком пути из вредителей во враги народа тот успел написать секретарю обкома ВКП(б) Столяру покаяние следующего содержания. "В 1936 году вокруг мясокомбинатов стояло по два-полтора месяца около 15 000 голов скота, на базах тоже около этого, переработать не могли. Скот отправляли обратно за сотни километров или распределяли мелкими партиями по ближайшим колхозам".⁶¹ Тут время вспомнить про ужас деревенских мясозаготовок.

Доводы заготовителя не приняли, кто-то должен отвечать за огромный падёж скота и потерю его веса перед забоем. В начале сентября 1937 года НКВД взяло Лиходедова насовсем. Началась кампания разоблачения вредителей, засевших в органах мясозаготовки.

В дефиците масла, теперь легко разобратся, виноваты тоже правые. Для разнообразия обратим заинтересованный взгляд на Южный Урал. "Помимо ареста бывшего директора треста, - речь о маслотресте, - врага народа Фёдорова в аппарате треста арестовали начальника сектора кадров, начсектора сбыта, начсектора заготовок, главбуха, технологов. Не исключена возможность выявления и ареста других работников. Таким образом, весь руководящий состав треста оказался вредительским. На заводах и межрайонных базах руководящий состав не проверен и политически засорён... Основной причиной срыва заготовок и производственной деятельности является вредительская деятельность арестованных органами НКВД Гитера - Фёдорова и их сообщников".⁶²

Любимой подследственной публикой НКВД в тот год были работники системы "Заготзерно". "В результате вредительства в органах комитета заготовок многие элеваторы, склады и мельницы оказались заражены клещом..."⁶³ Это сказал сам Сталин, и ему виднее. На всех пунктах "Заготзерно" мгновенно обнаружались враги народа.

Чем ближе к почве, тем гуще вредитель. Банальная биологическая истина оказалась применимой и в теории большевистской бдительности. Спустимся на

одну ступень эволюционной лестницы, ведущей вверх. Разгром банды областных диверсантов дал многочисленные обвинительные метастазы во все районы Урала. Было бы глупо допускать, что провинциальные чекисты будут лишь обрубить контрреволюционные хвосты и не прилагать усилий к поиску самостоятельных районных и деревенских троцкистско-бухаринских банд. Положительному направлению поисковой работы споспешествовали некоторые инициативы.

Одновременно со следствием над областными вождями сначала Свердловской, а позднее и Челябинской области чекисты стали делать визиты в районы. При Свердловском УНКВД в карательных бригадах участвовали следователи Гайда, Боярский, Ардаев, Хольков и другие. В Челябинской области отрядами большевистского гнева руководили следователи Лапшин, Ворончихин, Луговцев, Мальцев...

В данном случае костяк обвинительного материала высевался из показаний подследственных вождей. Ботва неоспоримых фактов изымалась из хозяйственной документации местных предприятий. Статистика деревенской жизни значительно усугубляла обвинение и тянула подследственных к высшей мере. Исторически сложилось так, что процессы, подготовленные выездными бригадами УНКВД, обычно заканчивались расстрелами. Областные каратели не жалели местных большевиков. В руках следствия были подлинные документы преступной власти и экономики.

Разоблачение собственных вредительских организаций инициировал сам дух большевистской бдительности. В декабре тридцать седьмого "Правда" своей передовицей изрекла, что помощь органам НКВД в разоблачении врагов народа является делом чести каждого советского человека. Честолюбивых оказалось зело много. Впереди у нас обстоятельный разговор о всеобщем маразме доносительства. Сейчас коснёмся лишь той его части, с которой связаны яркие карательные операции. Вот одно из писем, адресованное не кому-нибудь, а генеральному комиссару государственной безопасности Ежову. Написано оно летом

тридцать седьмого сочувствующим ВКП(б) Сергеем Кащеевым из Ирбитского района.

“...Вся эта группа вражеских последышей, засевавшая, но ещё не разоблачённая, но никем не уважаемая, потерявшая в народе всякий авторитет, окружившая себя целой плеядой приспешников и подхалимов всех мастей и рангов, сознательных и бессознательных...” В вину местному руководству ставится “систематическое нарушение и игнорирование даже элементарных правил агротехники - сеяли каждый год пшеницу по пшенице и даже рожь по ржи, засоряли поля вредительским овсягом и другими сорняками, истощали почву, явно снижали урожай, срывали планы сева и хлебоуборки..., ставили посевы под удар засухи, градобития и других вредных сил природы. За такие дела всегда виновников расстреливали, а они вот сидят и ещё продолжают пакостить...”

Путём систематического администрирования колхозами, попрания колхозной демократии и колхозного устава дискредитировали эти принципы, святые для трудящихся нашей страны... Умышленно держат массы в темноте и невежестве. Это уголовное и сугубо партийное преступление, это искусственное задержание человеческой мысли и прогресса - это просто уголовное!”

“Меркушев, - даёт автор характеристики, полезные для будущего следствия, - кум врагам народа Кабакову и Кобелеву. Резнер - вредил сознательно району, выколачивая последний хлеб у колхозника, оставляя скот на бескормицу, а колхозника на голод. Латышев - дошёл до того, что на пьедестал памятника Екатерине Второй поставил фигуру В.И.Ленина!”

“Я нисколько не ошибусь, если выражу мнение трудящихся Ирбитского района, что их надо давно разоблачить, изгнать и судить как самых мерзостных людей... Такой же капитальный ремонт надо сделать и по другим районам области”⁶⁴

У меня нет прямых оснований считать данное письмо поводом для расправы над руководителями района. В октябре тридцать седьмого газета “Уральский рабочий” дала развёрнутый материал о показа-

тельном судебном процессе над бандой врагов народа, окопавшейся в Ироитском районе Свердловской области. Скамью подсудимых украсили: секретарь райкома ВКП(б) Кобелев, председатель райисполкома Ячменев, заведующий райземотделом Падерин, директор Ирбитской МТС Ананичев, уполномоченный Комзага Резнер и другие. Обвинение очень смахивает на письмо сочувствующего. По приговору Военной Коллегии областного суда пять человек получили расстрел, остальные длительные сроки заключения.⁶⁵

С точки зрения стороннего наблюдателя события большого террора кажутся трагически-однообразными. Неверно это. Даже каждый маломальский районный показательный процесс - целая жизнь, пусть краткая, но содержательная. Московские процессы - театр высокой режиссуры, где декорации и текст выверены цензурой. Карательная классика. Деревенский процессуальный экспромт привлекателен то необычными обстоятельствами дела, то непредсказуемым поведением подсудимых, то оригинальностью правовершителей.

Взять хотя бы процесс над контрреволюционной организацией правых в Шадринском районе Челябинской области. “Свиньи чумой болели? - строго спросил государственный обвинитель Еркин директора свиновхоза, а теперь подсудимого Ожигалова. - Болели, - ответил тот. - Оспой и рожей болели? - Болели. - Гнойным воспалением свиньи болели? - Болели. - Коровы бруцеллёзом болели? - Болели. - Огромное количество свиней за полгода пало? - Пало. - Дети рабочих совхоза от кори гибли? - Гибли”.

Выяснилось, что варёным мясом павших животных кормили свиней живых. Ели и рабочие. Поступали так вынужденно, оправдывался директор, потому что работники воровали и съедали весь фураж. Областная газета, освещающая ход процесса, квалифицирует подсудимых “озверелыми контрреволюционными мерзавцами” и констатирует - приговор суда (семь человек к расстрелу, остальным где-то по семь-десять лет) встречен населением района с глубоким удовлетворением.⁶⁶

Пропастину ели везде, естественно, этот факт трафаретно сквозит по всем показухам. "Когда в нашем колхозе свиньи заболели чумой, - показывает председатель колхоза Уланов на показательном суде в Увельском районе, - мы это мясо давали колхозникам в пищу". Враги народа, выяснилось, заставляли боронить и сеять на стельных коровах, что было отнесено к сознательной организации падежа. Тут тоже расстреляли семь человек. Правда, областная газета, чтобы вывести читателей из глубокого удовлетворения, тут же даёт подборку материалов под шапкой "Жутко вспомнить про старое". То бишь про времена дореволюционные.⁶⁷

В состав тяжкого преступления попал и ручной сев, к которому когда-то директивно призывал нарком земледелия Эпштейн. В Шатровском районе, к примеру, враги народа - секретарь райкома партии Уральский, предрик Лаптев, заведующий райзо Тимаков - приказывали колхозам производить ручной сев. Было посеяно около 4 тысяч гектаров. То же самое враги народа проводили в Колхозном районе. "Дают тебе распоряжение - выполняй! Не будешь нас слушаться - морду будем бить! Голову оторвём!" Звонили по районам и спрашивали: "У вас пятирядки по полям ходят?" В Колхозном районе было посеяно руками 5 тысяч гектаров. В совхозах тоже сеяли вручную, но там уже пугали револьвером, совхозное начальство всегда имело оружие.⁶⁸

"В Таборинском районе, - это из Свердловской области, - вскрыта вредительская группа, ставившая своей целью развал колхозов..." В группу правых попали: секретарь райкома Овсянников, предрик Мотырев, заведующий райзо Мешавкин, Сивков из отдела животноводства, председатель колхоза "Путь Ленина" Черенков и другие. Приговором Военной Коллегии облсуда пятерым названным дали по вышке, а другим - срок. Таборинский процесс шёл в области авангардом. Потом пошли процессы над бандами правых в Коми-Пермяцком округе, Пермском и Надеждинском заготзерно, Егоршинском районе...⁶⁹

Каждый процесс, повторю, уникален. В последнем, например, четверых расстреляли, несколько человек посадили, а один пошёл даже недоноском. Попал под статью 58-12, карающую за недоносительство. "Знал ли, - спросил гособвинитель подсудимого Налимова, - что в хозяйствах творятся такие безобразия?" "Знал", - заглотив наживку следствия наивный подсудимый. - "А по-о-чему не донёс!?!"

Показательным процессом районного масштаба карательная операция по выявлению припочвенных троцкистов только начиналась. Точнее сказать - процоцировалась. Действия выездной следственной бригады, за три-четыре дня разоблачающей местное начальство в пух и прах, как и оперативность выездной коллегии облсуда, с лёгкостью выносящей липу обвинительных дел и смертные приговоры, служили наглядным примером действенной пролетарской бдительности.

Местным чекистам вменялось в обязанность разоблачать, используя след личных и служебных отношений осуждённых, а также их показания вниз, диверсантов, окопавшихся в тёмных щелях колхозной деревни. Нередко на показательном процессе государственный обвинитель требовал немедленного ареста того или иного лица, соучастие которого просматривается в показаниях подсудимых. Здесь совсем просто, надо только жевать.

Районный и деревенский управленческий штат нарекали троцкистами и отправляли под сень статьи 58-й. Смурного мужика вводить под государственное преступление как-то смешно. Да и многовато ему будет военной коллегии. Нарсудам такие преступления не по зубам. Простомордых гнали под тройку или в прямую уголовщину.

Знакомство с технологией большого террора на Урале продолжим на следственных делах наиболее ярких персоналий в руководстве уральским агроулагом. 4 августа 1937 года был арестован Ессяк Пётр Филиппович, 1903 года рождения, работавший в момент ареста директором шахты 7-8 Челябинской.

Особое внимание к поименованному вызвано тем, что он был весьма заметной фигурой в большевистской номенклатуре Урала, работал в близком контакте с Кабаковым и Рындиным, одно время возглавлял сельскохозяйственный отдел Челябинского ВКП(б). К тому же арест Ессяка практически открывал кампанию по разоблачению организации правых на Южном Урале. Это было первое крупное дело, которое вёл сам Павел Чистов, только что назначенный начальником УНКВД.

На допросах арестованный не ломал принципиального и лёг сразу. Упрямыться не имело смысла, к тому времени многие его прежние сослуживцы уже сидели в НКВД. И почти каждый дал достаточные для ареста показания. "Признаю, - цитирую его заявление на имя начальника УНКВД Чистова, - что являлся членом контрреволюционной, шпионско-диверсионной террористической организации правых, действующей на Южном Урале. В эту организацию я был вовлечён Зубаревым, Кабаковым, а после разделения области был связан с Советниковым. Прошу вызвать меня на допрос для дачи откровенных показаний. 5-8-1937"⁷⁰

Хорошим же чекистом был этот Чистов! На Лубянке из самого Кабакова выбили какое-то нечленораздельное заявление. А тут не заявление, а огурчик. Диверсант, шпион, троцкист и завербован приличными врагами народа. Дальше не следствие, сказки Шехерезады. Остаётся задать разгоняющий вопрос: "Так в чём конкретно вы признаёте себя виновным?" И слушать, отвалившись на спинку стула и лоя отражение лампочки в хrome начищенных сапог.

На первом допросе 10 августа Чистову ассистировал младший лейтенант ГБ Ворончихин. "В организацию я был вовлечён в 1930 году Зубаревым и Кабаковым, - начал показания подследственный, - в 1929 году был избран секретарём Уралобкома ВЛКСМ". Главный чекист заставил подследственного подписывать каждый лист показаний и многозначительно посмотрел (понятно?) на ассистента. Тот не то заискивающе, не то скептически улыбался.

Зубарев, показал далее Ессяк, при мне контрреволюционно резко критиковал политику партии и Сталина и допустил злобные выпады в адрес вождя. Коллективизацию он называл, якобы, военно-феодалной политикой ограбления крестьянства, а колхозы - аракчеевскими посёлками. Кулак - жулел, придуманный Сталиным, а индустриализация - авантюра, возложенная на плечи рабочих. Бухарин и Рыков правы.

"Я, - признавался арестованный, - был полностью согласен с доводами Зубарева... Мы решили единым фронтом выступить против Сталина и устранить его. Зубарев сказал, что всё это хранится в тайне, и призвал меня в эту организацию. Я дал согласие"⁷¹

В числе знакомых ему членов организации было названо 15 человек. Тут бывший комсомольский лидер слухавил, называя фамилии только уже арестованных. Чуть позднее его заставят назвать имена свежие. Примечательно, что арестованный не упоминает пока секретаря Челябинского ВКП(б) Рындина. Тот ещё ходил на свободе, но с большими видами на арест.

Подследственный вёл себя хорошо и давал показания на пределе возможного. Основной задачей организации, заявил он, было свержение руководства ЦК ВКП(б), Советского правительства и захват власти правыми в блоке с троцкистами. "В 1934 году во время встречи с Кабаковым он назвал мне часть членов организации, которые будут работать в Челябинской области". Арестованный окрыл фамилии 11 областных и районных руководителей, некоторые из них тотчас же были взяты НКВД.

"Я завербовал, - следует дальше из протокола, - несколько человек в Златоусте, а также препятствовал наказанию тех партийных работников, которые были уже в организации. Один из них - Гусев - был связан с представителем английской фирмы "Метро-Виккерс" Макдональдом. Следовательно, Гусев был английским шпионом... Я через Гусева дал английской разведке сведения о работе промышленности и златоустовских заводов"⁷²

Назвался диверсантом - подавай свидетельства подрывной деятельности. "Результатом вредительства, - пошли в протоколе допроса таковые, - объясняется тот факт, что бассейн из года в год не выполнял программы добычи угля. Для чего мы... противодействовали стахановскому движению, создавали невыносимые условия работы..."

Мы организовывали аварии с человеческими жертвами, массовое угорание рабочих и смертельные случаи. Число случаев травматизма за год достигло 7 000, было убито 18 человек, получили тяжёлые увечья 84 человека. Террористический акт на шахте № 204, где убито 9 человек во главе со стахановцем Галеевым, эта акция была подготовлена нами. Мы все считали стахановское движение средством усиления эксплуатации рабочих".⁷³

Я не хочу пересказывать сюжеты вредительства в сельском хозяйстве, запротокколированные как показания бывшего заведующего сельхозотделом обкома партии. Пришлось бы просто повторять изложенное в первых главах этой книги. В состав преступления попала правда деревенской жизни.

Арестованный был морально сломлен и покорно брал на себя любой подставленный следствием негативный факт. Бывшие соратники не оставались в долгу, удивляя совершенно неожиданными показаниями вдгонку. Его близкий, как казалось, друг признался, что Ессяк был завербован Кабаковым в 1931 году и перед арестом создал в Копейске мобильную террористическую группу. С тем друг и ушёл под вышку. В терроризме пришлось признаваться, а материал про вербовку Кабаковым следствие выбросило. Не клеился он с показаниями обвиняемого, тот в заявлении указал, что завербован Зубаревым на год раньше.

Обвинительное заключение по делу написали два младших лейтенанта госбезопасности из 4 отдела челябинского УНКВД - Максимов и Ворончихин. За краткое большевистское молодечество и малодушие на следствии 33-летнему подсудимому всучили махровый букет из почти всего колера статьи пятьдесят восьмой. "Предать суду Ессяк П.Ф. по ст. 58 - 6,2,1;

58 - 8,9,10 ч.1 и 11 УК РСФСР. Дело заслушать в закрытом судебном заседании без участия обвинения, защиты, без вызова свидетелей, в порядке, установленном постановлением ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года".

Цитировал протокол подготовительного заседания выездной бригады Военной Коллегии Верховного Суда СССР, которое состоялось 4 ноября 1937 года. На следующий день вынесли приговор. Справка, подписанная начальником 12 отделения 1 спецотдела НКВД СССР лейтенантом Кривицким, удостоверяет, что "приговор о расстреле Ессяк Петра Филипповича приведён в исполнение в городе Москве 5 ноября 1937 года. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом архиве 1 спецотделения НКВД СССР, том № 11, лист 438". Реабилитирован 26 сентября 1956 года.⁷⁴

Погиб нормальный славянский мужик. В тридцать с небольшим лет. Мог бы натворить кучу добрых дел, жить в радость себе и людям, тем более, что в работе был zelo нахрапистым. В одном только вроде и ошибся - перепутал Родину с партией.

Родственникам дали ложную информацию, будто Ессяк был приговорён к десяти годам без права переписки и умер, отбывая наказание, 22 июля 1938 года. Под ложью подписался зам. председателя ВК Верхсуда полковник юстиции Борисоглебский. "При установлении ближайших родственников Ессяк П.Ф., - предписывает полковник лгать челябинским чекистам, - прошу не объявлять полностью содержания определения, сообщить лишь результат рассмотрения дела и вручить прилагаемую справку". Правда по-советски выглядела так. Ессяка осудили и дали десять лет зря, но умер он по собственной инициативе. Не уберёт себя, все под богом ходим...⁷⁵

"Челябинск. Начальнику управления НКВД по Челябинской области майору государственной безопасности Чистову от подследственного заключённого Павла Петровича Потатуева. Заявление.

Являясь участником контрреволюционной шпионско-диверсионной организации правых, я клянусь

встать на искренний путь признания во всех... моих преступлениях против нашей Родины, государства и партии. Прошу дать мне возможность изложить мои показания собственноручно в совершённых мною преступлениях. 16-8-37"⁷⁶

Перед нами вступительное под допросы заявление секретаря Каргапольского райкома партии, а позднее руководителя облземуправления Челябинской области. Потатуев, с которым мы встречались на хлебозаготовках тридцать четвёртого, был арестован 15 августа. Когда-то, если вспомните, он был zelo бдительным. Теперь же сам попал в "ежовы рукавицы"; зоркоглазые, видимо, очень спешили и за одну ночь отделали подследственного до неузнаваемости ни внешне, ни по почерку. Последний ужасен и отличается от обычного ещё больше, чем в заявлении Кабакова. Умели, стало быть, и у нас квалифицированно побить.

В пользу упрямства подследственного говорит и большая просвет между арестом и первым допросом - с 15 августа по 20 октября 1937 года. Уже указывалось, что первый протоколируемый допрос был спектаклем, когда арестованный полностью ложился в версию следствия. Тому предшествовали пытки. "В 1934 году, - показал Потатуев, - был послан уполномоченным в Белозерский и Кочкарский район по севу, где показал себя хорошо. Был вызван к Кабакову и приглашён отдохнуть на даче актива... Жизнь этого актива протекала в пьянстве и половой распущенности... В том же году направили в Каргапольский район вместо Вяткина, которого забрали в обком... При встрече Рындин сказал о существовании организации и предложил в неё вступить"⁷⁷

Значительная часть протокола отводится обстоятельствам, сопутствующим аресту секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Кузьмы Рындина. Партийный вождь Южного Урала был, скорее всего, не очень доволен, читая показания своих бывших подчинённых. Практически каждый из аппаратных работников давал показания на 20-30 человек, из которых кто-то ещё бегал на воле. Сидящие путались мухами в паутине

взаимных лжесвидетельств. Участие в троцкистской банде каждого расколовшегося подтверждали четверо-пятеро его бывших сопартийцев и собутыльников. Очные ставки, которых следствие побаивалось, в данном случае становились излишними.

В Каргапольском районе, по словам арестованного, до его приезда уже существовала контрреволюционная банда. "Проводили антисоветский лозунг - прежде убери, а потом сдавай!" Саботаж был таким, что потребовался выезд Кагановича. Под этот шум Рындин дал указание о массовых арестах колхозников, председателей колхозов и другого актива. Только по Каргапольскому району было арестовано более 200 колхозников, председателей колхозов и сельсоветов". Надо перебросить вину, говорил, якобы, Рындин, на ЦК, разьясняйте, что хлеб забрали по указанию вождя народов. Весной тридцать пятого провокационно проводили сверххранний сев.

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 26 октября 1957 года № ЧН 08100-57 под председательством полковника юстиции Костромина приговор в отношении Потатуева Павла отменили и дело прекратили за отсутствием состава преступления. Действительно, перед ЦК и партией он был невиновен, а за вину перед народом его тоже никто не судил. Хотя было уже всё равно. По приговору той же Военной Коллегии Верхсуда, правда под председательством диввоенюриста Горячева, 28 декабря 1937 года он был расстрелян и ушёл на тот свет с полной конфискацией имущества.⁷⁸

Вдова репрессированного, выйдя из лагеря для ЖВН, пыталась под реабилитационный шум вернуть хотя бы денежный эквивалент конфискованного. Она вернулась больной и работать уже не могла. Социализм щедр на яркие словесные одежды. С расстрелянных можно написать иконы, но если каждому наследнику репрессированного что-то возвращать... Где тогда тут революционная святость? Выбирайте, дорогие товарищи, - либо ваши шлёпнутые предки герои-великомученики, либо ничего.

“Социализм, - пишет мне один остроумный ленинец, - самое справедливое общество на земле. Если из всех репрессированных вычтеть всех позднее реабилитированных, то останутся только осуждённые правильно”.

В деле Вяткина Александра, уроженца Перми, 1895 года, бывшего руководителя оолземуправления, вступительного заявления на имя следователя УНКВД вообще нет. Арестован 19 октября 1937 года. Почти восемь месяцев просвета между арестом и первым официальным допросом говорят о многом. К чести Вяткина (в большевистском варварстве с колхозниками он ничуть не лучше других), на следствии он оказался каменным. “Никакой контрреволюционной деятельности против партии и Советской власти я не вёл и виновным себя в этом не признаю!”

Так он отвечал до лета тридцать восьмого. Предъявленные ему показания товарищей по партии, в том числе и известных нам, он отвергал как клеветнические. Против него работали лжесвидетельства уже расстрелянных партайгеноссе и очные ставки, на которых соратники живые, выгребая из-под вышки, вращали глаза в глаза. В конце концов большевика, я бы сказал по-доброму - мужика, добились. Он начал подписывать себе приговор. И в этом двухтомном следственном деле многие преступные деяния списаны с обыденщины уральской деревни - голод, падёж да невыполненные планы хлебозаготовок.

Вяткин немного не дотянул до ноября-декабря тридцать восьмого, когда в связи со сменой руководства НКВД колесо террора закрипело. Наиболее упрямые и долгоиграющие заключённые получили возможность вывернуться из-под высшей меры. Пусть червонец, но не вышка. Приговором Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 июля Вяткин Александр был осуждён к расстрелу с немедленным исполнением.

В 1941 году, когда под суд ушли палачи команды Ежова, жена Вяткина подала прошение о пересмотре дела. Надеялась вытащить мужа из лагеря живым, так как после суда получила справку о том, что он осуждён на 10 лет без права переписки. Прошение откло-

нили. Через пятнадцать лет его реабилитировали с обычной формулировкой - приговор отменить, дело прекратить в связи с отсутствием состава преступления.

После изучения трёх-четырёх следственных дел по каждой группе осуждённых закрытым заседанием Военной Коллегии приходит усталость. Редкий большевик, даже из прославившихся особым хамством по отношению к деревенщине, сорвётся раненой птицей с мясного конвейера репрессий. Большинство ломалось сразу и успевало пожить между лжесвидетельствами и надеждой, что вчерашний допрос не будет последним. Не приведи, господи, никому из крещёных испытать сие. Ужас физической боли от пыток, боли душевной от подлого предательства, последний вздох рассудка, осознавшего подлость сотворённого, - с этим, а не верой в большевистские идеалы уходили в последнюю ночь репрессированные соотечественники.

Обвинение против простой деревенской нечисти тонкостями не обрастало. Его стержнем, как правило, служил какой-нибудь факт колхозной жизни, которому уполномоченный НКВД или бдительный руководитель придавали вредительский смысл. Обычным поводом криминализации серого бытия становился арест ближнего руководителя. За взятием, к примеру, директора совхоза улетал на ныры внутренний управленческий штат и специалисты. Арест районного руководства, много хуже, если паровозом троцкистской банды, сопровождался активным подбором компромата в тему дня. За каждым облюбованным преступным фактом стоял рядовой вражина.

Всякое следственное начинание, таким образом, ложилось на живой фундамент из тысяч крестьянских спин. Водопад обвинений начальства, мощный и многоцветный в радуге, внизу источался до простой констатации преступных телодвижений колхозника, которого, разумеется, не поволокёшь на заседание военной коллегии даже областного суда.

Жизнь умнее нас, она дала нам тройку. Каждый бывший советским человек про тройку знает много.

Как же, высшая, рафинированная форма советского правосудия. Три ответственных мужика, вместо навильника следственных бумаг один донос, две минуты серьёзного разговора и готово. Червонец или вышак. В порядке административного взыскания. Без вызова свидетелей, естественно, без представителей обвинения, защиты. Тут даже самого обвиняемого не надо. Раньше в тройку входили секретарь райкома, предрик и начальник ОГПУ. Иногда для антуража приглашался прокурор. Во времена большого террора работали тройки НКВД, в которых заседали только чекисты. Потом пошли двойки...

Пролетарски простая формула тройки покоится на элементарности обстоятельств, лежащих в колхозной действительности и советском праве. Ну сдохли с голodu артельные свиньи. Факт биологически элементарный. Ему соответствует простая юридическая норма. Если тем же уполномоченным НКВД будет установлено, что "действия этих лиц (колхозников - А.Б.) преследовали цель ослабление экономической мощи колхоза с целью подрыва колхозного строительства, действия эти должны рассматриваться как экономическая контрреволюция и квалифицироваться по статье 58-7 УК".

Если бдительный чекист ослабление мощи улавливал, следовала ещё более простая процессуальная вещь. "Выписка из протокола заседания Тройки при УНКВД по Свердловской области от... Слушали:.... Постановили: расстрелять... Срок расстрела..." Далее подпись Дмитриева, Бермана и Грачёва. В некоторых делах прилагаются справки времён реабилитации с фальшивыми сроками смерти, постигшей, якобы, заключённого при отбытии наказания.

А теперь сунемся прямо в камеры НКВД, чтобы иметь хотя бы смутные представления об интимной стороне репрессий. Масштабы большого террора не определить в границах одной области, не говоря о целом регионе. К оценочным суждениям прибегать не хочется. Через крупной ячеи решёта всевозможных верховных, республиканских, областных судов, трибуналов, троек, отраслевых и лагерных судов прошли

сотни тысяч человек. Манера предыдущего изложения требует если не точного макрополитического итога, то хотя бы документального подтверждения фактуры событий.

Несколько слов о бытовом антураже. Согласно актов проверки уральских КПЗ и местных домзаков за 1937-1938 год, быт заключённых можно без околичностей назвать скотским. Даже при том условии, что большая часть врагов народа шла в могильный отвал, лимиты по временно заключённым нарушались многократно. Точнее, о них просто не вспоминали. О каких ограничениях может быть речь, если идёт отстрел врагов народа?

Арестные помещения всего Урала утрамбовали до стона. Я не буду жонглировать округлыми формулировками лиц, проверяющих НКВД. Последних понять можно. Возьмём лучше жалобу 46 клиентов Сухоложского арестного помещения.

В камерах лечь и сесть негде, потому круглые суетки работает живой конвейер. Задышающиеся в углах постепенно пробираются к окнам, чтобы глотнуть свежего холодного воздуха. С этой целью выдавлены все стёкла. Вонь и влажность критическая. Парашу не выносятся сутками, поэтому оправляются по-лёгкому в окно, по-тяжёлому - в бумагу или тряпки, а потом выкидывают туда же. Острозаразные боляные не изолируются, эпидемический разврат завершает масса клопов, блох и вшей. В камерах сидят до трёх месяцев, но ни разу не были в бане. На допросах грубое обращение со стороны сотрудников "с обнажением оружия". И многое, многое прочее...

Жалобу направили в адрес областного прокурора. УНКВД перехватило её и утопило в истории, сдав в архив. Прокурор уже сам сидел врагом народа, сидел, правда, в Свердловске и в камере-люкс, потому как ходил в "каменных колунах". Да и то надо учесть, ксиву накатал обычный уголовный элемент, до которого просто не доходили руки.

"Прочитав Ваши статьи и постановление ЦК ВКП(б) о перегибах в органах НКВД, пришёл к твёрдому убеждению, что Вы не в курсе всех тех кошмар-

ных ужасов, которые были допущены УНКВД по Свердловской области за последние два года. Десятки тысяч арестованных в большинстве без всяких на то оснований. Провокация вследствие вымогательства от арестованных ложных показаний, избивание арестованных, подлоги в протоколах допросов - это система работы Свердловского УНКВД и его периферийных органов. Протоколы допросов в 3-ем отделе составлял один человек, не видевший арестованных. Составлялись исключительно фантастические протоколы допросов и эти липовые протоколы заканчивались расстрелом".⁸⁰

Так писал новому шефу НКВД Лаврентию Берия уполномоченный 3 отдела Свердловского УНКВД Гайда. Письмо датировано ноябрём тридцать восьмого. Автор ссылался на постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 февраля 1938 года, отмечавшее извращения в следственном деле, и приказ НКВД СССР № 00762 о приостановлении решений троек. Вал дешёвых расстрелов захлестнул страну. Обычными лицемерными документами партии и карательных органов массовые репрессии, вернее сказать, преступления, квалифицировались перегибами в следственной и партийной работе.

По существу изложенного уполномоченный совершенно прав. Он хорошо знал то, о чём говорил. Трудно сейчас сказать, был ли он движим воскресшей совестью или, скорее всего, животным инстинктом самосохранения, но признания его неожиданны. Палач, выполнявший приказы сброшенного тирана, тоже, оказалось, греет себя надеждой. По свидетельствам подопытных заключённых, в частности Файнберга, сотрудников УНКВД, переживших кампанию ликвидации ликвидаторов и давших показания в годы пятидесятые, Гайда обращался к богу слишком поздно.

Он был активным сторонником физических пыток арестованных. Если подследственные упирались, Гайда по ночам водил их в "мясную лавку" - помещение, где приводились в исполнение все смертные приговоры. Выщербленные пулями и забрызганные человече-

ской кровью стены производили на допрашиваемых хорошее впечатление.⁸¹ Не хватало этого, упрямому давалось обещание следующей ночью расстрелять его тут же.

Те, что чином были повыше и кого готовили к показательному процессу, могли ещё на что-то надеяться. Рядовой заключённый, отнесённый к какой-нибудь трудно произносимой террористической организации, находился в полной власти самого последнего чекистишки. Сегодня бумагу могут отправить на заседание тройки, а к ночи зачитают короткую постановляющую часть.

Кое-какие представления о масштабах репрессий и технологии выявления контры дают материалы обвинения самих карателей. В частности, материалы Военного Трибунала войск НКВД Уральского округа от 20-26 июня 1940 года. По приговору этого отраслевого трибунала Лапшин, Ворончихин и другие каратели Челябинского УНКВД были расстреляны. "Являясь руководителями УНКВД Челябинской области, - читаем обвинительное заключение, - в конце 1937 года и главным образом в 1938 году наряду с разоблачением и арестом действительных врагов народа практиковали также массовые, явно необоснованные и незаконные аресты граждан, в том числе из социально близких Советской власти..."⁸²

Полного реестра сдуру загубленных душ Военный Трибунал не мог установить ни в данном случае, ни в процессах других и менее впечатляющих по подбору преступников. "Много, преступно много", - констатировалось в обвинении, и вышкой карателям спешно заравнивали могильные курганы. Затруднительным оставался даже учёт вскрытых контрреволюционных групп. Материалы обвинения обрывочны как описание времён первых Рюриков. Да никто к логике и подробностям не стремился, для вышки прежним сатрапам вполне доставало разового преступного факта.

"В конце 1937 и начале 1938 года была искусственно создана эсеровская шпионско-диверсионная организация в количестве 531 человека. По этому делу решением Тройки с участием Чистова и Лапшина

осуждено к высшей мере наказания 494 человека, из них 293 человека по явно необоснованным материалам..." В обвинении далее указывается, что эсеров расстреливали целыми семьями.

"В начале 1938 года 4 отделом УНКВД была проведена повторная операция по эсерам. Следствие по арестованным по этому делу велось в специально отведённом бараке исправительно-трудовой колонии под руководством работников 4 отдела УНКВД Мальцева и Меньщикова и было проведено возмутительно преступными методами. В результате сплошной фальсификации следственных материалов, а также вынужденных признаний обвиняемых под влиянием камерной обработки и применения физических мер воздействия... многие были осуждены к высшей мере наказания.

В декабре 1937 года бывшим 3 отделом УНКВД с санкции Чистова и Лапшина была искусственно создана белогвардейско-казачья офицерская контрреволюционная организация в количестве 321 человека. Все осуждены к высшей мере. В это же время была создана искусственно повстанческо-террористическая организация. По ней осуждено к расстрелу Луговцевым, Ворончихиным и Лапшиным 236 человек...

В 1938 году бывшим 3 отделом УНКВД под руководством Луговцева была проведена операция по иноконтингенту... Изучением выборочных материалов на 90 человек установлено, что 76 человек осуждены к высшей мере наказания, 10 - к исправительно-трудовым лагерям... В 1938 году работником УНКВД Кадкиным создана искусственно организация "ОЖРСБ"... 98 человек осуждены к расстрелу..."⁸³

На след "ОЖРСБ" ("Организация жестокой расправы с большевиками", простите за скудость следственной фантазии) вышли через крайне возмутительный факт. На собрании автопарка облпотребсоюза, посвящённом выдвижению кандидатов в Верховный Совет, вместо занаряженных вождей была предложена кандидатура местного шофёра Паклина. Кухарка может руководить державой, рассуждали идеологически верно, шофёр - тем более! У Каганови-

ча, к примеру, три класса образования, а у нашего кандидата пять. Паклин от лесты поплыл и сдуру дал согласие. "Все арестованы", - закрывает исторический казус отчёт Челябинского ВКП(б).⁸⁴

Если в областном центре подпольные организации обнаружены по две штуки в квартале, почему им не быть в районах и посёлках городского типа? Видно же, что Советскую власть ненавидят кругом и всегда, пока в глазах земляков испуг не затмит разума. Изготовлением террористических организаций срочно занялись все районные и отраслевые подразделения НКВД.

Начальник дорожно-транспортного отдела НКВД (железная дорога имени Кагановича, Свердловск) капитан госбезопасности Николай Ревин, например, прямо-таки саданул инициативу под дых. В газетах он подчёркивал фамилии критикуемых и выписывал ордера на их немедленный арест. Когда опыт перехватили чекисты других подразделений, капитан нашёл ещё более надёжный источник криминала. В братских органах ВКП(б) он затребовал списки всех исключённых из партии и стал их садить равномерно по каждой букве алфавита. При экономном выводе в расход потенциальных врагов народа хватило до приговора Военного Трибунала, которым к вышке списали самогосмышлёного чекиста.⁸⁵

Букет документальных частных украшу фрагментом из следственного дела № 492 по обвинению Чистова Павла Васильевича по статье 58-16, 58-11 УК РСФСР. За шесть месяцев своей деятельности в должности начальника Челябинского УНКВД (с июля 1937 по февраль 1938 года) Чистов приговорил на тройке 12 480 человек, из них 5 980 - к расстрелу.⁸⁶

Нормальный человек подписывать себе смертный приговор не станет. Однако подавляющее число арестованных это делали. Показаниями попавших позднее под трибунал уральских карателей - Дмитриева-Плоткина, Лапшина, Ревина, Гайды, Ворончихина и других - установлено, что повсеместно имел место подлог. Протоколы допросов корректировались под версию следствия, а то и просто фабриковались и

подписывались сотрудниками УНКВД. Особенно часто фальшивые детективные сюжеты использовались в качестве показаний снизу.

Техника тут такая. По делу относительно крупного бухаринского диверсанта сразу садили вражескую исполнительную мелочь из его окружения. На таких и лепили фальшь. Начальник ещё сидит под следствием и про себя повторяет оправдательную речь на показухе, а шестёрочная публика уже пропущена через тройку к ВМН. Поди теперь разберись - сам ли покойный подписал приговор себе и шефу или следователи ухватистыми оказались.

“Какие там очные ставки?” - искренне удивлялся вопросу следователя подполковник-пенсионер Иван Торопов на беседе в 1956 году. Он в 1937-м работал в Свердловском УНКВД и сочинил обвинительное заключение на жену Кабакова Виноградову. Сочинил хорошо, ту, так и ни в чём не признавшуюся, без сомнений расстреляли. У комиссии по реабилитации возникло некоторое недоумение, к делу Виноградовой следователь Торопов приобщил показания лиц, которые полностью отказались от своих лжесвидетельств против неё. Чекист-пенсионер объяснил, что не знал, живы ли эти подследственные, чтобы вызвать их на очную ставку.⁸⁷

Он откровенно врал, как врали чекисты младше его и генералы, все знали - отказавшиеся от показаний должны быть расстреляны. Арестованных, обманувших следствие, отправляли на тот свет в первую очередь и тайны из этого не делали. Наоборот, факт расстрела изменивших показания был козырем следствия. “Вот, твой сосед отказался на коллегии от показаний, - сообщал следователь очередной жертве, - шлёпнули вчера”.

В документах трибуналов расправы мясников над мясниками, так это было в 1939-1941 годах, искренних признаний искать не хочется. Хотя каждый из обвиняемых признавался в фабрикации фальшивых дел и подлоге, меня больше устраивают показания не стоящих на краю могилы. О фактах подделки показаний и поточного производства фальшивок, выводя-

щих на расстрел, свидетельствуют бывшие работники УНКВД. Машинистка Свердловского УНКВД Овчинникова заявила комиссии по реабилитации, что буквально все протоколы допросов корректировались и заново перепечатывались.

Между тем сравнительный анализ почерков сколь-нибудь видных подследственных даёт основания полагать, что протоколы допросов подписаны ими собственноручно. Остановимся теперь на методике дознания, способствующей такому самоубийственному движению души.

“Я себя виновным в применении конвейерной системы допроса к подследственным, в применении стоек к ним по несколько часов признаю...” Так открываются показания бывшего сотрудника ДТО НКВД Рязано-Уральской железной дороги сержанта госбезопасности Сергея Шишова. “Насильственные действия при допросах начались примерно с февраля 1937 года, то есть до приезда Ревина Николая Харитоновича, но с прибытием его некоторые действия - непрерывный допрос, стоянки по несколько часов и избивания арестованных - стали иметь особенно большое распространение...”

Арестованный Атемасов простоял на ногах, - вспоминает милые детали сержант, - более трёх суток, временами терял над собой контроль... В конце концов подписал заявление о своей контрреволюционной работе...”⁸⁸

Большевистская инквизиция обогатила мировой опыт пыток совершенно революционными подходами. Обычная боль, инициируемая классическими инструментами и методами пыток - калёным железом, испанским сапогом, иглами под ногти и так далее - эффективна для вытягивания сокрытой крамольной истины. В инквизиции советской применение классики - лишь хороший тон, но не более.

Обычно в камерах НКВД классически обрабатывался только подследственный материал мелкой фракции. Многочисленных, безымянно осевших на дно уклонистов допрашивать было недосуг, следовало заставить таковых сломаться единожды и подписать

сработанную следствием обвинительную рыбу. Физическая терпимость пытаемого полностью определяла продолжительность следствия и жизни. Не выдержал, подписал, - и к богу.

Варварство следователей шло не от злой души. "Применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод".⁸⁹ Всякий комментарий здесь вульгарен.

Для выработки лжесвидетельств требуется другой подход. В самом деле. Ну избил ты троцкиста в котлету наемни, вчера, сегодня, а дело-то стоит. Он же не знает вашей версии преступления. Тут надо дубить и шкуру, и рассудок. Ничего лучше, чем конвейерная система допросов и камерная обработка, человечество после нас не придумало.

Конвейерная система допросов пришла на Урал вместе с московскими кадрами НКВД. Смысл её состоит в том, что допрос ведётся непрерывно сменяющимися друг друга следователями. Один отработал смену и пошёл спать, заступает другой. Объект допроса при этом находится под постоянным физическим и психическим давлением. Можно бить, можно измываться всесторонне, то бишь держать подопытного сутками в стойке, грозить арестом и тюрьмой семье, не давать засыпать и сходить по нужде...

Метод вялотекущих психофизических пыток был продиктован, уже указывалось, задачами следствия. "Работу" следователя с арестованным допросом в высоком смысле не назовёшь. Из арестованного не выжималась потаённая истина, в него вгонялась ложь, которую он мог бы изложить как собственные показания. Поскольку ложь следствия представляла угрозу собственной жизни и здраво расценивался как моральное преступление перед теми, против кого она направлялась, принять её мог только глубоко деградировавший человек. Вот и надо было стереть с него

всё социальное, загнать в крайнюю степень физического и психического истощения, когда структура личности осыпается прахом ближайших животных потребностей. Выжить, лечь, поспать, забыться...

Можно не шелестеть жёлтой листвой дела, не глядя в обвинительное заключение, достаточно посмотреть на структуру предварительной отсидки заключённого. Конечно, если это стоящий троцкист. Мурыжили долго, значит, упрямылся, корчил принципиального. То же, если на допросы вызывали редко. Другого на неделе протоколируют два раза, а этому в полгода одной беседы не приходится. Чаше допросы - ближе расстрел. К такому заключению приводит анализ следственных дел. Улавливали ли это репресслируемые?

Когда арестованного трудно взять на "понял?", его сажают на круглосуточное попечение, в котором продолжительные пытки чередуются с камерной обработкой. Большая часть самооговоров и диких показаний на других подписана подследственными под влиянием психической агрессии следствия.

Психология - вещь тонкая, и многие методы камерной работы привязаны к объекту воспитания и способностям энкаведешника. Остановимся на самых общих моментах камерной психотерапии. Уровень психической ковкости арестованного определяется, как правило, с первого знакомства. С выяснения обстоятельств, признаёт ли тот себя сразу полным ничтожеством или намерен цепляться за человеческие достоинства.

В первом случае, играя во взаимное лицемерие, он подаёт заявление с признанием абстрактной вины и просьбой (!) вызвать на допрос, где обязуется искренне рассказать о своей контрреволюционной деятельности. Часто просьба сопровождается "желанием" собственноручно изложить криминал. На самом деле он отдаёт себя в руки следствия и будет собственной рукой писать с чужих слов.

Массовая мода на заявления арестованных пришла с московских процессов. И вот почему. В качестве подсудимых там попадались лица, ранее

действительно замеченные во фракционной деятельности. Когда злой закон начинает проседать в историю, обвинение в уклоне от генеральной линии партии, да ещё с видом на вышку, заставляет буйно соображать. Лучше быть живым разоружившимся троцкистом, чем просто мёртвым.

Правильное движение рассудка выливалось в желание рассказать всё о прошлом, чем и выкупить будущее. Провинциальные энкаведешники работали с элементом, не имеющим в прошлом ничего идейно различимого, поэтому ко взысканию заявлений с просьбой о допросе относились служебно строго и сугубо практически. Как к первой попытке пощупать арестованного за вымя.

Подавший заявление, под пыткой или обходя её, признавал себя абстрактной стервой. По-нашему - врагом народа. Если на последующих допросах он хорошо ходил в узде, на него проливались некоторые льготы. По показаниям сотрудника Свердловского УНКВД Парышкина,⁹⁰ согласившимся на сотрудничество со следствием выделяли отдельные и тёплые камеры. Фамилии кратковременных жильцов камерлюксов, с видом на проспект Ленина, я назвать не могу. По следственным делам их хорошо видно. Но лучше подождите до двадцать первого века, когда открывают архивы советского гестапо. Если, разумеется, таковые снова не станут святыней. Сейчас могут констатировать одно - среди следствием обласканных преобладали большевики-ленинцы, коих оплакивали в годы перестроечные.

Лицам, активно сотрудничавшим с карателями, предоставлялись и продовольственные льготы. На официально установленный следственный паёк - 400 граммов хлеба в сутки - много не наусердствуешь. Льгота состояла в усилении пайка и предоставлении права получать передачи. Тысячи человек ежедневно толпились у ворот уральских тюрем и учреждений НКВД в надежде узнать что-нибудь о судьбе арестованных родственников. Абсолютное большинство из них ушло из жизни в полном неведении или получило фальшивые справки во времена партийно-блатной

реабилитации. Податливым подследственным разрешалось есть семейные блюда.

Время лечит забвением. Обычными соседями по моей архивной работе стали пожилые дети репрессированных, скорбно изучающие следственные дела родителей. Может, скажу неудачно, но скорбь больше идёт седой безотцовщине, чем ненависть. Животная злость в глазах её сверстников, что трясут портретами лысых и усатых вождей на красных митингах, постоянно возвращает память к излагаемому моменту репрессий. Пособничеством следствию, предательством идейно близких за усиленный паёк или сидор передачи прежде всего занимались партийные руководители и демагоги.

“Человеческая природа такова, - сказал один очень умный англичанин, ровесник, кстати, репрессированных уральских вождей, - что люди гораздо легче приходят к согласию на основе негативной программы - будь то ненависть к врагу или зависть к преуспевающим соседям, чем на основе позитивной программы. Образ врага - внутреннего или внешнего - является непременным средством в арсенале всякого диктатора”.⁹¹ Опыт отечественной мясорубки тридцатых показал, что в критической ситуации объединяющая в класс ненависть скорее всего атрофируется в индивидуальную трусость и взаимопредательство. Разум грешен сомнением к творцу, слеп в любви и злобе, но иной раз сам спасает от греха.

Цель оправдывает средства. В структуре большевистской власти карательные органы, по-моему, были самыми последовательными приверженцами этого принципа. Ибо нет такой подлости, которая остановила бы следствие в фабрикации фальшивых дел. Судить можно хотя бы по манере подкупа арестованных лживыми обещаниями.

Ложь первая, ложь на шару. Арестованному давали изустно или в письменной схеме несколько вариантов самооговора и обличающих показаний на других. Подпиши, уговаривали его с доброй улыбкой на лице, если дорога собственная жизнь и семья. И излагали возможные варианты будущего: после суда

над руководителями организации отпустят, следственные дела засекречены и никто про тебя не узнает, будешь жить в другом городе, дадут квартиру, хорошую работу. Большевики услуг не забывают.

Некоторые подписывали и отбывали на тот свет напрямую. Другие пробовали было торговаться - нельзя ли, мол, без самоговора. Нельзя, слышали категорическое в ответ, ты и нужен, чтобы доказать факт организации. Да и пустое всё, показания на тебя уже есть, а если знал про организацию да не донёс, загремишь под статью 58-12. Выбора-то особого нет. Просто жалко со стороны, человек ты хороший, хоть и вляпался, да и семьянин неплохой...

Манера провокации по-чёрному списана с показаний бывшего следователя Свердловского УНКВД Парышкина. Сам он работал почти без осечек. В камеру с отсаженным входил степенно, с орденом на груди. Говорил, что получил за героизм в гражданской. Орден был настоящий, но вручен совсем недавно за выдающееся зверство в отношении к арестованным землякам.⁹²

По московским процессам, стало известно много позже, редким и очень одарённым провокаторам даровали жизнь и даже благополучие. Доказавшим абсолютное рабство души обычно доверяли низовую идеологическую работу, преподавание водянистых наук вроде истории партии, марксистской философии и политэкономии, неприметные, но хлебные должности в общественных организациях.

Уточню, что свобода даровалась не за факт пусть самого изошрённого, но пассивного лжесвидетельства. Тогда бы, поверьте видевшему много дел, стрелять было некого. За талантливую провокатора держали способного убедительно и без тени смущения врать глаза в глаза на очных ставках. Даже лицу, которого совершенно не знаешь. Тут, согласитесь, на простой наглости не выехать, нужны особые природные задатки подлости. Не оскудел седой Урал и талантами с душком...

Ложь более правдоподобная выглядела примерно так. Подпиши вот эти показания, и следствие сделает

всё, чтобы смягчить наказание. Соучастие к судьбе арестованных у сотрудников НКВД вспыхивало перед приездом военной коллегии, когда следственное дело уже полировалось обшлагом кителя. До вынесения приговора следователь головой отвечал за поведение своего подопытного. Чтобы тот не кинулся на суде в подляну, то есть не отказался от навранного, обещалось и вроде как виделось уже записанным в черновик обвинительного заключения года два-три исправительно-трудовых лагерей. Ну это пережить можно, шло сочувственно и доверительным шёпотом, а остальным всем вышка! И следователь дружески подмигивал обнадёженному. За отказ от показаний, повторялось уже в дверях камеры и предельно строго, обязательно расстрел.

Следственным бриллиантом считался самоговор, работавший на авторитет местного органа НКВД. Чистой воды ложь! В Нижнем Тагиле уговорили железнодорожника подписать заявление о том, что рабочие сортировки хотели пустить с горки пустые вагоны и смять вагон с наркомом тяжёлой промышленности Орджоникидзе. Диспетчеров и составителей пересадили, а чекисты доротделения НКВД ходили в героях. бдительно отогнав, якобы, вагон с наркомом в другое место.⁹³

Свердловские энкаведешники пошли по тому же следу. Одного из арестованных - Смольникова Василия Семёновича - показал бывший следователь УНКВД, долго уламывали подписать заранее составленный протокол допроса, где он вроде бы сознался в том, что с бомбой подбирался к вагону секретаря ЦК ВКП(б) Андреева. Когда он в мае месяце привозил на смотрины Якова Столяра. Сотрудники, следовало по протоколу, перехватили бомбометателя. Да и вагон-то оказался товарным, бдительные чекисты, опять якобы, убрали вагон в безопасное место.

Василий Семёнович на обещания не клюнул, хоть и легче ему от того не стало.⁹⁴ Сомневаюсь, что в УНКВД нашли другого диверсанта-дурака. Вождей "спасали" на многих станциях Союза, это было навязчиво престижно. Но материалов о героизме свердлов-